

ГАРРИ ПОТТЕР

И

ТАЙНАЯ КОМНАТА

2

ДЖ.К. РОУЛИНГ

ГАРРИ ПОТТЕР

И

ТАЙНАЯ КОМНАТА

2

ДЖЕИ РОУЛНГ

ДЖ.К. РОУЛІНІ

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и тайная комната

*Посвящается Шону П.Ф. Харрису, который
всегда примчится и спасет от любой беды*

Глава первая

Чудовищный день рождения

Уже не впервые за завтраком в доме номер четыре по Бирючинной улице разгорелась ссора. Мистер Вернон Дурслей был разбужен до зари громким уханьем, доносившимся из комнаты племянника Гарри.

– Третий раз на неделе! – прорычал мистер Дурслей. – Не можешь унять сову, значит, скажешь ей до свидания!

Гарри, тоже не впервые, попробовал объяснить:

– Ей *скучно*! Она привыкла летать где захочет. Если б вы разрешили хотя бы выпускать ее по ночам...

– Я что, похож на идиота? – фыркнул дядя Вернон, дернув кустистыми усами и прилипшим к ним ошметком яичницы. – Не знаю, по-твоему, чем все кончится, если ты выпустишь это чучело?

Он и его жена Петуния мрачно переглянулись.

Гарри было заспорил, но его доводы заглушила громкая отрывка сына Дурслеев, Дудли.

– Хочу еще бекона.

– Возьми со сковородочки, лапушка, – сказала тетя Петуния, обласкав своего грузного сына затуманенным от нежности взором. – Нужно как следует поправиться, пока есть возможность... Судя по твоим рассказам, еда у вас в школе не слишком...

– Чепуха, Петуния! Я вот в «Смылтингсе» голодным не ходил, – с жаром возразил дядя Вернон. – Дудли кушает вволю, правда, сынок?

Дудли, такой большой, что его зад свешивался со стула, хмыкнул и повернулся к Гарри:

– Передай сковородку.

– Ты забыл волшебное слово, – раздраженно сказал Гарри.

Эта простая фраза подействовала на остальных фантастически: Дудли поперхнулся и грохнулся на пол, от чего содрогнулась вся кухня; миссис Дурслей тоненько взвизгнула и зажала рот руками; мистер Дурслей подскочил, и на висках у него отчетливо выступили вены.

– Я имел в виду «пожалуйста»! – быстро пояснил Гарри. – Я не в смысле...

– РАЗВЕ ТЕБЕ НЕ ГОВОРИЛИ? НЕ ТВЕРДИЛИ СТО РАЗ? – зарокотал дядя, брызгая слюной. – ЧТОБЫ НИКАКОГО ЭТОГО... НА БУКВУ «В» У НАС В ДОМЕ!

– Но я...

– КАК ТЫ СМЕЕШЬ ПУГАТЬ ДУДЛИ! – орал дядя Вернон, стуча кулаком по столу.

– Я просто...

– Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ! В МОЕМ ДОМЕ – НИ СЛОВА О ТВОЕЙ НЕНОРМАЛЬНОСТИ!

Гарри перевел взгляд с дядиной багровой физиономии на бледное лицо тети, тщетно пытавшейся поднять Дудли на ноги.

– Ладно, – сказал Гарри, – ладно, всё...

Дядя Вернон сел, пыхтя как загнанный носорог и злобно косясь на Гарри.

С самого начала летних каникул дядя Вернон вел себя так, словно Гарри – бомба, того и гляди, взорвется, а все потому, что тот и правда *не был* обычным ребенком. Необычайной, по сути, не сыщешь.

Гарри Поттер был колдун и только что окончил первый класс «Хогварца», школы колдовства и ведьминских искусств. Перспектива провести с ним лето под одной крышей ужасала Дурслеев, но их чувства меркли по сравнению с тем, что испытывал сам Гарри.

Тоска по школе мучила его, как боль в животе. Он скучал по замку с его привидениями и потайными ходами, скучал по занятиям (разве что не по Злею, учителю зельеделия), по утренней совиной почте, по пирам в Большом зале, по своей кровати под балдахином, по дружеским чаепитиям с лесником Огридом в его хижине на окраине Запретного леса и особенно по квидишу, самой популярной спортивной игре колдовского мира (шесть высоких шестов с кольцами, четыре летающих мяча, четырнадцать игроков на метлах).

Все книги заклинаний, волшебная палочка, мантии, котел и суперсовременная метла «Нимбус-2000» были заперты дядей Верноном в чулане под лестницей, едва Гарри перешагнул порог дома. Какое дело Дурслеям до того, что Гарри выгонят из команды, если он не будет тренироваться и за лето потеряет форму? Какое им дело, что он явится в школу, не выполнив ни одного домашнего задания?

Дурслеи, будучи, как выражались колдуны, муглами (ни капли волшебства в крови), считали, что колдун в семье – несмываемый стыд и позор. Даже Хедвигу, сову Гарри, дядя Вернон запер в клетке на висячий замок – не ровен час, племянник отправит весточку своей братии.

Внешне Гарри нисколько не походил на родственников. Дядя Вернон – здоровяк с бычьей шеей и черными усищами; тетя Петуния – костлявая, с лошадиным лицом; Дудли – светловолосый, розовый, свиноподобный. А Гарри – маленький и худенький, с блестящими зелеными глазами и непослушной угольно-черной шевелюрой. Он носил круглые очки, а на лбу у него красовался тонкий шрам – зигзаг молнии.

Из-за шрама Гарри и был столь особенным, даже среди колдунов. Только шрам и свидетельствовал о его загадочном прошлом, о событиях, после которых мальчик одиннадцать лет назад оказался на пороге дома Дурслеев.

Гарри был всего год, когда он непостижимым образом пережил злое заклятие величайшего черного мага всех времен, Лорда Вольдеморта, чье имя многие колдуны и ведьмы до сих пор не отваживались произносить вслух. Родители Гарри погибли, но сам мальчик отделался шрамом-молнией, а Вольдеmort – никто так и не понял почему – потерял колдовскую силу от одной лишь попытки убить Гарри.

Вот и вышло, что маленького колдуна воспитывали в семье сестры его погибшей матери. Гарри провел у Дурслеев десять лет. Верил, будто шрам остался ему на память об автомобильной аварии, погубившей родителей, и не понимал, как ему удастся помимо воли творить всякие загадочные вещи.

Потом, ровно год назад, Гарри получил письмо из «Хогварца», и все тайное стало явным. Гарри поступил в колдовскую школу, где он сам и его шрам были знамениты... но теперь учебный год кончился, и на лето Гарри вернулся к Дурслеям, где с ним опять обращались как с дурной собакой, которая к тому же извалялась в тухлой рыбе.

Дурслеи даже не вспомнили, что сегодня у Гарри день рождения – ему исполнялось двенадцать. Конечно, он особо и не рассчитывал; ему никогда не дарили настоящих подарков и тем более не пекли пирог, но все-таки начисто забыть...

Тут дядя Вернон важно прокашлялся и сказал:

– Сегодня, как мы знаем, особенный день.

Гарри недоверчиво поднял взгляд.

– Очень может быть, что для меня он станет днем величайшей сделки в моей карьере, – продолжал дядя Вернон.

Гарри вновь принялся за гренок. «Ну конечно, – горько подумал он, – опять про этот дурацкий ужин». Дядя вот уже две недели не говорил ни о чем больше. На ужин пригласили владельца богатой строительной компании с женой, и дядя Вернон очень рассчитывал заключить с ним крупную сделку (дядина компания производила сверла).

– Пожалуй, стоит прорепетировать еще разок, – решил дядя Вернон. – К восьми часам все занимают назначенные позиции. Петуния, ты будешь?..

– В гостиной, – с готовностью ответила та. – Я буду ждать, чтобы сразу же с милой улыбкой поприветствовать их в нашем доме.

– Отлично, отлично. Дудли, ты?

– Я буду ждать у двери и вежливо им открою. – Дудли скроил противную жеманную улыбочку: – Позвольте ваши плащи, мистер и миссис Мейсон?

– Они в него влюбятся! – в восторге закричала тетя Петуния.

– Прекрасно, Дудли, – похвалил дядя Вернон. И повернулся к Гарри: – А ты?

– Я буду у себя в комнате сидеть тихо и делать вид, что меня нет, – монотонно проговорил Гарри.

– Совершенно верно, – ядовито подтвердил дядя Вернон. – Я провожу их в гостиную, познакомлю с тобой, Петуния, и предложу напитки. В восемь пятнадцать...

– Я приглашу всех за стол, – отрапортовала тетя Петуния.

– А ты, Дудли, скажешь...

– Позвольте проводить вас в столовую, миссис Мейсон? – заученно подал реплику Дудли, предлагая свернутую жирным кренделем руку невидимой даме.

– Ах ты мой маленький джентльмен! – едва не прослезилась тетя Петуния.

– А ты? – Дядя грозно прищурился на Гарри.

– Я буду у себя в комнате сидеть тихо и делать вид, что меня нет, – скучно пробубнил Гарри.

– Вот именно. Теперь подумаем, как вставить за ужином пару непринужденных комплиментов. Петуния, есть идеи?

– Вернон говорил, вы великолепно играете в гольф, мистер Мейсон... Расскажите же, где вы купили это потрясающее платье, миссис Мейсон...

– Чудесно... Дудли?

– Может... Нам в школе задали написать сочинение на тему «Мой герой». Мистер Мейсон, я написал о *вас*!

И для Гарри, и для тети Петунии это оказалось чересчур. Тетя Петуния разразилась счастливыми слезами и бросилась обнимать сына, а Гарри нырнул под стол, чтобы никто не увидел, как он давится со смеху.

– А ты, парень?

Вынырнув, Гарри с большим трудом соорудил серьезную мину.

– Я буду у себя в комнате сидеть тихо и делать вид, что меня нет, – отбарабанил он.

– И еще как будешь, – с нажимом промолвил дядя Вернон. – Мейсоны ничего про тебя не знают, и так оно и останется. Петуния, после ужина ты проводишь их назад в гостиную и предложишь кофе, а я переведу разговор на сверла. Если повезет, мы подпишем контракт еще до вечерних новостей. Завтра в это же время уже будем подыскивать летний дом на Майорке.

Гарри их восторга не разделял. Что на Майорке, что на Бирючинной улице – он в этой семейке лишний.

– Так... Я поехал в город за смокингами. А *ты*, – окрысился он на Гарри, – не лезь куда не просят и не мешай тете приводить дом в порядок.

Гарри вышел через заднюю дверь. День был чудесный, солнечный. Мальчик прошелся по аккуратно подстриженному газону, плюхнулся на садовую скамейку и тихонько запел:

– С днем рожденья меня... с днем рожденья меня...

Ни открыток, ни подарков, да еще весь вечер делать вид, будто его нет в природе. Он горестно уставился на живую изгородь. Больше всего, больше даже, чем по квидишу, Гарри скучал по своим лучшим друзьям Рону Уизли и Гермионе Грейнджер. А вот они, видимо, не

скучали по нему совершенно. За все лето он не получил от них ни строчки, хотя Рон обещал пригласить Гарри погостить.

Уже миллион раз Гарри хотел призвать на помощь колдовство, отпереть клетку и послать Хедвигу к Рону и Гермионе, но всякий раз останавливался. Не стоило рисковать: несовершеннолетним запрещалось колдовать вне школы. Дурслеям Гарри об этом не сказал: если б не их страх превратиться в навозных жуков, его бы и самого заперли под лестницей вместе с метлой и волшебной палочкой. Первую пару недель по возвращении домой Гарри с удовольствием бормотал вполголоса всякую ерунду и смотрел, как Дудли в панике выкатывается из комнаты, топоча жирными ножищами. Но теперь... От Рона и Гермионы ни словечка, колдовской мир бесконечно далек, издевки над Дудли потеряли свою прелесть – а сегодня друзья даже не поздравили его с днем рождения.

Чего бы он только не отдал за письмо из «Хогварца»... от кого угодно. Он, наверное, не отказался бы увидеть и своего заклятого врага Драко Малфоя – лишь бы убедиться, что год в школе не был сном...

И не то чтобы весь год выдался исключительно радужным. В конце последнего семестра Гарри лицом к лицу столкнулся не с кем иным, как с самим Лордом Вольдемортом. Тот, жалкое подобие себя прежнего, все же был очень страшен, и хитер, и жаждал вернуться к власти. Гарри вновь удалось выскользнуть из его цепких лап, но лишь чудом, и до сих пор, много недель спустя, мальчик просыпался по ночам в холодном поту и все думал, где Вольдемонт скрывается сейчас, вспоминал его жуткое лицо, выпученные безумные глаза...

Гарри вздрогнул, напряжился. Он рассеянно глядел на живую изгородь – но вдруг понял, что и *та* *глядит на него!* Среди листвы сверкали два огромных глаза.

Гарри вскочил, и тут до него донесся глумливый голос.

– А я знаю, какой сегодня день, – пропел Дудли, приближаясь вразвалку по газону.

Огромные глаза мигнули и исчезли.

– Что? – переспросил Гарри, не сводя глаз с того места, где они только что были.

– Я знаю, какой сегодня день, – повторил Дудли, подойдя к нему.

– Молодец, – похвалил Гарри, – наконец-то выучил дни недели.

– Сегодня твой *день рождения*, – осклабился Дудли. – Чего же тебе не прислали открыток? У тебя что, нет друзей в этой твоей дурке... куда тебя сбагрили?

– Не боишься, что мамочка услышит, как ты мою дурку обсуждаешь? – холодно осведомился Гарри.

Дудли поддернул брюки, которые так и норовили сползти с толстой задницы.

– А чего ты на изгородь таращишься? – подозрительно спросил он.

– Да вот думаю, каким бы заклинанием ее поджечь, – объяснил Гарри.

Дудли тут же попятился – с диким ужасом на жирной физиономии.

– Н-нельзя... Папа запретил тебе к-колдовать... он сказал, что вышвырнет тебя из д-дому... а тебе некуда идти... у тебя даже друзей нет, куда бы...

– *Колды-балды!* – яростно забормотал Гарри. – *Фокус-покус, фигли-мигли...*

– МА-А-А-А-А-АМ! – заорал Дудли и, спотыкаясь, помчался к дому. – МА-А-А-А-А-АМ! А он... сама знаешь что!

Гарри дорого заплатил за свое невинное развлечение. Ни Дудли, ни изгородь не пострадали; тетя Петуния прекрасно понимала, что никакого колдовства не было, но Гарри все же пришлось уворачиваться от мыльной сковородки, которой она хотела его огреть. А потом нагроутила работой, с ультиматумом: крошки не получишь, пока все не выполнишь.

Дудли слонялся вокруг и ел мороженое, а Гарри протирал окна, мыл машину, стриг газон, полыл клумбы, обрезал и поливал розы, подкрашивал садовую скамейку. Солнце безжалостно палило, обжигая шею. Гарри понимал: не следовало поддаваться на провокацию Дудли, но... тот умудрился ткнуть в больное место... может, у Гарри и правда нет в «Хогварце» друзей...

Жаль, никто не видит знаменитого Гарри Поттера сейчас, свирепо думал он, раскладывая навоз по клумбам, обливаясь пóтом, изнывая от боли в спине.

В половине восьмого, когда он совершенно выдохся, тетя Петуния наконец позвала:

– Заходи в дом! И иди по газетам!

Гарри с облегчением вошел в прохладу кухни, где все сверкало чистотой. На холодильнике стоял пудинг для гостей: огромная шапка взбитых сливок и сахарные фиалки. В духовке шипел большой кусок свиного филе.

– Давай ешь по-быстрому! Мейсоны скоро придут! – гаркнула тетя Петуния и швырнула на блюдо два куска хлеба и остатки сыра. Она уже надела вечернее платье цвета лосося.

Гарри помыл руки и затолкал в рот свой жалкий ужин. Едва он дожевал, тетя выхватила у него блюдо:

– Наверх! Быстро!

Проходя мимо гостиной, Гарри мельком увидел дядю Вернона и Дудли в смокингах и бабочках. Только-только он поднялся на второй этаж, как в дверь позвонили, а у подножия лестницы возникло гневное дядино лицо.

– Запомни, парень, – один раз пикнешь...

Гарри на цыпочках прокрался в свою комнату, скользнул внутрь, закрыл дверь и повернулся к кровати, намереваясь повалиться на нее без сил.

Да вот несчастье – кровать оказалась занята.

Глава вторая

Добби предостерегает

Гарри лишь чудом удержался и не вскрикнул. У крохотного создания, сидевшего на кровати, были большие уши, как у летучей мыши, и зеленые глаза навывкате размером с теннисный мяч. Гарри их тотчас узнал: они-то и глядели на него утром из садовой изгороди.

Гарри и визитер молча уставились друг на друга, а в это время снизу донесся голос Дудли:

– Позвольте ваши плащи, мистер и миссис Мейсон?

Создание соскользнуло с кровати и отвесило поклон, такой глубокий, что кончиком длинного тонкого носа ткнулось в ковер. Гарри только сейчас заметил, что непрошенный гость одет в нечто вроде старой наволочки с неаккуратно прорванными дырками для рук и ног.

– Э-э-э... здравствуйте, – нерешительно сказал Гарри.

– Гарри Поттер! – воскликнуло существо. Его пронзительный голос наверняка долетал до первого этажа. – Столько лет Добби мечтал о знакомстве с вами... Такая великая честь...

– Спа... спасибо, – сказал Гарри. Он по стеночке пробрался к письменному столу и растерянно опустился на стул. Рядом, в клетке, непробудно спала Хедвига. Хотелось спросить: «Вы что за существо?», но Гарри подумал, что это будет невежливо, и ограничился неопределенным: – Кто вы?

– Добби, сэр. Просто Добби. Добби – домовый эльф, – ответил гость.

– Вот как? – отозвался Гарри. – Э-э-э... слушайте, может, это грубо и все такое прочее, но... сейчас такой момент... ну, в общем... не время принимать домовых эльфов.

В гостиной заливисто и фальшиво засмеялась тетя Петунья. Эльф повесил голову.

– Я не то чтоб не рад, – быстро добавил Гарри, – но... ммм... у вас какое-то дело?

– О да, сэр, – серьезно подтвердил Добби. – Добби пришел сказать вам, сэр... это нелегко, сэр... Добби даже не знает, с чего начать...

– Да вы садитесь, – любезно предложил Гарри, указывая на кровать.

К его величайшему ужасу, эльф разразился рыданиями – и очень громко.

– *С-с-сади-и-итесь...* – завывал он, – *никогда... никогда в жизни...*

Голоса внизу на миг притихли.

– Извините, – прошептал Гарри. – Я совсем не хотел вас обидеть, и вообще...

– Обидеть Добби! – захлебнулся эльф. – Добби еще *никогда* не предлагали сесть... ни один колдун... как *равному*...

Гарри, бормоча «тш-ш-ш» и корча сочувственную мину, подвел Добби к кровати, где тот уселся, икая, похожий на большую уродливую куклу. Наконец он взял себя в руки и уставил на Гарри глазищи, полные слезливого обожания.

– Вам, наверное, не часто встречались воспитанные колдуны, – сказал Гарри, надеясь его приободрить.

Добби потряс головой. Затем ни с того ни с сего вскочил и принялся колотиться головой в оконное стекло, вопя:

– *Плохой Добби! Плохой Добби!*

– Не надо... Вы что делаете? – зашипел Гарри, оттаскивая эльфа обратно к кровати. Хедвига проснулась, пронзительно скрежетнув, и забила крыльями по прутьям клетки.

– Добби должен наказать себя, сэр, – объяснил эльф. Глаза у него слегка съехали к переносице. – Добби едва не сказал плохого о своей семье, сэр...

– О... семья?

– О колдовской семье, сэр, у которой Добби состоит в услужении... Добби – домовый эльф... он обязан служить одному дому веки вечные...

– А они знают, что вы здесь? – поинтересовался Гарри.

Добби содрогнулся:

– Ой, нет, сэр, нет... Добби придется сурово себя наказать за приход сюда, сэр. Добби вынужден будет защемить себе уши дверцей духовки. Если б они узнали, сэр...

– А они не заметят, что вы защемили уши?

– Добби в этом сомневается, сэр. Добби вечно себя наказывает за что-нибудь, сэр. Они ему не препятствуют, сэр. Иногда даже напоминают, что Добби нужно себя наказать...

– Но почему вы не уйдете? Не сбежите?

– Домового эльфа надо отпустить на свободу, сэр. А эта семья никогда не отпустит Добби... Добби так и умрет в услужении, сэр...

– Да-а-а... – протянул Гарри. – А я-то жалуюсь, что мне здесь торчать четыре жалких недели. В сравнении с вашей семейкой Дурслей – почти люди. А помочь вам можно? Я, например, могу?

Гарри мигом пожалел о своих словах. Добби разразился благодарными стенаниями.

– Пожалуйста, – в отчаянии зашептал Гарри, – пожалуйста, тише. Если Дурслей услышат... если узнают, что вы здесь...

– Гарри Поттер спрашивает, не может ли он помочь Добби... Добби слышал о вашем величии, сэр, но о такой доброте Добби не подозревал...

Гарри, которому краска бросилась в лицо, сказал:

– Все, что вы слышали о моем величии, – чушь на постном масле. Я даже не первый ученик, первая Гермиона, она...

Но он тут же осекся, потому что вспоминать о Гермионе было тяжело.

– Гарри Поттер застенчив и скромен, – благоговейно произнес Добби, восторженно пылая шарообразными глазами. – Гарри Поттер умалчивает о своей победе над Тем-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут...

– Над Вольдемортом? – ляпнул Гарри.

Добби зажал ладошками свои уши-лопухи и простонал:

– Ах, не произносите имени, сэр! Не произносите имени!

– Простите, – поспешно извинился Гарри, – я знаю, многим не нравится. Вот мой друг Рон...

И снова осекся – вспоминать о Роне тоже было тяжело.

Добби наклонился поближе к Гарри, светя глазищами.

– Добби слышал, – хрипло заговорил он, – что всего несколько недель назад Гарри Поттер встретился с Черным Лордом... и *вновь* избежал гибели.

Гарри кивнул, и глаза Добби заблестали слезами.

– Ах, сэр, – выдохнул он, промокая лицо уголком своей засаленной наволочки. – Гарри Поттер доблестный и храбрый! Он смело встретил

столько опасностей! Но Добби пришел, чтобы защитить Гарри Поттера, предостеречь его, даже если потом придется щемить уши дверцей духовки... *Гарри Поттеру нельзя возвращаться в «Хогварц».*

Наступила тишина, нарушаемая лишь раскатами голоса дяди Вернона и позвякиванием ножей и вилок внизу.

– Ч-что? – пролепетал Гарри. – Но мне нужно вернуться – семестр начинается первого сентября. Да я без этого не выживу! Вы не представляете, каково мне тут. Я здесь *чужой!* Я должен быть в вашем мире – в «Хогварце».

– Нет, нет, нет, – пропищал Добби и затряс головой так, что уши захлопали по щекам. – Гарри Поттер должен оставаться в безопасности. Он слишком велик, слишком благороден, нам нельзя его потерять. Если Гарри Поттер вернется в «Хогварц», ему будет грозить смертельная опасность.

– Почему? – удивился Гарри.

– Заговор, Гарри Поттер. Заговор – в этом году в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств, произойдут ужаснейшие события, – прошептал Добби, внезапно задрожав всем телом. – Добби знает уже давно, сэр. Гарри Поттер не смеет подвергать себя риску. Он слишком важен для нас, сэр!

– Какие еще ужаснейшие события? – сразу спросил Гарри. – Чей заговор?

Добби задумчиво всхлипнул и с силой заколотил головой об стену.

– *Ладно!* – Гарри схватил эльфа за руку. – Не можете сказать – не надо. Я понял. Но зачем предупреждать *меня?* – Внезапно малоприятная мысль посетила его. – Постойте-ка! Это что, касается Воль... простите!.. Сами-Знаете-Кого? Да? Кивните или покачайте головой, – торопливо добавил он, так как лоб Добби вновь оказался в опасной близости от стены.

Добби медленно покачал головой:

– Нет, не Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, сэр...

Но Добби расширил глаза и явно пытался на что-то намекнуть. Гарри тем не менее растерялся.

– У него ведь нет брата, верно?

Добби потряс головой и выпучил глаза сильнее.

– Ну тогда я и не знаю, кому еще хватит силы натворить в «Хогварце» ужаснейшего, – сказал Гарри. – Во-первых, там

Думбльдор... Вы же знаете, кто такой Думбльдор?

Добби почтительно склонил голову:

– Альбус Думбльдор – величайший директор в истории «Хогварца». Добби знает, сэр. Добби слышал, что как маг Думбльдор мог посоперничать с Тем-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут в его лучшие времена. Но, сэр... – голос Добби упал до настойчивого шепота, – есть вещи, которыми Думбльдор не посмеет... силы, к которым ни один приличный колдун...

И, не успел Гарри помешать, Добби спрыгнул с кровати, схватил настольную лампу и с душераздирающими воплями принялся колошматить себя по голове.

Внизу воцарилось молчание. Спустя две секунды Гарри, у которого страшно застучало в висках, услышал, как дядя Вернон идет к лестнице, крича на ходу:

– Должно быть, наш шалунишка опять забыл выключить телевизор!

– Быстро в шкаф! – прошипел Гарри, запихивая Добби и закрывая за ним створку. Сам он едва успел броситься на кровать.

Дверная ручка повернулась.

– Ты – *что* – себе – позволяешь – паршивец! – разъяренно процедил дядя Вернон в лицо племяннику. – Ты, негодяй, испортил мне анекдот про японского гольфиста! Еще один звук – и ты пожалеешь, что на свет родился. Понял, парень?

И он по-слоновьи затопал прочь из комнаты.

Все еще дрожа, Гарри выпустил беспокойного гостя из шкафа.

– Видите, как я здесь живу? – сказал он. – Понимаете, почему мне надо в «Хогварц»? Только там у меня есть... ну, мне кажется, что есть... друзья.

– Друзья, которые даже не *пишут* Гарри Поттеру? – хитро прищурился эльф.

– Наверное, они просто... Подождите-ка, – нахмурился Гарри. – А *вы* откуда знаете, что они не пишут?

Добби переминался с ноги на ногу.

– Гарри Поттер не должен сердиться на Добби. Добби хотел как лучше...

– *Вы перехватывали мои письма?*

– Они у Добби с собой, – сказал эльф. Проворно отступив подальше, он вытащил из-за пазухи толстую пачку конвертов. Гарри

разглядел аккуратный почерк Гермионы, неровные каракули Рона и даже загогулины Огрида, хранителя ключей «Хогварца».

Добби встревоженно заморгал.

– Гарри Поттер не должен сердиться... Добби надеялся... если Гарри Поттер подумает, что друзья забыли его... он, может быть, не захочет возвращаться в школу, сэр...

Гарри не слушал. Он цапнул было письма, но Добби отпрянул.

– Гарри Поттер получит их, сэр, если даст Добби слово, что не вернется в «Хогварц». Ах, сэр, вам нельзя подвергать себя опасности! Обещайте, что не вернетесь в школу, сэр!

– Нет, – сердито сказал Гарри. – Отдайте письма!

– В таком случае Гарри Поттер не оставляет Добби выбора, – печально произнес эльф.

Гарри и пошевелиться не успел – Добби бросился к двери, распахнул ее и припустил вниз по лестнице.

Во рту у Гарри пересохло, под ложечкой засосало, и он, стараясь не шуметь, бросился вдогонку. Перепрыгнул шесть последних ступенек, по-кошачьи беззвучно приземлился на ковер и заозирался в поисках Добби. Из столовой донеслись слова дяди Вернона:

– Расскажите Петунии тот анекдот про американских сантехников, мистер Мейсон. Она до смерти хотела послушать...

Гарри промчался через коридор в кухню – и физически ощутил, как у него на месте желудка образуется черная дыра.

Пудинг, шедевр тети Петунии, восхитительная гора взбитых сливок с сахарными фиалками, парил под потолком. На шкафу в уголке сгорбился Добби.

– Нет, – простонал Гарри, – пожалуйста... они меня убьют!

– Пусть Гарри Поттер пообещает, что не вернется в школу...

– Добби... прошу вас...

– Поклянитесь, сэр!

– Не могу!

Добби глянул трагически:

– В таком случае Добби вынужден, сэр... для блага Гарри Поттера.

Пудинг шлепнулся на пол – от грохота у Гарри едва не остановилось сердце. Блюдо разбилось, сливки разлетелись по окнам и стенам. С щелчком – будто хлыст стегнул – Добби исчез.

Из столовой раздались крики, в кухню ворвался дядя Вернон и увидел остолбе-невшего Гарри в пудинге с ног до головы.

Сначала казалось, что дяде Вернону удастся замять неприятность («Наш племянник – очень нервный ребенок – впадает в беспокойство, когда видит чужих, – держим его наверху»). Он загнал Мейсонов обратно в столовую, как разбежавшихся кур, и, выдав Гарри швабру, пообещал содрать с него шкуру, как только уйдут гости. Тетя Петуния порылась в холодильнике и достала мороженое, а Гарри, все еще не в силах унять дрожь, принялся драить кухню.

У дяди Вернона еще был шанс заключить договор – если бы не сова.

Тетя Петуния как раз протягивала гостям коробку мятных конфет, но тут в окно, хлопая крыльями, влетела здоровенная сипуха – она бросила письмо на голову миссис Мейсон и вылетела на улицу. Миссис Мейсон издала леденящий душу вопль и побежала из дома с криками: «Дурдом! Дурдом!» Мистер Мейсон задержался, исключительно дабы довести до сведения Дурслеев, что его жена панически боится птиц всех форм и размеров, и поинтересоваться, считают ли они сами, что их идиотские шутки смешны.

Гарри стоял посреди кухни, отчаянно хватаясь за швабру, а дядя Вернон наступал на него, и его глазки блистали сатанинским огнем.

– Прочти! – злобно просипел он, размахивая письмом. – Давай, давай – читай!

Гарри взял письмо. То была отнюдь не поздравительная открытка.

Уважаемый мистер Поттер!

Мы получили донесение, что по месту вашего жительства в 21:12 сегодня вечером имело место наложение невесомой чары.

Как вам известно, несовершеннолетним колдунам запрещается использование заклинаний вне стен учебного заведения и любая дальнейшая колдовская деятельность может привести к вашему исключению из вышеупомянутого учебного заведения (Декрет о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних, 1875, параграф С).

Также напоминаем, что любая колдовская деятельность, влекущая за собой опасность обнаружения членами немагического сообщества (муглами), является серьезным нарушением согласно

разделу 13 Закона о секретности Международной Конфедерации Чародейства.

Желаем приятно провести каникулы!

Искренне Ваша,

Мафальда Хопкёрк

Отдел неправомерного использования колдовства

Министерство магии

Гарри оторвал взгляд от письма и судорожно сглотнул.

– А ты не говорил, что тебе запрещается колдовать вне школы, – пробормотал дядя Вернон, и его глаза озарились тусклым сумасшедшим светом. – Забыл, видать... выскочило из головы... – Оскалившись, он навис над мальчиком, как гигантский бульдог. – Что ж, у меня есть новости, парень... я запру тебя наверх... ты больше не пойдешь в свою школу... никогда... а попытаешься применить свои штучки и удрать – тебя исключат!

И, хохоча как маньяк, он поволок Гарри наверх.

Дядя Вернон исполнил угрозы в точности. Наутро он вызвал мастера, и тот поставил Гарри на окно решетку. Сам дядя Вернон установил в дверь откидную кошачью дверцу, чтобы три раза в день совать в комнату скудную еду. В туалет выпускали два раза, утром и вечером. Все остальное время Гарри сидел взаперти.

Через три дня порядки не смягчились, и выхода Гарри не видел. Он лежал на животе, горестно смотрел сквозь решетку на заходящее солнце и гадал, что же с ним теперь будет.

Какой смысл колдовать, чтобы освободиться, если за это его исключат из «Хогварца»? Но жить на Бирючинной улице тоже больше невозможно. Дурслеи узнали, что им не грозит проснуться однажды утром мышами или лягушками, – Гарри лишился последнего своего оружия. Может, Добби и удалось спасти его от ужаснейших событий в «Хогварце», но, если дела пойдут так и дальше, он все равно помрет с голоду.

Хлопнула дверца – рука тети Петунии протолкнула внутрь миску супа из консервов. Гарри, у которого давно подводило живот, соскочил с кровати и схватил миску. Суп был холодный как лед, но Гарри все равно выпил залпом половину. Потом вывалил Хедвиге в кормушку овощи, похожие на мокрые тряпки. Сова нахохлилась и посмотрела на хозяина с глубочайшим отвращением.

– Нечего клюв воротить – ешь что дают, – сурово сказал Гарри.

Он поставил пустую миску на пол рядом с дверцей и снова лег на кровать. Почему-то теперь он был голоднее, чем до супа.

Предположим, через месяц он еще будет жив. Но если он не приедет в «Хогварц»? Пришлют кого-нибудь узнать, что с ним случилось? Смогут заставить Дурслеев его отпустить?

Комната погружалась в темноту. Истерзанный бесплодными размышлениями, вопросами без ответов и голодным бурчанием в животе, Гарри провалился в беспокойный сон.

Ему приснилось, что он сидит в зоопарке, в клетке с табличкой «НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ КОЛДУН». Люди глазеют на него сквозь решетку, а он, изголодавшийся и ослабевший, лежит на соломе. В толпе он различает лицо Добби и зовет его, просит о помощи, но Добби кричит: «Гарри Поттер здесь в безопасности, сэр!» – и исчезает. Появляются Дурслеи. Дудли трясет прутья и потешается над Гарри.

– Прекрати, – бормотал Гарри, пытаясь избавиться от навязчивого грохота, – оставь меня в покое... уйди... я спать хочу...

Он открыл глаза. В зарешеченное окно светила луна. И кто-то *действительно* глядел на него из-за прутьев – кто-то веснушчатый, рыжий, длинноносый.

Рон Уизли.

Глава третья

«Гнездо»

— Рон! — только и сумел выдохнуть Гарри, подкравшись к окну и подняв раму, чтобы можно было говорить через решетку. — Рон, как ты... откуда ты...

Тут челюсть у него так и отвисла: мозг наконец вобрал в себя всю невероятность происходящего. Рон высовывался из заднего окна старого бирюзового автомобиля, припаркованного *в воздухе*. С передних сидений приветственно ухмылялись близнецы Фред и Джордж, старшие братья Рона.

— Как жизнь, Гарри? — спросил Джордж.

— Что с тобой случилось? — затараторил Рон. — Ты почему не отвечал на письма? Я тебя раз двенадцать приглашал в гости! А потом папа сказал, что тебе послали официальное предупреждение за колдовство на глазах у муглов...

— Это не я... А он откуда узнал?

— Он работает в министерстве, — объяснил Рон. — И ты же знаешь, нам нельзя колдовать вне...

— Кто бы говорил, — проворчал Гарри, выразительно оглядев парящую в воздухе машину.

— Это не считается, — ответил Рон. — Машину мы одолжили. Она папина, не *мы* ее заколдовывали. А вот на глазах у изумленных муглов...

— Да говорю тебе, это не я... долго объяснять... Слушай, скажите в «Хогварце», что Дурслеи меня заперли и не пускают в школу, а выколдоваться отсюда я конечно же не могу: в министерстве решат, что это второе заклинание за три дня, и тогда...

— Не стони, — перебил Рон. — Мы приехали за тобой.

— Но вам же тоже нельзя колдовать...

— А нам и не надо, — хмыкнул Рон, кивнув на спутников. — Не видишь, что ли, кого я с собой прихватил?

— Обвяжи-ка вокруг прутьев, — велел Фред, бросая Гарри веревку.

– Если проснутся Дурслеи, я покойник, – сказал Гарри, крепко обмотав решетку.

Фред завел двигатель.

– Не дрейфь, – сказал Фред, – и отойди в сторонку.

Гарри попятился от окна к Хедвиге – та, видимо, сообразила, что дело нешуточное, и притихла. Двигатель взревывал все громче, и наконец решетка с грохотом сорвалась, и автомобиль взмыл в небо. Гарри подбежал к окну – решетка болталась на веревке в нескольких футах от земли. Рон, кряхтя от натуги, тащил ее в машину. Гарри напряженно вслушивался, но из спальни Дурслеев не доносилось ни звука.

Когда решетка наконец была надежно водворена на заднее сиденье к Рону, Фред задним ходом подал автомобиль ближе к окну.

– Забирайся, – сказал Рон.

– Но... мои школьные вещи... палочка... метла...

– Где?

– Заперты в чулане под лестницей, а я не могу выйти из комнаты...

– Не вопрос, – беззаботно бросил Джордж с пассажирского сиденья. – Ну-ка, Гарри, с дороги.

Фред с Джорджем легко, по-кошачьи, перебрались через окно в комнату. С ними и впрямь не пропадешь, подумал Гарри. Джордж достал из кармана шпильку и начал осторожно поворачивать ее в замке.

– Многие колдуны считают, что на мугловые фокусы незачем тратить время, – сказал Фред, – а нам вот кажется, что кое-чему очень даже стоит поучиться, пусть оно и помедленней колдовства.

Раздался тихий щелчок, и дверь распахнулась.

– Ну что, мы притащим сундук, а ты собери здесь все, что нужно, и передай Рону, – шепотом велел Джордж.

– Осторожно на нижней ступеньке – она скрипит, – прошептал Гарри вслед близнецам.

И заметался по комнате, хватая вещи и передавая их в окно Рону. Потом с Фредом и Джорджем заволок сундук вверх по лестнице. Дядя Вернон в спальне кашлянул.

Запыхавшись, они забрались на второй этаж и отнесли сундук к открытому окну. Фред перелез в машину, чтобы помочь Рону тащить, а Гарри с Джорджем толкали из комнаты.

Дядя Вернон снова кашлянул.

– Еще чуть-чуть, – просипел Фред из машины, – еще разок толкните...

Гарри и Джордж навалились плечами, и сундук проскользнул по подоконнику на заднее сиденье.

– Ну все, отчаливаем, – шепнул Джордж.

Но стоило Гарри влезть на подоконник, за спиной раздался возмущенный совиный крик, а затем – не менее возмущенный рык дяди Вернона:

– ВОТ ЧЕРТОВА СОВА!

– Я забыл Хедвигу!

Гарри рванулся через всю комнату, и тут щелкнул выключатель у лестницы. Мальчик схватил клетку, пулей пронесся к окну и сунул сову Рону. Потом снова влез на комод, а дядя Вернон забарабанил в незапертую дверь – и дверь с треском распахнулась.

На долю секунды силуэт дяди Вернона застыл в проеме; затем дядя утробно взревел на манер разъяренного быка, ринулся на Гарри и успел ухватить его за лодыжку.

Рон, Фред и Джордж в свою очередь схватили Гарри за руки и потянули изо всех сил.

– Петуния! – вопил дядя Вернон. – Он уходит! УХОДИТ!

Уизли дружно поднажали, и нога Гарри выскользнула из железной лапищи дяди Вернона – Гарри оказался в машине, захлопнул дверцу...

– Фред, газу! – заорал Рон, и машина стрелой взметнулась к луне.

Гарри не верил своему счастью – он свободен! Он высунулся из окна – ночной ветер растрепал волосы – и смотрел, как быстро уменьшаются крыши домов на Бирючинной улице. Остолбеневшие дядя Вернон, тетя Петуния и Дудли свешивались из окна его комнаты.

– Увидимся следующим летом! – про-кричал Гарри.

Мальчишки покатались со смеху, и Гарри уселся поудобнее, улыбаясь от уха до уха.

– Выпусти Хедвигу, – попросил он Рона. – Пусть летит за нами. Она уже тысячу лет крылья не разминала.

Джордж протянул Рону шпильку, и спустя мгновение Хедвига радостно вырвалась из окна и бесшумным привидением заскользила рядом с машиной.

– Ну, так что за дела? – нетерпеливо спросил Рон. – Что с тобой приключилось?

Гарри все рассказал: и про Добби, и про предостережение, и про беду с фиалковым пудингом. Когда он закончил, наступило долгое, потрясенное молчание.

– Дело ясное, что дело темное, – в конце концов вынес приговор Фред.

– Темней некуда, – согласился Джордж. – И он даже не сказал, о чем заговор и кто заговорщики?

– Мне кажется, он не мог, – ответил Гарри. – Я же говорю, он бился головой об стенку, как только хотел проговориться.

Фред с Джорджем переглянулись.

– Что? Думаете, он наврал?

– Ну-у-у, – протянул Фред, – скажем так: у домовых эльфов у самих с магией все тип-топ, но обычно они не могут ею пользоваться без разрешения хозяина. Я так думаю, старину Добби подослали, чтоб ты не возвращался в «Хогварц». Кто-то, так сказать, пошутил. Есть у кого-нибудь на тебя зуб?

– Да, – сразу же хором ответили Рон и Гарри.

– Драко Малфой, – пояснил Гарри. – Он меня ненавидит.

– Драко Малфой? – переспросил Джордж, оборачиваясь. – Часом, не сын Люциуса Малфоя?

– Наверное. Фамилия не слишком распространенная, – сказал Гарри. – А что?

– Да я слышал, как папа про него говорил, – объяснил Джордж. – Малфой в свое время поддерживал Сам-Знаешь-Кого.

– А когда Сам-Знаешь-Кто исчез, – добавил Фред, обернувшись к Гарри, – Люциус Малфой вернулся и заявил, что ни в чем не замешан и не виноват. Но это все враки – папа говорит, он принадлежал к ближайшему Сам-Знаешь-Чьему окружению.

Гарри и прежде слышал подобное о семье Малфоев – и не удивлялся. По сравнению с Малфоем Дудли казался умным, добросердечным и чувствительным мальчиком.

– Не знаю, есть ли у Малфоев домовый эльф... – задумчиво протянул Гарри.

– Чей бы он ни был, это старинный колдовской род, к тому же богатый, – сказал Фред.

– Ага. Мама тут обмолвилась, что не отказалась бы от домового эльфа – гладить белье, – добавил Джордж. – А у нас только паршивый старикашка упырь на чердаке да гномы в саду. Домовые эльфы живут в особняках, замках, во всяких, знаешь, таких местах; у нас их не встретишь...

Гарри промолчал. У Драко Малфоя всегда было все самое лучшее – надо полагать, его семья купается в колдовском золоте; легко представить, как Малфой разгуливает по роскошному особняку. Да и такая «шуточка» – послать слугу, чтобы помешал Гарри вернуться в «Хогварц», – вполне в духе Малфоя. Может, Гарри свалил дурака, приняв Добби всерьез?

– Короче, я рад, что мы приехали, – сказал Рон. – Я уже взаправду забеспокоился, чего ты на письма не отвечаешь. Сначала думал, Эррол виноват...

– Кто это – Эррол?

– Наш филин. Ужасно древний. Уже не раз падал, когда нес почту. Я хотел одолжить Гермеса...

– Кого?

– Это сова Перси – родители подарили, когда он стал старостой, – объяснил Фред.

– Но Перси не дал, – продолжал Рон, – сказал, что Гермес ему самому нужен.

– Перси вообще все лето чудит, – нахмурился Джордж. – Строчит письма, запирается у себя постоянно... Хотя, казалось бы, сколько можно полировать значок старосты?.. Ты забрал слишком далеко на запад, Фред, – прибавил он, ткнув в компас на приборной панели.

Фред крутанул руль.

– А ваш отец знает, что вы взяли машину? – поинтересовался Гарри, догадываясь, впрочем, каков будет ответ.

– Ммм... нет. У него работа сегодня вечером. Если повезет, вернем машину в гараж и мама даже не заметит, что мы ее брали.

– А что он делает в министерстве?

– Работает в самом скучном отделе, – сказал Рон. – Отдел неправомочного использования мугл-артефактов.

– Чего?

– Ну, он занимается заколдованными предметами, которые сделаны муглами. Вдруг они снова попадут в мугловый магазин или к

кому-то в дом. Вот в прошлом году умерла одна старая ведьма и ее чайный сервиз продали в антикварный магазин. Его купила муглянка, принесла домой, пригласила друзей чаю попить. Это был кошмар – папа потом неделями приходил домой за полночь.

– А что случилось?

– Чайник взбесился и давай кипятком брызгать во все стороны, а один дядька попал в больницу – щипцы для сахара укусили его за нос. Папа совершенно выдохся – у них в отделе только он да старик Перкинс, и пришлось им налагать заклятия забвения и всякое такое, чтобы замять эту историю...

– Но как же... ваш отец... и эта машина... Фред засмеялся:

– Ой, он обожает мугловые штуки, у нас их в сарае полно. Он их разбирает, заколдовывает и собирает обратно. Если б он устроил обыск у нас дома, ему пришлось бы себя арестовать. Мама из-за этого бесится.

– Мы уже на главной дороге, – перебил Джордж. – Через десять минут будем на месте. Ну и хорошо, а то светает...

Горизонт на востоке слабо засветился розовым.

Фред немного сбавил высоту, и внизу Гарри увидел темное стеганое одеяло возделанных полей и рощиц.

– Скоро деревня, – сказал Джордж. – Колготтери Сент-Инспекторт.

Машина спускалась все ниже. За деревьями уже показался краешек рубинового солнечного диска.

– Приземлились! – воскликнул Фред, когда с легким «бум!» колеса коснулись земли. Машина села у полуразрушенного гаража во двореке, и через окно Гарри в первый раз увидел дом Рона.

Дом походил на большой каменный хлев, к которому там и сям хаотично пристраивали все новые и новые помещения, пока хлев не подрос на несколько этажей и не перекосялся; казалось, не разваливается он лишь по волшебству (впрочем, напомнил себе Гарри, так оно, вероятно, и было). На красной крыше торчало штук пять труб. У двери в землю был воткнут шест с криво прибитой дощечкой, где значилось: «Гнездо». У порога валялось великое множество резиновых сапог и сильно проржавевший котел. По двору, что-то поклевывая, бродили пухлые коричневые куры.

– Ничего интересного, – бросил Рон.

– У вас здорово! – счастливо воскликнул Гарри, вспомнив Бирючинную улицу.

Они вышли из машины.

– Слушайте – наверх поднимаемся исключительно осторожно! – предупредил Фред. – А дальше ждите, пока мама не позовет завтракать. Тогда ты, Рон, сбежишь вниз весь такой: «Мам, смотри, кто ночью приехал!» – и она дико обрадуется и не заметит, что мы брали машину.

– Правильно, – согласился Рон. – Пошли, Гарри, я живу на самом...

Рон вдруг весь позеленел, и глаза его застыли. Остальные трое развернулись.

Через двор, распугивая кур, шагала миссис Уизли, и просто поразительно, до чего эта низенькая, пухленькая, добродушная женщина напоминала саблезубого тигра.

– Ой, – сказал Фред.

– М-мамочки, – сказал Джордж.

Миссис Уизли остановилась перед ними, уперев руки в боки, и молча переводила взгляд с одного виноватого лица на другое. На ней был цветастый передник – из кармана торчала волшебная палочка.

– Ну, – сказала миссис Уизли.

– Доброе утро, мам, – сказал Джордж, и только ему одному показалось, что у него это вышло легко и беззаботно.

– Вы вообще представляете, как я волновалась? – произнесла миссис Уизли страшным шепотом.

– Извини, мам, но, понимаешь, нам надо было...

Все трое сыновей были выше матери, но пред ее гневом заметно скукожились.

– Кровати пустые! Записки нет! Машины нет... могли разбиться... чуть с ума не сошла... вам наплевать? Хоть бы раз обо мне подумали! Вот вернется отец, он вам покажет! Ни Билл, ни Чарли, ни Перси никогда ничего подобного...

– Его Превосходительство Перси, – бормотнул себе под нос Фред.

– А ТЕБЕ НЕ МЕШАЛО БЫ ВЗЯТЬ С НЕГО ПРИМЕР! – завопила миссис Уизли, ткнув пальцем Фреду в грудь. – Вы могли погибнуть, вас могли увидеть, отец мог потерять из-за вас работу...

Казалось, это продолжалось много часов. Миссис Уизли успела охрипеть. Наконец она повернулась к Гарри, и тот попятился.

– Я так рада, что ты здесь, Гарри, деточка, – сказала она. – Заходи, поешь с дороги.

Она пошла в дом, а Гарри испуганно глянул на Рона и, получив ободряющий кивок, последовал за ней.

Кухня была маленькая и довольно тесная. Посредине – строганый деревянный стол и стулья. Гарри присел на краешек стула и огляделся. Прежде он не бывал в колдовском доме.

На стене напротив висели часы с одной стрелкой и без цифр. Вместо цифр по краю шли надписи: «Время ставить чай», «Время кормить кур», «Опять опоздал». На каминной полке в три ряда толпились книжки с заглавиями типа «Сырочарня на дому», «Волшебная выпечка», «Пир в одну минуту – чудеса!». И либо Гарри обманывал слух, либо по старому радио над раковиной только что объявили, что через пару минут начнется «Ведьмин час», где выступит Прельстина Солоуэй, «певица-чаровница».

Миссис Уизли хлопотала, ловко, хотя и довольно небрежно стряпая завтрак. Всякий раз, бросив на сковородку сосиску, она бросала гневный взгляд на сыновей. То и дело она ворчала: «Не знаю, где была ваша голова» и «Уму непостижимо».

– Тебя я не виню, милый, – уверила она Гарри, навалив ему на тарелку восемь или девять сосисок. – Мы с Артуром сами беспокоились. Как раз вчера вечером говорили: если к пятнице ты Рону не ответишь, поедem и заберем тебя. Но, честное слово, – она добавила к сосискам яичницу из трех яиц, – летать на запрещенном виде транспорта через всю страну! Вас кто угодно мог увидеть...

Между делом она постучала волшебной палочкой по тарелкам в раковине, и те сами собой начали мыться, тихонько позвякивая.

– Было *облачно*, мам! – не выдержал Фред.

– Когда я ем, я глух и нем! – яростно огрызнулась миссис Уизли.

– Мам, они его голодом морили! – сказал Джордж.

– Ты тоже молчи! – прикрикнула миссис Уизли, но лицо ее несколько смягчилось, и она принялась нарезать и намазывать маслом хлеб для Гарри.

Тут кое-что отвлекло всеобщее внимание от препирательств – маленькая рыжеголовая фигурка в длинной ночной рубашке возникла на пороге, тихонько взвизгнула и выбежала вон.

– Джинни, – вполголоса пояснил Рон для Гарри. – Моя сестра. Все лето только о тебе и твердила.

– Ага, ты потом дай ей автограф, – ухмыльнулся Фред, но, поймав взгляд матери, замолчал и уткнулся носом в тарелку.

Больше не было сказано ни слова, пока все четыре тарелки не оказались вылизаны – на редкость быстро.

– *Ужас* до чего я устал. – Фред зевнул, наконец откладывая нож и вилку. – Пойду-ка посплю и...

– Никуда ты не пойдешь, – заявила миссис Уизли. – Сам виноват, что не выспался. Отправляйся в сад, его давно пора разгномить: они опять совершенно отбились от рук...

– Ой, мам...

– И вы двое тоже, – сказала она Рону и Джорджу, пылая глазами. – А ты, мой дорогой, иди поспи, – сказала она Гарри. – Ты же не виноват, что они прилетели за тобой на этой идиотской машине...

Но Гарри, который совершенно не хотел спать, быстро сказал:

– Я помогу Рону. Я еще никогда не разгномливал сад...

– Это очень благородный порыв, детка, но работа ужасно скучная, – сказала миссис Уизли. – Посмотрим, что по этому поводу говорится у Чаруальда...

И она вытащила толстую книгу из стопки над очагом. Джордж застонал:

– Мам, ну что мы, не знаем, как разгномить сад?

Гарри взглянул на обложку. Поперек витыми золотыми буквами шла надпись: «Сверкароль Чаруальд. Бытовые и сельскохозяйственные вредители. Справочник». Там же была большая фотография очень милovidного колдуна со светлыми кудрями и сияющими голубыми глазами. Как всегда на колдовских фотографиях, фигура двигалась; колдун – очевидно, сам Сверкароль Чаруальд – весело подмигивал всем присутствующим. Миссис Уизли просияла в ответ.

– Он само очарование, – сказала она, – и насчет домашних вредителей дока! Весьма полезная книга...

– Мама в него *втюрилась*, – громким шепотом сообщил Фред.

– Не болтай глупости, Фред, – оборвала сына миссис Уизли, но щеки ее заметно порозовели. – Ну хорошо, если вы считаете, что все знаете лучше Чаруальда, приступайте, но имейте в виду: если я найду хоть одного гнома...

Зевая и ворча, братья поплелись в сад, и Гарри отправился вслед за ними. Сад был большой и, на взгляд Гарри, как раз такой, каким и должен быть настоящий сад. Дурслеям бы не понравилось: сорняков полно и трава нестриженная, – но повсюду вдоль забора росли сучковатые деревья, на клумбах буйствовали какие-то неведомые растения, а посередине зеленел большой пруд с лягушками.

– У муглов тоже есть садовые гномики, – поведал Гарри Рону, когда они шли по лужайке.

– А, я видел. Они думают, это гномы, – ответил Рон и нырнул головой в пионовый куст. – Жирные Санта-Клаусы с удочками...

Что-то шумно завожилось, куст пиона содрогнулся, и Рон выпрямился.

– Вот *это* – гном, – мрачно пробурчал он.

– Ассстань от меня! Ассстань! – визжал гном.

Вне всякого сомнения, гном не имел ничего общего с Санта-Клаусом. Он был маленький, кожистый, с большой, шишковатой, лысой головой – вылитая картошка. Рон держал его на вытянутой руке, а гном отчаянно брыкался мозолистыми ножонками. Рон ухватил гнома за лодыжки и перевернул вниз головой.

– Вот как с ними поступают, – сказал Рон. Он поднял гнома над головой («Ассстань!») и принялся раскручивать, как лассо. Увидев потрясенное лицо Гарри, Рон добавил: – Ему совершенно не *больно* – просто надо, чтоб у него как следует закружилась голова, он тогда не найдет дорогу обратно.

И внезапно он выпустил гнома – тот пролетел футов двадцать и шмякнулся где-то за забором, в поле.

– Слабак, – сказал Фред. – Спорим, мой улетит вон за тот столб.

Очень скоро Гарри перестал жалеть гномов. самого первого он хотел аккуратно высадить за забор, но гном, почуяв слабость, бритвенно-острыми зубками впился ему в палец, и Гарри долго мучился и тряс рукой, пока...

– У-у-ух ты, Гарри, – это ж футов пятьдесят...

Вскоре небо потемнело от летающих гномов.

– Они не слишком сообразительные, – сказал Джордж, схватив целую компанию. – Как прослышат, что тут разгномливают сад, так и лезут наверх поглазеть. Казалось бы, давно пора понять, что лучше не высовываться.

Вскоре гномы потащились по полю прочь неровным строем, понуриив плечики.

– Скоро вернутся, – сказал Рон, наблюдая, как гномы исчезают за изгородью на другом краю поля. – Им у нас нравится... Папа с ними цацкается, говорит, забавные...

Тут хлопнула входная дверь.

– Пришел! – крикнул Джордж. – Папа пришел!

Ребята поспешили в дом.

Мистер Уизли тяжело сел на стул в кухне, снял очки и закрыл глаза. Худой, лысеющий человек, но остатки волос ярко-рыжие, как и у всех его детей. Его длинная зеленая мантия запылилась и поистрепалась.

– Ну и ночка, – пробормотал он и в поисках чайника захлопал рукой по столу. Дети расселись вокруг. – Девять рейдов. Девять! К тому же, стоило мне отвернуться, гадюка Мундугнус Флетчер попытался меня заклясть...

Мистер Уизли громко хлебнул из чайника и вздохнул.

– Но ты нашел чего-нибудь, пап? – спросил Фред.

– Да не особенно, пару ключей-скукожек и кусачий чайник. – Мистер Уизли зевнул. – Нашлась, правда, кое-какая мерзость, но не по нашему департаменту. Мертвоморриса забрали, у него обнаружили весьма и весьма подозрительные хорьки, но, хвала небесам, это дела комитета экспериментальной магии...

– Кто это так маялся дурью, что наваял ключей-скукожек? – удивился Джордж.

– Ну... для потехи над муглами, – вздохнул мистер Уизли. – Ключ от двери постоянно уменьшается и наконец вообще исчезает. Нужен ключ, а не найдешь. Конечно, тут трудно что-то доказать, ни один мугл не признается, что у него исчезают ключи, – скажет, что просто вечно их теряет. Бедняжки на все готовы, лишь бы не замечать волшебства, даже когда оно под самым носом... Но вы не поверите, чего только не заколдовывают наши с вами сородичи...

– МАШИНЫ, НАПРИМЕР?

Появилась миссис Уизли с длинной кочергой, занесенной как меч. Мистер Уизли широко раскрыл глаза и виновато уставился на жену.

– М-машины, Молли, лапушка?

– Да-да, Артур, машины, – подтвердила миссис Уизли, сверкая глазами. – Представь себе, один колдун купил старый, ржавый автомобиль, сказал жене, что всего-навсего хочет разобрать его на части и посмотреть, как он работает, а *сам* заколдовал его так, чтоб автомобиль *летал*.

Мистер Уизли моргнул.

– Должен заметить, милая, что этот колдун действовал вполне в рамках закона, хотя, разумеется, ему... ммм... пожалуй, следовало сказать жене правду... В законе, да будет тебе известно, есть... ммм... лазейки... Поскольку колдун не имел *намерений* летать на машине, тот факт, что машина *способна* летать, не означает...

– Артур Уизли, ты эту лазейку вписал в закон сам! – закричала миссис Уизли. – Чтобы и дальше возиться в сарае со своим мугловым хламом! Кроме того, к твоему сведению, Гарри прибыл сегодня утром в той самой машине, на которой ты не имел *намерений* летать!

– Гарри? – переспросил мистер Уизли. – Какой Гарри?

Он огляделся, увидел Гарри и подпрыгнул.

– Батюшки мои! Гарри Поттер! Я так рад, Рон столько о тебе рассказывал...

– *Твои сыновья сегодня ночью летали на этой дрянной машине за Гарри и обратно!* – прогремела миссис Уизли. – Что ты на это скажешь, а?!

– Неужели? – разволновался мистер Уизли. – Ну и как она, нормально? То... то есть... – Он осекся, потому что из глаз миссис Уизли полетели молнии. – Это было... крайне неосмотрительно с вашей стороны, дети... крайне неосмотрительно...

– Пойдем-ка отсюда, – прошептал Рон на ухо Гарри, видя, что миссис Уизли раздувается, как лягушка-бык. – Я тебе покажу мою комнату.

Они тихонько выскользнули из кухни и по узенькому коридорчику прошли к кривоватой лестнице, которая замысловатыми зигзагами вилась куда-то вверх. На втором этаже была открыта дверь. Гарри едва успел заметить за нею два блестящих карих глаза, как дверь с грохотом захлопнулась.

– Джинни, – сказал Рон. – Ты не представляешь, до чего странно, что она так стесняется. Обычно от нее не отвяжешься...

Вскарабкавшись еще на пару маршей, они подошли к облупленной двери, на которой висела табличка «КОМНАТА РОНАЛЬДА».

Гарри вошел, почти касаясь головой косого потолка, и заморгал. Будто в печку нырнул: почти все здесь было отчаянно-оранжевым – покрывало, стены, даже потолок. Гарри не сразу понял, что его друг заклеил выцветшие обои плакатами – команда из семи колдунов и ведьм в разных видах. Все они были в ярко-оранжевой форме, с метлами в руках, и энергично махали вошедшим.

– Твоя квидишная команда? – догадался Гарри.

– «Пуляющие пушки». – Рон показал на оранжевое покрывало с двумя огромными вышитыми черным буквами «П» и пушечным ядром в полете. – Девятые в лиге.

Учебники Рона были свалены в кучу в углу, рядом валялись комиксы, повествующие о «Приключениях Мартина Миггса, малахольного мугла». На подоконнике стоял аквариум с головастиками, поверх него лежала волшебная палочка. Рядом на солнышке дремала толстая серая крыса по кличке Струпик.

Гарри перешагнул колоду самотасующихся карт на полу и выглянул в крошечное окошко. Далеко в поле целый батальон гномов потихоньку штурмовал изгородь Уизли. Гарри повернулся к Рону – тот настороженно наблюдал за ним, будто ожидая приговора.

– Тут тесновато, – быстро заговорил Рон. – Не то что у твоих муглов. И прямо надо мной чердак с упырем, а он по ночам стонет и колотит по трубам...

Но Гарри, во весь рот улыбнувшись, перебил:

– Да это же лучший дом на свете!

У Рона порозовели уши.

Глава четвертая

У Завитуша И Клякца

Жизнь в «Гнезде» решительно ничем не напоминала жизнь на Бирючинной улице. Дурслей любили, чтобы все аккуратно шло своим чередом, – в доме Уизли вечно творилось невообразимое. Гарри чуть удар не хватил, когда он впервые посмотрелся в зеркало над кухонным очагом, а оно заорало: «Заправь рубашку, неряха!» На чердаке упырь заунывно стенал и ронял железяки, едва ему казалось, что вокруг сделалось слишком тихо, а на взрывы, то и дело гремевшие в комнате близнецов, вообще мало кто обращал внимание. Но больше всего Гарри удивлялся не тому, что здесь разговаривают зеркала и грохочут упыри, а тому, что все его любят.

Миссис Уизли стирала и штопала ему носки, а за столом старалась впихнуть по три порции добавки. Мистер Уизли сажал Гарри рядом с собой и бомбардировал вопросами про муглов – как устроен штепсель, как работает почтовая служба.

– *Потрясающе*, – говорил он, выслушав подробный инструктаж по использованию, к примеру, телефона. – Просто *удивительно*, сколько у муглов способов обходиться без волшебства...

Солнечным утром, примерно через неделю после своего появления в «Гнезде», Гарри получил письмо из «Хогварца». Они с Роном спустились к завтраку, а мистер и миссис Уизли и маленькая Джинни уже сидели за столом. При виде Гарри девочка с грохотом опрокинула на пол тарелку овсяной каши: Джинни всегда что-нибудь опрокидывала, стоило ему войти. Сейчас она нырнула под стол за тарелкой и вылезла, пылая лицом как заходящее солнышко. Гарри, притворившись, будто ничего не заметил, сел за стол, и миссис Уизли вручила ему гренки.

– Письма из школы, – объявил мистер Уизли и протянул Гарри с Роном одинаковые конверты желтоватого пергамента, надписанные зелеными чернилами. – Думбльдор уже знает, что ты у нас, Гарри, – вот ведь человек, ничто от него не скроется. И вы двое, тоже

получите, – добавил он, обращаясь к заспанным близнецам – те вошли в кухню, спотыкаясь и путаясь в пижамных штанах.

Воцарилось молчание – дети читали письма. Гарри узнал, что ему предписывается первого сентября прибыть на вокзал Кингз-Кросс и сесть, как обычно, на «Хогварц-экспресс». Также прилагался список книг для второго класса.

Учащимся второго года обучения необходимо иметь следующие книги:

- Миранда Истреб. «Сборник заклинаний (часть вторая)»
- Сверкароль Чаруальд. «Беседы с банши»
- Сверкароль Чаруальд. «Ужин с упырями»
- Сверкароль Чаруальд. «Каникулы с колдуньями»
- Сверкароль Чаруальд. «Турне с троллями»
- Сверкароль Чаруальд. «Вояж с вампиром»
- Сверкароль Чаруальд. «Общение с оборотнями»
- Сверкароль Чаруальд. «Единение с йети»

Фред, дочитав, заглянул через плечо к Гарри.

– И вам тоже покупать Чаруальдовы книжки! – сказал он. – Новый учитель по защите от сил зла, должно быть, его поклонник. Или, скорее, поклонница! – Тут он поймал взгляд матери и деловито принялся за мармелад.

– Между прочим, недешево, – заметил Джордж, покосившись на родителей. – Книжки Чаруальда очень дорогие...

– Как-нибудь справимся, – сказала миссис Уизли, но явно забеспокоилась. – Надеюсь, для Джинни многое удастся купить в секонд-хэнде.

– А ты в этом году тоже в «Хогварц»? – спросил Гарри у девочки.

Та кивнула, вспыхнула до корней огненных волос и поставила локоть в масленку. К счастью, никто, кроме Гарри, этого не заметил, потому что в кухню как раз вошел Перси, старший брат Рона. Он уже оделся, и к жилетке у него был приколот значок старосты.

– Всем доброе утро, – бодро поздоровался Перси. – Прекрасный день.

Он с достоинством уселся на единственный пустой стул, но тотчас вскочил и вытащил из-под себя серую линялую перьевую метелку – по

крайней мере, Гарри думал, что это метелка, пока не заметил, что та дышит.

– Эррол! – вскричал Рон, забрал у Перси обмякшего филина и вынул письмо из-под крыла. – Ну наконец-то Гермиона ответила. Я ей написал про операцию спасения тебя от Дурслеев.

Он отнес Эррола к насесту у задней двери, попытался усадить, но филин завалился набок, и Рону пришлось положить его у раковины. Пробормотав: «Убожество», он разорвал конверт и прочел вслух:

Дорогой Рон и дорогой Гарри, если ты там!

Надеюсь, что все прошло удачно, и что Гарри в порядке, и ты, Рон, не натворил ничего противозаконного, потому что тогда у вас обоих могли быть неприятности. Я ужасно переживаю, поэтому, если с Гарри все нормально, дайте мне знать сразу же, как получите мое письмо, но, может быть, лучше, Рон, послать другую сову, потому что, мне кажется, эту еще одна доставка убьет.

Я, конечно, делаю очень много уроков... (Откуда она их взяла? – ужаснулся Рон. – У нас же каникулы!)... а в следующую среду мы поедем в Лондон за учебниками. Давайте встретимся на Диагон-аллее?

Скорее сообщите, как у вас дела.

С любовью,

Гермиона

– А что, нам это очень даже подходит. Мы тоже можем поехать в среду, – сказала миссис Уизли, начав убирать со стола. – А сегодня что будете делать?

Гарри, Рон, Фред и Джордж планировали подняться на гору, где у Уизли был участок. Деревья со всех сторон скрывали его от жителей деревни внизу – там можно поиграть в квидиш, не залетая, конечно, слишком высоко. Разумеется, настоящие квидишные мячи не возьмешь – если они вырвутся на свободу и улетят, трудно будет объяснить их появление в деревне, – и вместо мячей ребята кидали друг другу яблоки. Они по очереди катались на «Нимбусе-2000» – метла Гарри была, разумеется, лучшей в их маленьком коллективе; «Падающую звезду» Рона иногда обгоняли даже бабочки.

Через пять минут после завтрака мальчики с метлами на плечах уже взбирались на гору. Они позвали с собой Перси, но тот отказался,

сославшись на занятость. До сих пор Гарри встречался с Перси только за едой; все остальное время тот проводил, закрывшись в своей комнате.

– Интересно, чем это он там занимается, – задумчиво нахмурился Фред. – Он сам на себя не похож. Его результаты экзаменов прислали за день до твоего приезда; получил С.О.В.У. 12 – и даже не повыпендривался!

– Совершенно Обычный Волшебный Уровень, – пояснил Джордж в ответ на озадаченную гримасу Гарри. – У Билла тоже было двенадцать. Того и гляди, в семье заведется второй старший староста. Я не переживу такого позора.

Билл был первенцем в семействе Уизли. Он и следующий за ним брат Чарли уже закончили «Хогварц». Гарри ни разу с ними не встречался, но знал, что Чарли изучает драконов в Румынии, а Билл в Египте работает в «Гринготтсе», колдовском банке.

– Не представляю, как в этом году мама с папой будут платить за наши школьные причиндалы, – после некоторого раздумья произнес Джордж. – Пять собраний Чаруальда! А Джинни нужны и форма, и палочка, и прочее...

Гарри промолчал. Ему было неловко. В Лондоне, в подземном хранилище «Гринготтса», лежало целое состояние, доставшееся ему от родителей. Конечно, богат он был только в колдовском мире; в мугловых магазинах нельзя расплачиваться галлеонами, сиклями и кнудами. Впрочем, Дурслеям он о своем банковском счете не говорил: подозревал, что их ужас перед всем волшебным на огромную гору золота может и не распространиться.

На следующее утро миссис Уизли разбудила всех рано. Чтобы дети «наспех перекусили», она выдала каждому по полдюжины бутербродов с ветчиной. Потом ребята надели куртки, а миссис Уизли взяла с каминной полки цветочный горшок и сунула нос внутрь.

– Почти ничего не осталось, Ар тур, – вздохнула она. – Придется сегодня купить еще... Ну, не важно. Итак, гость пойдет первым! Прощу, Гарри, дорогой!

И миссис Уизли протянула ему цветочный горшок.

Гарри непонимающе уставился на обращенные к нему лица.

– Ч-что я должен делать?.. – запинаясь, спросил он.

– Он же никогда не пользовался кружаной мукой! – вдруг вспомнил Рон. – Прости, Гарри, я забыл!

– Ни разу? – удивился мистер Уизли. – А как же ты попал на Диагон-аллею в прошлом году?

– Да на метро...

– Правда? – восхитился мистер Уизли. – Это где *эскапаторы*? А как они...

– *После*, Артур, – оборвала миссис Уизли. – Кружаная мука гораздо быстрее, милый, но, батюшки мои, что же делать, если ты ни разу ею не пользовался?..

– Да все будет хорошо, мам, – успокоил Фред. – Гарри, давай сначала мы, а ты смотри.

Он взял щепотку блестящей муки из горшка, шагнул к камину и бросил муку в огонь.

Пламя, взревев, сделалось изумрудным и поднялось выше Фреда, а тот вошел в огонь, выкрикнул: «Диагон-аллея!» – и исчез.

– Запомни, милый, надо говорить очень внятно, – наставляла миссис Уизли, а Джордж тем временем уже запустил руку в горшок. – И внимательно следить, чтобы выйти у нужного очага...

– Нужного чего? – нервно переспросил Гарри, а пламя опять взметнулось и поглотило Джорджа.

– Каминов много, но если ты произнесешь четко...

– Не переживай, Молли, с ним все будет в порядке, – успокоил мистер Уизли, сам цепляя щепотку.

– Но, дорогой, если он вдруг потеряется, что мы скажем его дяде и тете?

– Им это все равно, – заверил ее Гарри. – Если Дудли узнает, что я вылетел в трубу, он только обрадуется...

– Ну... ладно... давай после Артура, – решила миссис Уизли. – Значит, так. Когда встанешь в огонь, громко скажи, куда хочешь попасть...

– И прижми локти, – напутствовал Рон.

– А глаза закрой, – торопливо добавила миссис Уизли, – а то зола...

– И не зевай, – сказал Рон, – а то вывалишься в чужой камин...

– Но смотри не запаникуй, а то выйдешь слишком рано; подожди, пока не увидишь Фреда с Джорджем.

Очень стараясь удержать в памяти все эти наставления, Гарри взял чуточку кружаной муки и подошел к камину. Глубоко вдохнул, посыпал пламя мукой и шагнул; его обдало теплым ветром; он открыл рот и немедленно наглотался дыма.

– Д-д-диагон-аллея, – закашлялся он.

Его словно утянуло в гигантскую воронку, закружило со страшной скоростью – в ушах загремело – он приоткрыл было глаза, но его затошнило от вихря зеленых огней – что-то больно ударило его по локтю, и он крепко прижал руки к телу, все вращаясь и вращаясь, – потом ему будто надавали пощечин ледяные ладони – прищурившись сквозь очки, он увидел размытый поток каминов и стоп-кадры комнат за ними – бутерброды с ветчиной бешено крутились в животе – он снова закрыл глаза, мечтая только, чтобы все поскорее кончилось, и тут...

Гарри упал ничком на каменный пол и почувствовал, как дужка очков переломилась.

Ошеломленный, весь в синяках и золе, он опасливо поднялся на ноги, удерживая разбитые очки на носу. Он был один, но не имел ни малейшего представления *где*. Ясно только, что возле мраморного камина в каком-то просторном, но скудно освещенном колдовском магазине, что ли, – однако здешний товар едва ли мог попасть в хогварцевский список.

Неподалеку в стеклянной витрине на подушках лежали морщинистая рука, окровавленная колода карт и вытаращенный стеклянный глаз. Со стен взирали злобного вида маски, на прилавке располагалась внушительная коллекция человеческих костей, а с потолка свисали ржавые инструменты с острыми зубьями. И что хуже всего, мрачная улочка за пыльным окном определенно не была Диагон-аллеей.

Надо убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше. Нос еще болел – Гарри крепко припечатался к полу. Мальчик бесшумно метнулся к выходу, но на полдороги увидел, что по улице к дверям подходят двое, и с одним из них Гарри – растерянному, перепачканному, в разбитых очках – никак не хотелось бы сейчас встретиться. То был Драко Малфой.

Гарри лихорадочно осмотрелся и слева обнаружил большой черный шкаф; он опрометью бросился туда, залез внутрь и закрыл за

собой дверцы, оставив только щелочку, чтобы подсматривать. Спустя пару секунд звякнул колокольчик, и Малфой вошел в магазин.

Следом вошел, очевидно, его отец: абсолютно такое же бледное острое лицо и такой же холодный, металлический взгляд. Мистер Малфой прошелся по магазину, лениво оглядел витрины и позвонил в звонок на прилавке, а затем обернулся к сыну и сказал:

– Ничего не трогай, Драко.

Малфой, протянувший было руку к стеклянному глазу, недовольно процедил:

– А я думал, мы выберем мне подарок.

– Я же сказал, что куплю тебе гоночную метлу, – ответил его отец, барабанив пальцами по прилавку.

– Ну и зачем она мне, если меня не примут в команду? – надувшись, огрызнулся Малфой. – Гарри Поттер в прошлом году получил «Нимбус-2000». И специальное разрешение от Думбльдора играть за «Гриффиндор». А он не так уж и хорош, это все потому, что он *знаменитость*... знаменитость с идиотским *шрамом* на лбу...

Драко наклонился, чтобы рассмотреть полку с черепами.

– Все считают, что он такой *умный*, ах, супер-*Поттер* с его *шрамом*, с его *метлой*...

– Ты говоришь мне это в десятый раз, – перебил мистер Малфой, раздраженно глянув на сына. – И я должен напомнить, что это... *неосмотрительно* – показывать, как ты не разделяешь всеобщего бешеного восторга, когда в нашем мире большинство считает Поттера героем, из-за которого исчез Черный Лорд... О! Мистер Боргин.

К прилавку, на ходу приглаживая сальные волосы, подошел сутулый человек.

– Мистер Малфой, чрезвычайно рад снова вас видеть, – произнес мистер Боргин голосом масляным, как и его волосы. – Я в восторге – о, и юный мистер Малфой тоже здесь! – до глубины души польщен. Чем могу служить? Я просто обязан показать вам... последнее поступление, причем по весьма разумной цене...

– Сегодня я пришел не покупать, мистер Боргин, а продавать, – прервал его мистер Малфой.

– Продавать? – Улыбка на лице мистера Боргина еле заметно полиняла.

– Вы слышали, разумеется, что министерство провело еще несколько рейдов, – сказал мистер Малфой, достал из внутреннего кармана пергаментный свиток и, встряхнув, развернул перед хозяином магазина. – В моем доме имеются некоторые... ммм... предметы, каковые могли бы несколько... ммм... смутить представителей министерства, в случае, если б те решили нанести мне визит...

Мистер Боргин деловито приладил на нос пенсне и просмотрел список.

– Неужели, сэр, в министерстве осмелятся вас беспокоить?

Мистер Малфой иронически скривил губы.

– Пока нет – к фамилии «Малфой» все еще относятся с неким пиететом, – однако министерство становится все назойливее. Ходят упорные слухи по поводу нового Закона о защите муглов – без сомнения, за ним стоит этот побитый молью придурок, муглофил Артур Уизли.

Гарри бросило в жар от ярости.

– ...и, как видите, некоторые из этих ядов могут *необоснованно* навести на мысль...

– Конечно, конечно, сэр, я все понимаю, – забормотал мистер Боргин. – Дайте подумать...

– Я хочу вот *это!* – вмешался в разговор Драко, тыча пальцем в сморщенную руку на подушке.

– Ах, Светозаристая Рука! – воскликнул мистер Боргин и, оставив свиток, поспешил к Драко. – Если вручить ей свечу, она будет светить только хозяину! Лучший помощник для воров и грабителей! У вашего сына превосходный вкус, сэр.

– Надеюсь, мой сын станет не просто вором или грабителем, – сухо заметил мистер Малфой, на что Боргин поспешил заверить:

– Я не имел в виду ничего плохого, сэр, ничего плохого...

– Хотя, если он не исправит оценки, – продолжал мистер Малфой совсем ледяным тоном, – вполне вероятно, лишь для такого рода деятельности он и будет пригоден...

– Я не виноват, – отрезал Драко. – У всех учителей свои любимчики. Гермиона Грейнджер, например...

– На твоём месте я сгорел бы со стыда, если б девица неколдовского происхождения обходила меня по всем предметам, – раздраженно бросил мистер Малфой.

– Так тебе! – шепнул Гарри еле слышно, с удовольствием отметив, как обижен и сконфужен Драко.

– Всюду одно и то же, – примирительно сказал мистер Боргин своим масляным голосом. – Чистоту колдовской крови ценят все меньше...

– Только не я! – Мистер Малфой раздул длинные ноздри.

– Разумеется, сэр, и не я, – с глубоким поклоном отвечал мистер Боргин.

– В таком случае, быть может, мы вернемся к моему списку? – процедил мистер Малфой. – Я немного тороплюсь, Боргин, у меня важное дело.

И они принялись торговаться. Гарри в беспокойстве наблюдал, как Драко, разглядывая витрины, приближается к его укрытию. Тот помедлил перед свернутой в кольца веревкой вешателя, потом с ухмылкой прочитал надпись под великолепным опаловым колье: «Осторожно – руками не трогать. Проклято – на сегодняшний день погубило жизни 19 муглов».

Драко повернулся и оказался прямо перед приоткрытым шкафом. Шагнул, протянул руку к дверце...

– Ну все, договорились, – донесся от прилавка голос его отца. – Пойдем, Драко...

Сын направился к нему, а Гарри вытер вспотевший лоб рукавом.

– Всего хорошего, мистер Боргин. Жду вас завтра у себя в особняке, там вы получите товар.

Лишь только дверь за ними затворилась, мистер Боргин немедленно позабыл свою льстивость.

– И тебя туда же, *мистер* Малфой, а коли слухи не врут, ты не продал мне и половины того, что спрятано в твоём *особняке*...

Злобно ворча, он скрылся в подсобке. Гарри подождал, на случай, если хозяин решит вернуться, затем тихо-претихо выбрался из шкафа, проскользнул мимо стеклянных витрин и вышел из магазина.

Прижимая к лицу разбитые очки, Гарри осмотрелся. Он очутился на какой-то подозрительной улице, которая, похоже, целиком состояла из мелких лавчонок, торгующих предметами черной магии. Та, откуда он вышел, «Боргин и Д’Авило», видимо, была одной из самых больших. Напротив за грязным стеклом были выставлены сушеные человеческие головы в тесном – через две двери – соседстве с клеткой,

кишевшей огромными черными пауками. Двое колдунов крайне сомнительной наружности, нехорошо бормоча, следили за Гарри с порога одного из заведений. Вздрагивая, озираясь, Гарри зашагал по улице. Он старался держать очки ровно и изо всех сил надеялся, что вскоре выберется отсюда.

Над магазином ядовитых свечей он увидел старую деревянную вывеску «Дрянналлея». Что это? Гарри никогда раньше о такой не слышал. Судя по всему, наглотавшись дыма, он не сумел внятно произнести название улицы, куда хотел попасть. Гарри старался сохранять спокойствие и раздумывал, как же теперь быть.

– Потерялся, дорогуша? – раздался голос над самым его ухом, и Гарри вздрогнул.

Перед ним стояла древняя ведьма с подносом, заваленным чем-то до отвращения похожим на человеческие ногти. Она разинула пасть в ухмылке, показав мшистые зубы. Гарри отпрянул.

– Нет-нет, – сказал он, – я просто...

– ГАРРИ! Чего это ты тут ошиваешься?

Сердце у Гарри так и подпрыгнуло от радости. Подпрыгнула и старуха; ногти посыпались ей под ноги, и она зашипела проклятия Огриду, хранителю ключей «Хогварца», чья массивная фигура стремительно приближалась к ним по улице. Черные глаза-жуки блестели над растопыренной бородой.

– ОGRID! – с облегчением каркнул Гарри. – Я заблудился – кружаемая мука...

ОGRID схватил Гарри за шкурку и оттащил от ведьмы, вышибив при этом поднос у нее из рук. Оскорбленные вопли понеслись им вслед и были слышны, пока они оба не покинули извилистую Дрянналлею и не вышли на солнечный свет. Вдалеке Гарри увидел знакомое ослепительно-белое мраморное здание – банк «Гринготтс». ОGRID вывел его напрямик на Диагон-аллею.

– На кого ты похож! – сердито пропыхтел ОGRID, отряхивая мальчика от золы с такой силой, что тот чуть не свалился в бочку драконьего навоза, выставленную перед аптекой. – Слоняешься по Дрянналлее как прям вот не знаю кто... сомнительное место... хорошо, никто тебя не видал...

– Да я уж понял, – сказал Гарри, уворачиваясь от огромной ладони Огрида, который все норовил отряхнуть золу. – Я же говорю, я

заблудился... А ты зачем там?

– Я-то за средством от плотоядных слизняков, – пробасил Огрид. – Взялись мне капусту портить, гады! А ты чего в одиночку разгуливаешь?

– Я живу в гостях у Уизли, только я потерялся, – объяснил Гарри. – Мне надо их поскорей найти...

Они вместе пошли по улице.

– Я все гадаю, чегой-то ты мне не отписал? – поинтересовался Огрид у трусившего рядом Гарри (три шага мальчика равнялись одному движению великанских башмаков).

Гарри в двух словах рассказал про Добби и Дурслеев.

– Вот муглоиды! – озлился Огрид. – Кабы я знал...

– Эй! Гарри! Гарри!

Гарри обернулся и на белых ступенях «Гринготтса» увидел Гермиону Грейнджер. Она радостно кинулась навстречу, и ее густые каштановые волосы развевались на бегу.

– Что у тебя с очками? Привет, Огрид! О-о-о, *до чего* я рада вас видеть! Ты в «Гринготтс», Гарри?

– Как только найду Уизли, – ответил Гарри.

– Ну, ждать недолго, – ухмыльнулся Огрид.

Гарри с Гермионой оглянулись: по людной улице к ним со всех ног спешили Рон, Фред, Джордж, Перси и мистер Уизли.

– Гарри, – выдохнул мистер Уизли, – мы так и *надеялись*, что ты проехал всего один очаг... – Он промокнул блестящую от пота лысину. – Молли в ужасе... она сейчас подойдет...

– Где ты вышел? – спросил Рон.

– На Дрянналлее, – хмуро ответил Гарри.

– *Во повезло!* – заорали близнецы хором.

– Нас туда не пускают, – с завистью протянул Рон.

– Ишь чего захотели, – проворчал Огрид.

Показалась миссис Уизли: она неслась галопом, в одной руке болталась сумка, за другую изо всех сил цеплялась Джинни.

– Ой, Гарри... ох, батюшки, – ты же мог очутиться неизвестно где...

Ловя ртом воздух, она вытащила из сумки большую платяную щетку и принялась отчищать то, что не отчистил Огрид. Мистер Уизли

взял у Гарри очки, легонько тронул их волшебной палочкой, и они стали как новенькие.

– Ну, мне пора, – сказал Огрид. Благодарная миссис Уизли так жала ему руку, что чуть не оторвала («Дрянналлея! Подумать только, а если бы ты не нашел его, Огрид!»). – Свидимся в «Хогварце»! – Он пошел прочь, и его голова и плечи еще долго виднелись над толпой.

– А знаете, кого я видел в «Боргине и Д’Авиле»? – сказал Гарри Рону с Гермионой, поднимаясь по ступенькам «Гринготтса». – Малфоя с папашей!

– Люциус что-нибудь покупал? – подозрительно спросил шедший позади мистер Уизли.

– Нет, продавал...

– Значит, засутился, – с мрачным удовлетворением констатировал мистер Уизли. – Ах, поймать бы его на чем-нибудь...

– Осторожнее, Артур, – резко сказала миссис Уизли. Гоблин в дверях низко поклонился, приветствуя посетителей. – С этим семейством еще угодишь в историю. На большой каравай рот не разевай...

– Значит, по-твоему, Люциус Малфой мне не по зубам? – возмутился мистер Уизли, но сразу же отвлекся, увидев родителей Гермионы. Те смущенно жались к стойке, протянувшейся через весь мраморный зал, и ждали, когда Гермиона их представит. – Да ведь вы же муглы! – восторженно вскричал мистер Уизли. – Мы непременно должны где-нибудь вместе посидеть! А это что у вас такое? Ах, вы меняете мугловые деньги. Молли! Смотри! – Он в экстазе показал на десятифунтовую банкноту в руках у мистера Грейнджера.

– Подождите нас здесь, – сказал Рон Гермионе. Уизли и Гарри отправлялись в подземное хранилище с гоблином-сопровождающим.

К хранилищам добирались на маленьких, управляемых гоблинами тележках, которые ездили по миниатюрным рельсам в подземных тоннелях. Гарри наслаждался головокружительной скоростью во время поездки к сейфу семьи Уизли, но, когда дверь ячейки открылась, почувствовал себя много хуже, чем на Дрянналлее. В сейфе лежала жалкая кучка серебряных сиклей и один-единственный золотой галлеон. Миссис Уизли пошарила по углам, а потом ссыпала себе в сумку все содержимое. В итоге у своей ячейки Гарри чуть не умер от

смущения. Стараясь заслонить содержимое сейфа, он поспешно, горстями, напихал в кожаный кошель монет.

С мраморных ступеней банка все разошлись в разные стороны. Перси невнятно пробормотал, что ему нужно новое перо. Фред и Джордж заметили в толпе школьного приятеля Ли Джордана. Миссис Уизли и Джинни собрались в магазин подержанного платья. Мистер Уизли зазывал Грейнджеров в «Дырявый котел».

– Встречаемся у Завитуша и Клякца через час, купим учебники, – сказала миссис Уизли перед уходом. – И чтоб ни шагу на Дрянналлею! – прокричала она в спины близнецам.

Гарри, Рон и Гермиона зашагали по извилистой мощеной улице. Деньги – бронза, серебро, золото – нетерпеливо звякали у Гарри в кармане, и их не терпелось потратить. Гарри сразу купил три огромных рожка клубнично-орехового мороженого, и ребята с удовольствием чавкали, глаза на восхитительные, манящие витрины. Рон долго и алчно рассматривал полное обмундирование «Пуляющих пушек» в витрине магазина «Все лучшее для квидиша», пока Гермиона не утащила всех покупать пергамент и чернила в лавочку по соседству. В магазине колдовских шуток Умора и Приколла они наткнулись на Фреда, Джорджа и Ли Джордана – те набивали карманы «фантастическими холодными петардами мокрого запуска д-ра Филибустера», а в лавке старьевщика – сломанные палочки, покосившиеся весы, старые мантии, заляпанные зельями, – они обнаружили Перси: тот погрузился в откровенно нудную книжицу под названием «Старосты, которые обрели власть».

– «Подробнейшее жизнеописание всех старост “Хогварца” и их карьеры», – вслух прочитал Рон с обложки. – М-да... *Захватывающе...*

– Иди отсюда, – рявкнул Перси.

– Он у нас такой целеустремленный, наш Перси, у него все давно по пунктам расписано... В министры магии намылился... – вполголоса сказал Рон, когда друзья отошли от Перси подальше.

Через час они отправились к Завитушу и Клякцу. И, как выяснилось, отнюдь не они одни. Перед дверью ребята с удивлением обнаружили толпу – народ толкался и рвался внутрь. Причины подобного поведения собравшихся прояснял большой плакат, растянутый поверх витрин:

СВЕРКАРОЛЬ ЧАРУАЛЬД

лично для Вас подпишет экземпляр

своей автобиографии

ВОЛШЕБНЫЙ Я

сегодня с 12:30 до 16:30

— Мы его увидим! — заверещала Гермiona. — У нас в этом году одни только его учебники — ну, почти!

При более внимательном рассмотрении оказалось, что толпа перед дверью практически полностью состоит из сверстниц миссис Уизли. Какой-то колдун в дверях устало твердил:

— Спокойнее, дамы, прошу вас... пожалуйста, не толкайтесь... осторожнее — там книги!..

Гарри, Рон и Гермiona протиснулись внутрь. Длинная очередь вилась вглубь магазина, где подписывал свои книги Сверкароль Чаруальд. Все трое схватили себе по «Сборнику заклинаний (часть вторая)» и пробрались поближе к началу очереди, где уже стояли Уизли в полном составе вместе с мистером и миссис Грейнджер.

— Наконец-то пришли, — рассеянно проговорила миссис Уизли. Она слегка задыхалась и постоянно приглаживала волосы. — Через минуту увидим...

И действительно, мало-помалу в поле зрения оказался Сверкароль Чаруальд. Он сидел за столом в окружении великого множества плакатов, откуда сияли, подмигивали и сверкали ослепительно-белыми улыбками его собственные лица. Настоящий Чаруальд был одет в потрясающую незабудковую мантию, в точности под цвет глаз; остроконечная колдовская шляпа на кудрявых волосах была лихо заломлена.

Раздраженный человечек так и сяк прыгал вокруг и делал снимки большим черным аппаратом, который после каждой яркой вспышки пыхал клубами пурпурного дыма.

— Не мешайся, — прикрикнул человечек на Рона, пятясь в поисках удачного кадра. — Я из «Оракула»...

— Подумаешь, — обиженно буркнул Рон, потирая ногу, на которую наступил фотограф.

Сверкароль Чаруальд его услышал. Поднял глаза. Увидел Рона – и затем Гарри. Вытаращился на него. Потом вскочил и завопил:

– Неужели Гарри Поттер?

Люди расступились, возбужденно перешептываясь; Чаруальд нырнул в толпу, схватил Гарри за руку и вытащил на всеобщее обозрение. Публика зааплодировала. Гарри вспыхнул: Чаруальд, позируя перед камерой, затряс ему руку. Фотограф защелкал, семья Уизли скрылась в густом дыму.

– Давай, давай, улыбочку, Гарри, – процедил Чаруальд, старательно сверкая зубами. – Вдвоем мы, пожалуй, сойдем для первой полосы, а?

Когда Чаруальд наконец его отпустил, Гарри едва чувствовал собственные пальцы. Он попятился было к Уизли, но Чаруальд обнял его за плечи и крепко прижал к себе.

– Дамы и господа, – громко провозгласил Чаруальд и замахал рукой, прося тишины. – Наступил удивительный момент! Идеальный момент для небольшого объявления, которое я давно собирался сделать! Сегодня, когда юный Гарри вошел в магазин Завитуша и Клякца, желая всего лишь купить мою автобиографию, которую я с удовольствием отдам ему в подарок, – толпа снова зааплодировала, – он не имел ни малейшего представления, – тут Чаруальд дружески встряхнул Гарри, и у того очки сползли на кончик носа, – что вскоре получит нечто несравнимо большее, нежели книга «Волшебный я». Он и его школьные товарищи получают настоящего волшебного меня. Да-да, дорогие дамы и господа, я горжусь и счастлив тем, что могу объявить: с сентября этого года я согласился занять пост преподавателя в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств, где буду обучать молодежь защите от сил зла!

Люди захлопали и заорали, а оторопевший Гарри получил в подарок полное собрание сочинений Чаруальда. Пошатываясь под тяжестью книг, он сумел-таки благополучно убраться к стене, где стояла Джинни с только что купленным котлом.

– Это тебе, – пробурчал Гарри, ссылая книжки ей в котел. – Я себе сам куплю...

– Спорим, тебе понравилось, а, Поттер? – раздался голос, который Гарри без труда узнал. Он выпрямился и встретился лицом к лицу с Драко Малфоем. Тот, как всегда, презрительно улыбался. –

Знаменитый Гарри Поттер, – процедил Малфой. – Что ни поход в магазин, то первая полоса.

– Отстань, он же не специально! – выкрикнула Джинни. Она впервые заговорила при Гарри. Глаза ее гневно сверкали.

– Поттер, да ты никак завел себе подружку, – издевательски протянул Малфой, и Джинни побагровела.

Сквозь толпу к ним, обнимая большие стопки Чаруальдовых книг, пробрались Рон с Гермионой.

– Ах, вот это кто, – сказал Рон, созерцая Малфоя, будто некую гадость, прилипшую к подметке. – Что, не ожидал встретить здесь Гарри?

– Не ожидал встретить в магазине тебя, Уизли, – парировал Малфой. – Твои родители, наверно, месяц будут голодать после таких трат.

Рон побагровел, как и Джинни. Он бросил книжки в котел и шагнул к Малфой, но Гарри с Гермионой ухватили его сзади за куртку.

– Рон! – окликнул мистер Уизли, вместе с Фредом и Джорджем интенсивно работая локтями в толчее. – Что вы тут стоите? Идемте-ка на улицу.

– Так-так-так... Артур Уизли.

Подошел мистер Малфой. Он положил руку на плечо сыну. Они стояли рядом и абсолютно одинаково усмехались.

– Люциус, – холодно кивнул мистер Уизли.

– Говорят, в министерстве полно работы? – спросил мистер Малфой. – Рейд за рейдом... сверхурочные-то платят?

Он запустил руку в котел Джинни и из-под многочисленных глянцевого Чаруальдовых книжек вытащил сильно потрепанные «Превращения: руководство для начинающих».

– Так я и думал – не платят, – констатировал мистер Малфой. – Подумать только, и какой смысл позорить самое имя колдуна, если это не могут достойно компенсировать?

Мистер Уизли покраснел еще гуще, чем его дети.

– У нас совершенно различные взгляды на то, что позорит имя колдуна, – сдержанно ответил он.

– Это чувствуется, – невозмутимо согласился мистер Малфой, уставив бледный взгляд на родителей Гермионы, настороженно

наблюдавших за неприятной сценой. – Что за компанию ты водишь, Уизли... а я-то думал, что тебе и твоей семье уж и падать некуда...

Раздался лязг – это отлетел в сторону котел Джинни; мистер Уизли бросился на Люциуса Малфоя, и тот рухнул спиной на книжную полку. Десятки тяжелых книг с грохотом посыпались на головы дерущихся; Фред с Джорджем заорали: «Дай ему, пап!»; миссис Уизли закричала: «Прекрати, Артур, прекрати!»; толпа отступала, опрокидывая другие полки; «Джентльмены, пожалуйста!.. Прошу вас!» – кричал продавец, и наконец, заглушив все остальное, раздалось:

– Тихо, мужики, вы чего?..

Книжное море бороздил Огрид. В мгновение ока он растащил драчунов. У мистера Уизли была рассечена губа, а мистер Малфой получил в глаз «Энциклопедией поганок». Последний все еще сжимал в руках «Превращения». Он сунул книжку Джинни, злобно сверкнув глазами:

– Держи, девочка, – возьми свою книгу, ничего лучшего твой отец не способен тебе дать... – Вырвавшись из рук Огрида, он поманил Драко и быстро удалился.

– Ну ты чего, Артур? Чего взъерепенился? – укоризненно спросил Огрид, почти оторвав от пола мистера Уизли, который как раз поправлял мантию. – Не знаешь Малфоя? Да у них же нутро гнилое, у всей семейки... чего их слушать-то?.. Дурная кровь, и все дела... Давай-ка... пошли отсюда.

Должно быть, продавец хотел их задержать, но он едва доходил Огриду до пояса и потому передумал. Вся компания вышла на улицу. Грейнджеры тряслись от страха, а миссис Уизли – от возмущения:

– *Хорошенький пример детям... драться на людях... что подумает Сверкароль Чаруальд?..*

– Он был в восторге, – сказал Фред. – Ты разве не слышала, что он говорил, когда мы уходили? Он спрашивал этого дядьку из «Оракула», нельзя ли вставить драку в репортаж... сказал, хорошая реклама...

Вся группа, порядком приунывшая, направилась к камину в «Дырявом котле», откуда Гарри, Уизли и покупкам предстояло отбыть домой в изумрудном свечении кружаной муки. Они попрощались с Грейнджерами, которые вышли через бар на мугловую улицу; мистер

Уизли начал было расспрашивать про автобусные остановки, но быстро умолк, взглянув на жену.

Гарри снял очки, спрятал их в карман и только потом взял щепотку кружаной муки. Этот вид транспортировки ему определенно не нравился.

Глава пятая

Дракучая ива

По мнению Гарри, каникулы кончились как-то уж слишком быстро. Он, разумеется, очень хотел снова попасть в «Хогварц», но месяц в «Гнезде» оказался самым-самым счастливым за всю его жизнь. Трудно было не завидовать Рону, особенно при воспоминании о Дурслеях и при мысли о том, какой прием ожидает его самого на Бирючинной улице в следующие летние каникулы.

В последний вечер миссис Уизли наколдовала роскошный ужин из всех любимых блюд Гарри. На десерт был подан пудинг из патоки – от одного взгляда на него вовсю текли слюнки. В завершение вечера Фред и Джордж развлекли публику филибустеровским фейерверком; кухня наполнилась красными и синими звездами, которые с полчаса рикошетили между полом и потолком. Затем пришло время выпить последнюю чашку горячего шоколада – и спать.

Наутро сборы заняли целую вечность. Все встали на заре, но почему-то никак не могли завершить свои дела. Миссис Уизли в дурном расположении духа носилась по дому, разыскивая то носки, то перья; полуодетые дети с надкусанными бутербродами в руках то и дело сталкивались друг с другом на лестнице; мистер Уизли, перетаскивая сундук Джинни к машине, чуть было не сломал себе шею, споткнувшись о заплутавшую курицу.

Гарри не мог взять в толк, каким образом восемь человек, шесть огромных сундуков, две совы и крыса поместятся в единственном маленьком «форд-англия». Он не учел специальных «функций», встроенных мистером Уизли.

– Только Молли ни слова, – прошептал он на ухо Гарри, открыл багажник и показал, что тот волшебным образом расширяется и вмещает сколько угодно багажа.

Когда наконец все расселись по местам, миссис Уизли бросила взгляд на заднее сиденье, где вольготно расположились Гарри, Рон, Фред, Джордж и Перси, и сказала:

– Пожалуй, муглы умеют побольше, чем мы думаем, правда? – Сама миссис Уизли сидела с Джинни на переднем сиденье, больше похожем на садовую скамью. – Со стороны и не скажешь, что здесь так просторно.

Мистер Уизли завел двигатель, и машина медленно покатила со двора, а Гарри обернулся, чтобы бросить последний взгляд на дом. Он едва успел задуматься, когда увидит «Гнездо» в следующий раз, как они вернулись: Джордж забыл коробку с петардами. Через пять минут машина снова резко затормозила, и Фред помчался за метлой. Они почти уже выехали на трассу, и тут Джинни запищала, что забыла дневник. Когда она вновь вскарабкалась на сиденье, они уже очень сильно опаздывали и очень сильно нервничали.

Мистер Уизли взглянул на часы, а затем на жену:

– Молли, лапушка...

– *Ни в коем случае*, Артур...

– Никто не заметит... вот эта кнопочка – исчезатель. Мы поднимемся в воздух и помчимся над облаками. Через десять минут прибудем, и никто-никто...

– Я же сказала *нет*, Артур, тем более середь бела дня...

Они добрались до Кингз-Кросс без четверти одиннадцать. Мистер Уизли слетал за тележками для багажа, и они поспешили на вокзал.

В прошлом году Гарри уже ездил на «Хогварц-экспрессе». Тут нужно было знать одну хитрость, а именно способ проникнуть на платформу девять и три четверти, которой не видно из муглового мира. Проходили туда сквозь барьер, разделявший платформы девять и десять. Совсем не страшно, но требует осторожности, чтобы муглы не заметили, как ты исчезаешь.

– Перси первый, – сказала миссис Уизли, нервно глянув на часы над головой. Часы показывали, что невзначай раствориться за барьером по одному вся компания должна максимум за пять минут.

Перси бодро пошел на барьер и исчез. За ним – мистер Уизли, затем Фред и Джордж.

– Я с Джинни, а вы сразу после нас, – бросила миссис Уизли Рону и Гарри, лихорадочно схватила Джинни за руку и ринулась вперед. Они исчезли в мгновение ока.

– Пошли вместе, у нас всего одна минута, – предложил Рон.

Гарри поправил на сундуке клетку с Хедвигой и развернул тележку к барьеру. Он совсем не волновался – это же вам не кружанаая мука. Мальчики склонились над ручками тележек и целеустремленно пошли на барьер, набирая скорость. Когда до барьера оставалось несколько футов, они прибавили шаг и...

БАЦ!

Обе тележки врезались в барьер и отскочили назад; сундук Рона упал с невероятным грохотом, Гарри сбило с ног, а клетка свалилась на землю. Хедвига покатилась прочь, возмущенно вопя; люди, все без исключения, уставились на виновников беспорядка, а служащий неподалеку заорал:

– Что за трам-та-ра-рам-там-там?

– Потеряли управление, – с трудом выговорил Гарри и встал, ощупывая ребра.

Рон сбегал за Хедвигой, чьи вопли вызвали в толпе множество замечаний по поводу жестокого обращения с животными.

– Почему мы не прошли? – испуганно спросил Гарри.

– Понятия не имею...

Рон в панике огляделся. За ними все еще наблюдало десятка два любопытных.

– Мы опоздаем на поезд, – зашептал Рон. – Не понимаю, почему проход закрылся...

Гарри уставился на большие вокзальные часы; от ужаса подводило живот. Десять секунд... девять секунд...

Он осторожно подкатил тележку к барьеру, а потом толкнул изо всех сил. Барьер не поддался, как и подобает металлу.

Три секунды... две... одна...

– Все, – ошарашенно сказал Рон, – поезд ушел. А что, если мама с папой не смогут пройти к нам? У тебя есть мугловые деньги?

Гарри безрадостно засмеялся:

– Дурслеи не давали мне карманных денег уже лет шесть.

Рон приложил ухо к холодному барьеру.

– Ни звука, – доложил он напряженным голосом. – Что же делать? Я не знаю, когда вернутся мама с папой.

Ребята посмотрели вокруг. Они все еще были центром внимания, в основном из-за того, что Хедвига продолжала орать.

– Пойдем ждать у машины, – решил Гарри. – Мы привлекаем слишком много внима...

– Гарри! – вскричал Рон, и в глазах у него появился блеск. – Машина!

– Что машина?

– Мы можем полететь в «Хогварц» на машине!

– Но я думал...

– У нас нет выхода, так? А нам надо попасть в школу, так? А несовершеннолетним разрешается колдовать при чрезвычайных обстоятельствах! Раздел, кажется, девятнадцать ограничений чего-то там...

– Но твои родители... – неуверенно проговорил Гарри, в бесплодной надежде снова боднув тележкой барьер. – Как же они доберутся домой?

– Им машина не нужна! – нетерпеливо закричал Рон. – Они умеют аппарировать – из воздуха появляться! А машина или там кружанаая мука – это потому что мы несовершеннолетние, нам аппарировать нельзя...

Паника Гарри неожиданно сменилась радостным предвкушением.

– А ты умеешь водить?

– Без проблем, – ответил Рон и покатиł тележку к выходу. – Давай, пошли. Если поторопимся, полетим прямо за «Хогварц-экспрессом».

И они направились сквозь толпу любопытствующих муглов к выходу, а затем в переулок, где был припаркован «форд-англия».

Рон отпер багажник, так и сяк постучав волшебной палочкой. Не без труда погрузив сундуки, они поставили клетку с Хедвигой на заднее сиденье, а сами забрались вперед.

– Глянь: никто нас не видит? – Рон, коснувшись палочкой, завел двигатель.

Гарри высунул голову в окошко: на главной дороге движение весьма оживленное, но их улочка пуста.

– Все нормально, – сказал он.

Рон нажал крохотную серебряную кнопку на панели. Машина исчезла – и ребята вместе с ней. Гарри чувствовал, как под ним легонько вибрирует сиденье, слышал двигатель, ощущал собственные руки на коленях и очки на носу, но как будто превратился в пару

глазных яблок, что плавали в нескольких футах над землей в убогом переулке, забитом припаркованными автомобилями.

– Поехали, – раздался справа голос Рона.

И сразу же земля и грязные здания по сторонам исчезли; машина взлетела, и спустя доли секунды под ними простирался весь дымный поблескивающий Лон дон.

Затем что-то хлопнуло, и автомобиль, Гарри и Рон снова стали видимы.

– Ой, – сказал Рон, хватаясь за исчезатель, – не работает...

Оба стукнули по исчезателю кулаками. Машина пропала. Потом, как бы моргнув в воздухе, опять появилась.

– Держись! – заорал Рон и вдавил в пол педаль газа; автомобиль взмыл в набрякшие ватные облака, и все вокруг стало серым и мутным.

– А теперь что? – спросил Гарри, щурясь в облаке, наползавшем со всех сторон.

– Надо глянуть, где поезд, – понять, куда лететь, – ответил Рон.

– Нырни на секундочку – по-быстрому...

Они провалились под облака и завертелись на сиденьях, пристально всматриваясь в землю.

– Вижу! – завопил Гарри. – Прямо впереди – вон там!..

«Хогварц-экспресс» скользил внизу малиновой змеей.

– Направление – север, – сказал Рон, проверив компас на приборной панели. – Все, теперь надо только проверять его примерно каждые полчаса. Держись!

Они снова взмыли над облаками. И через минуту вырвались к солнечному сиянию.

Здесь был совсем другой мир. Колеса машины взбивали пушистое море облаков под ярким, бесконечно синим небом и ослепительно-белым солнцем.

– Главное – не столкнуться с самолетом, – сказал Рон.

Они переглянулись, расхохотались и долго-долго не могли остановиться.

Их как будто перенесло в чудесный сон. Только так, думал Гарри, и надо путешествовать – в вихре снежно-белых облаков, в машине, залитой горячим солнцем, с большим кульком ирисок в бардачке, – предвкушая, как обзавидуются Фред и Джордж, когда машина

блистательно и мягко приземлится на пологий склон перед замком «Хогварца».

Они регулярно проверяли движение поезда, и каждый нырок под облака открывал взору новый вид. Очень скоро Лондон остался далеко позади и сменился зелеными полями, а те, в свою очередь, уступили место обширным красноватым пустошам, затем большому городу, кишевшему разноцветными муравьями-автомобильчиками, потом деревням с игрушечными церквями.

Однако спустя несколько не богатых событиями часов Гарри был вынужден признать, что лететь прискучило. Из-за ирисок во рту все слиплось, а пить было нечего. Свитера они с Роном давно сняли, но футболка у Гарри все равно прилипала к спинке сиденья, а очки постоянно съезжали на кончик потного носа. Ему надоело восхищаться причудливыми формами облаков, и он с тоской думал о поезде, как тот идет по рельсам где-то далеко внизу, унося с собой ледяной тыквенный сок, который продает толстушка ведьма, на тележке развозящая по вагонам всякую снедь. Почему же им не удалось попасть на платформу девять и три четверти?

– Наверно, уже близко? – ссохшимся голосом предположил Рон спустя еще несколько часов, когда солнце стало тонуть за облачным горизонтом, окрашивая его густо-розовым. – Приготовься – надо еще раз проверить поезд.

Тот по-прежнему деловито змеился прямо под ними, мимо горы с заснеженной вершиной. Внизу, под облачным пологом, было гораздо темнее.

Рон поддал газу, снова направил машину ввысь, и тут двигатель начал подвывать.

Рон и Гарри тревожно переглянулись.

– Наверное, она просто устала, – сказал Рон. – Она еще ни разу не летала так далеко...

И оба притворились, будто не замечают, что машина стонет все громче, а небо неуклонно темнеет. Вскоре чернота расцветила звездами. Гарри натянул свитер, стараясь не обращать внимания на дворники, которые взмахивали обессиленно, точно в знак протеста.

– Уже близко, – сказал Рон скорее машине, чем Гарри, – уже скоро, – и дрожащей рукой ободрительно похлопал по приборной доске.

Немного погодя, когда они снова опустились ниже облаков, им пришлось долго шуриться в поисках своего наземного ориентира.

– *Вот!* – закричал Гарри, и Рон с Хедвигой подпрыгнули. – Вперед!

Силуэтом на темном горизонте, высоко на скале над озером, вырисовывались многочисленные башни и башенки замка.

Тут автомобиль сильно задрожал и стал терять скорость.

– Ну давай, – пришпорил машину Рон и слегка вздернул руль. – Почти приехали, давай же...

Двигатель громко застонал. Из-под капота вырывались тонкие струйки дыма. На подлете к озеру Гарри обеими руками вцепился в сиденье.

Машину сотряс зловеший спазм. За окном Гарри увидел гладкую, черную, глянцевую поверхность воды примерно в миле внизу. У Рона побелели костяшки пальцев. Машина вновь содрогнулась.

– *Давай,* – пробормотал Рон.

Они летели над озером – замок совсем рядом, – Рон дал по газам.

Раздался громкий лязг, двигатель чихнул – и умер.

– Мама, – в тишине сказал Рон.

Нос автомобиля накренился. Они падали, набирая скорость, прямо на каменную стену замка.

– Не-е-ет! – закричал Рон и выкрутил руль; машина развернулась широкой дугой, просвистела в паре дюймов от стены, пронеслась над темными теплицами, над огородом и полетела вдоль черного газона, неотвратимо теряя высоту.

Рон бросил руль и вытащил из заднего кармана волшебную палочку...

– СТОЙ! СТОЙ! – завопил он, молотя по панели и лобовому стеклу, но автомобиль с бешеной скоростью несся вниз, а земля с той же скоростью неслась навстречу.

– ОСТОРОЖНО, ДЕРЕВО! – крикнул Гарри, хватаясь за руль, но было поздно...

БУ-БУХ!

Металл оглушительно врезался в дерево; вплеившись в толстый ствол, машина с тяжким громом обрушилась на землю. Дым повалил из-под смятого капота; Хедвига душераздирающе вопила от ужаса;

шишка размером с мяч для гольфа набухла у Гарри на голове – он ударился о лобовое стекло; а справа отчаянно и тихо застонал Рон.

– Что с тобой? – испуганно спросил Гарри.

– Моя палочка, – дрожащим голосом выговорил тот, – только посмотри на мою палочку...

Палочка треснула, почти переломившись; кончик безжизненно свисал на нескольких щепках.

Гарри открыл было рот, собираясь пообещать, что в школе они все починят, но не успел произнести ни слова. В это самое мгновение что-то садануло по его дверце с силой разъяренного буйвола, Гарри боком впечатался в Рона, и тотчас еще один чудовищный удар обрушился на крышу.

– Что это там?..

Рон ахнул, вглядываясь вперед, Гарри обернулся, и в этот миг толстая, как питон, ветка со всего махушибанула по ветровому стеклу. На них напало дерево, в которое машина врезалась при падении. Ствол согнулся почти пополам, оцетинившиеся сучья колотили, куда только могли достать.

– А-а-а-а! – с ужасом сказал Рон, когда рядом с ним на дверце озверевшее растение проделало новую вмятину; ветровое стекло дрожало под градом побоев – мелкие ветки стучали по нему, словно шишковатые пальцы, а один сук, как огромный молот, яростно дубасил по крыше, и та уже начала прогибаться... – Бежим! – крикнул Рон, всей тяжестью наваливаясь на дверь, но через секунду был отброшен на колени к Гарри мощным апперкотом взбесившегося дерева. – Мы пропали, – прорыдал Рон, глядя, как проваливается крыша, но тут завибрировал пол – двигатель вдруг взял и завелся.

– Задний ход! – отчаянно закричал Гарри, и машина резко подала назад; дерево все бушевало: когда оно рванулось вслед убегающей машине, корни скрипнули, почти выдравшись из земли.

– Чуть было, – тяжело выдохнул Рон, – не погибли. Молодчага, машинка!

Но терпение машины было исчерпано. Одна за другой распахнулись дверцы, Гарри почувствовал, как сиденье под ним кренится, и спустя миг распростерся на сырой земле. Что-то тяжелое грузно попадало на землю – автомобиль выбросил багаж; клетка с Хедвигой пролетела по воздуху, дверца распахнулась, сова с

возмущенным криком вырвалась на свободу и не оглядываясь понеслась к замку. Побитая, поцарапанная, дымящаяся машина помчалась в ночь, яростно сверкая задними фарами.

– Вернись! – завопил ей вслед Рон, размахивая сломанной палочкой. – Отец меня убьет!

Но «форд-англия», напоследок гневно всхрипнув выхлопной трубой, исчез из виду.

– Везет нам как утопленникам, – безутешно сказал Рон, подбирая Струпику. – Из всех деревьев, в которые можно было врезаться, нам, конечно, попалось то, которое само кому хочешь врежет.

Он оглянулся через плечо на древнее дерево – оно до сих пор угрожающе потрясало ветвями.

– Пошли, – устало выговорил Гарри, – надо в замок попасть...

Прибытие в школу получилось вовсе не таким триумфальным, каким рисовалось в воображении. Все в синяках, замерзшие, с трудом двигаясь, они взяли сундуки за боковые ручки и поволокли по травянистому склону к огромным дубовым дверям.

– Наверное, пир уже давно начался, – сказал Рон, бросил сундук у лестницы и тихо подошел к ярко освещенному окну. – Эй! Смотри-ка, Гарри! Это же Распределение!

Гарри подбежал, и они заглянули в Большой зал.

Бесчисленное множество зажженных свечей парило в воздухе над четырьмя длинными столами, играя огнями на золотых блюдах и кубках. Вверху, на зачарованном потолке, всегда отражавшем настоящее небо, блистали звезды.

В густом лесу остроконечных колдовских шляп Гарри увидел строй перепуганных первоклашек, которых запускали в зал. Среди них по огненным волосам легко можно было узнать Джинни. Профессор Макгонаголл, ведьма со строгим пучком и в очках, водружала на табурет знаменитую Шляпу-Распредельницу.

Каждый год эта старая-престарая Шляпа, залатанная, потрепанная и грязная, распределяла новичков по четырем колледжам «Хогварца» («Гриффиндор», «Хуффль пуфф», «Вранзор» и «Слизерин»). Гарри хорошо помнил, как сам ровно год назад надевал эту Шляпу и, замерев, ждал, пока она вынесет решение. Несколько ужасных секунд он боялся, что Шляпа направит его в «Слизерин», откуда вышло больше всего черных колдунов и ведьм, но он попал в «Гриффиндор»

вместе с Гермионой, Роном и остальными Уизли. В последнем семестре Гарри с Роном помогли своему колледжу выиграть кубок школы, и «Гриффиндор» победил «Слизерин» впервые за семь лет.

Вызвали крошечного мальчика с мышастыми волосами. Он надел Шляпу. Взгляд Гарри заскользил мимо, дальше, туда, где за учительским столом сидел и наблюдал за Распределением профессор Думбльдор, директор школы. Его длинная серебряная борода и очки со стеклами-полумесяцами поблескивали при свечах. Поодаль Гарри заметил Сверкароля Чаруальда в роскошной аквамариновой мантии. В торце сидел Огрид, волосатый, огромный, и долгими глотками пил из запрокинутого кубка.

– Подожди-ка... – прошептал Гарри. – За учительским столом один стул пустой... Где Злей?

Профессор Злотеус Злей был у Гарри самым нелюбимым учителем. А Гарри у Злея – самым нелюбимым учеником. Злей, жестокий и саркастичный, не нравился никому, кроме учеников собственного колледжа («Слизерина»); преподавал он зельеведение.

– Может, заболел? – с надеждой предположил Рон.

– А может, *уволился*, – сказал Гарри, – потому что ему *опять* не досталось места учителя защиты от сил зла!

– А может, – с воодушевлением подхватил Рон, – его *уволили*! Его же никто не любит...

– А может, – раздался ледяной голос прямо у ребят за спиной, – он ждет ваших объяснений, почему вы не приехали на поезде вместе со всеми.

Гарри развернулся. Перед ним стоял Злотеус Злей в полощущейся на ночном ветру мантии. Это был худой человек с землистой кожей, крючковатым носом и сальными волосами до плеч. В довершение неприятной картины сейчас он улыбался, и улыбка его не предвещала ничего хорошего.

– Следуйте за мной, – приказал Злей.

Не решаясь посмотреть даже друг на друга, Гарри и Рон поплелись вслед за Злеем вверх по ступенькам и вошли в просторный гулкий вестибюль, освещенный факелами. Из Большого зала доносились вкуснейшие запахи, но Злей направился прочь от тепла и уюта, вниз по узкой каменной лестнице.

– Заходите! – сказал он, открыв дверь на полпути к подземелью и указав внутрь.

Ежась, они вошли в кабинет Злея. Вдоль сумрачных стен тянулись стеллажи с огромными стеклянными банками, где плавали всевозможные гады, чьих названий Гарри не знал и знать не хотел. В камине было черно и пусто. Злей закрыл дверь и повернулся к ребятам.

– Итак, – тихо произнес он, – поезд недостаточно хорош для знаменитого Гарри Поттера и его верного оруженосца Уизли. Своим прибытием надо наделать как можно больше шума, так, господа?

– Нет, сэр, просто барьер на Кингз-Кросс...

– Тихо! – холодно прикрикнул Злей. – Что вы сделали с машиной?

Рон судорожно сглотнул. Гарри уже не впервые заподозрил, что Злей умеет читать мысли. Но мгновение спустя все разъяснилось: Злей развернул последний номер «Вечернего Оракула».

– Вас видели, – зашипел он, тыча им в нос заголовок: «МУГЛЫ ОШЕЛОМЛЕННЫ ПОЯВЛЕНИЕМ ЛЕТАЮЩЕГО «ФОРДА-АНГЛИЯ». И зачитал вслух: – «В Лондоне двое муглов уверяют, что видели старый автомобиль, пролетевший над Почтовой башней... в полдень в Норфолке миссис Хетти Бейлисс, развешивая белье... Мистер Ангус Флит из Пиблза сообщил в полицию... В общей сложности шесть или семь муглов. Насколько мне известно, *твой* отец работает в отделе неправомочного использования мугл-артефактов? – сказал он, мерзко ухмыляясь Рону. – Подумать только... его собственный сын...

Гарри словно бы изо всей силы ударила в живот самая большая ветвь бешеного дерева. Если кто-нибудь узнает, что мистер Уизли заколдовал машину... об этом он не подумал...

– При осмотре парка я заметил, что значительный ущерб нанесен весьма ценной Дракучей иве, – продолжал Злей.

– Это она нанесла нам ущерб, – выпалил Рон.

– Тихо! – рявкнул Злей. – Весьма прискорбно, что вы учитесь не в моем колледже и право принимать решение о вашем исключении принадлежит не мне. Я схожу за теми, кому дарована эта счастливая привилегия. А вы ждите здесь.

Гарри и Рон беспомощно переглянулись. Лица у обоих были совсем белые. Гарри уже не хотел есть. Теперь его ужасно тошнило. Он старался не смотреть на большое слизистое нечто, которое плавало

в зеленой жиже на полке за письменным столом Злей. Если Злей отправился за профессором Макгонаголл, куратором «Гриффиндора», то от этого совсем не легче. Она, может быть, справедливее, чем Злей, но ничуть не менее строга.

Через десять минут вернулся Злей и вместе с ним действительно пришла профессор Макгонаголл. Гарри и раньше пару раз видел, как она сердится, но то ли забыл, как сильно она поджимает губы, то ли прежде она еще не бывала так взбешена. Едва появившись на пороге, она взметнула волшебную палочку; Гарри с Роном испуганно зажмурились, но она лишь указала на пустой камин, и там внезапно затанцевало пламя.

– Сядьте, – приказала она, и мальчики робко попятились к креслам у камина. – Объяснитесь. – Стекла ее очков зловеще блеснули.

Рон стал рассказывать, начав с того, как их отказался пропустить барьер на вокзале.

– ...Так что у нас не было выбора, профессор, мы не смогли попасть на поезд.

– Почему вы не послали записку с совой? Насколько я знаю, у *вас* ведь есть сова? – ледяным тоном осведомилась профессор Макгонаголл у Гарри.

Гарри разинул рот. После ее слов ему вдруг стало очевидно, что именно так и следовало поступить.

– Я... я не подумал...

– Это уж точно, – процедила профессор Макгонаголл.

В дверь постучали, и Злей, довольный как никогда, открыл. На пороге стоял директор Думбльдор.

Гарри похолодел. Лицо у Думбльдора было необычайно суровое. Он уставил на провинившихся пристальный взгляд поверх крючковатого носа, и Гарри неожиданно подумалось, что лучше бы их все еще колотила Дракучая ива.

Наступило продолжительное молчание. Потом Думбльдор произнес:

– Расскажите, почему вы это сделали?

Лучше бы он кричал. Невыносимо было слышать такое разочарование. Почему-то Гарри не смог смотреть Думбльдору в глаза и заговорил, обращаясь к его коленям. Он рассказал абсолютно все, кроме того, что заколдованной машиной владеет мистер Уизли, и

получилось так, будто они с Роном случайно наткнулись на припаркованную недалеко от вокзала летающую машину. Он понимал, что Думбльдор обо всем догадается, но про машину тот не задал ни единого вопроса. Когда Гарри закончил свой рассказ, Думбльдор продолжал пристально смотреть на него сквозь очки.

– Ну, мы пойдем за вещами, – безнадежно сказал Рон.

– О чем вы, Уизли? – рявкнула профессор Макгонаголл.

– Вы же нас исключаете? – пробормотал Рон.

Гарри глянул на Думбльдора.

– Не сегодня, мистер Уизли, – сказал тот. – Но я обязан донести до вас всю серьезность вашего проступка. Мне придется написать вашим родным. Также должен предупредить, что, если нечто подобное повторится, у меня не останется иного выбора, кроме как исключить вас.

У Злея был такой вид, будто он узнал, что Рождество отменяется навсегда. Он прочистил горло и заговорил:

– Профессор Думбльдор, эти двое нарушили Декрет о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних, нанесли серьезные повреждения древнему и ценному растению – вне сомнения, подобные деяния...

– Предоставим профессору Макгонаголл решать, какое наказание следует назначить этим учащимся, Злотеус, – спокойно ответил Думбльдор. – Они из ее колледжа, и решение за ней. – Он повернулся к профессору Макгонаголл: – Я возвращаюсь на праздник, Минерва, мне нужно сделать кое-какие объявления. Пойдемте, Злотеус, я заметил на столе аппетитные кремовые тарталетки – успеть бы попробовать...

Злей позволил увести себя из кабинета, напоследок метнув на Гарри и Рона взгляд, полный неприкрытой ненависти. Мальчики остались наедине с профессором Макгонаголл. Та все еще сильно напоминала разъяренного орла.

– Отправляйтесь в лазарет, Уизли, у вас кровь идет.

– Не сильно. – Рон поспешно промокнул рукавом порез над бровью. – Профессор, я так хотел посмотреть Распределение, там моя сестра...

– Церемония Распределения уже закончилась, – сказала профессор Макгонаголл. – Ваша сестра тоже зачислена в «Гриффиндор».

– Отлично, – обрадовался Рон.

– Кстати, к вопросу о «Гриффиндоре»... – резко начала профессор Макгонаголл, но Гарри ее перебил:

– Профессор, мы взяли машину, когда семестр еще не начался, поэтому... «Гриффиндор» же не должен... терять из-за этого баллы, правда? Ведь не должен? – И он обеспокоенно заглянул ей в лицо.

Профессор Макгонаголл ответила пронзительным взглядом, но Гарри поклясться бы мог, что в глубине ее глаз таилась улыбка. Да и губы она уже не сжимала так плотно.

– Я не буду снимать баллы с «Гриффиндора», – сказала она, и у Гарри изрядно посветлело на душе. – Но вы оба понесете наказание.

Все складывалось куда лучше, чем Гарри предполагал. А что касается письма родным, это уж и вовсе ерунда. Ясно ведь: Дурслеи лишь пожалеют, что Дракучая ива не сделала из него котлету.

Профессор Макгонаголл указала волшебной палочкой на письменный стол. С еле слышным «чпок» на столе появилось большое блюдо бутербродов, два серебряных кубка и кувшин охлажденного тыквенного сока.

– Поешьте здесь и отправляйтесь в спальню, – велела она. – Мне тоже нужно вернуться на праздник.

Когда дверь за ней закрылась, Рон тихо, протяжно присвистнул.

– А я думал, нам конец, – признался он, хватая бутерброд.

– И я, – согласился Гарри и последовал его примеру.

– Но подумай только, как нам везет! – невнятно продолжал Рон, жуя курицу с ветчиной. – Фред с Джорджем летали на машине раз пять или шесть, и их ни один мугл не заметил. – Он проглотил и тут же откусил еще один здоровый кусок. – И почему же мы не смогли пройти сквозь барьер?

Гарри пожал плечами.

– Главное, теперь надо поосторожнее, – сказал он, с наслаждением отхлебывая тыквенного сока. – Жалко, нельзя пойти на пир...

– Она не хотела, чтоб мы явились как герои, – проницательно заметил Рон. – Типа это так круто – на машине прилетать...

Наевшись до отвала (блюдо само собой пополнялось новыми бутербродами), они вышли из кабинета и знакомой дорогой зашагали в гриффиндорскую башню. В замке было тихо – пир, судя по всему, закончился. Мальчики шли мимо бормочущих себе под нос портретов

и скрипящих рыцарских доспехов, карабкались по узким маршам каменных лестниц, пока наконец не добрались до секретного перехода, где за старым портретом весьма дородной дамы в розовых шелках прятался вход в гриффиндорскую башню.

– Пароль? – спросила дама.

– Э-э-э... – протянул Гарри.

Поскольку они еще не виделись со старостой «Гриффиндора», новый пароль был им неизвестен, но помощь не замедлила прийти; позади они слышали торопливые шаги, обернулись и увидели Гермиону.

– *Вот* вы где! Куда это вы *пропали*? Ходят *нелепейшие* слухи – кто-то сказал, вас исключили за то, что вы разбили летающую *машину*...

– Исключить-то нас не исключили, – успокоил ее Гарри.

– Ты хочешь сказать, вы и вправду сюда *прилетели*? – воскликнула Гермиона тоном профессора Макгонаголл.

– Давай ты обойдешься без нотаций, – нетерпеливо заявил Рон, – и скажешь пароль.

– Пароль «скворец новозеландский», – отмахнулась Гермиона, – но не в этом дело...

Речь ее, однако, была прервана, потому что портрет Толстой Тети открылся, как люк, и раздался гром аплодисментов. Оказалось, никто в «Гриффиндоре» еще не спал. Народ столпился в круглой гостиной, даже забрался на кривобокие столики и на мягкие кресла, чтобы лучше видеть героев дня. Чьи-то руки втащили Гарри с Роном в дыру за портретом. Гермионе пришлось карабкаться самой.

– Ве-ли-ко-леп-но! – орал Ли Джордан. – Классно! Какой полет! Приземление на Дракучую иву! Об этом будут вспоминать потомки!..

– Молодец, – сказал Гарри какой-то пятиклассник, с которым он никогда раньше не разговаривал; кто-то одобрительно хлопал Гарри по спине, будто он только что выиграл марафон.

Фред с Джорджем протиснулись сквозь толпу и хором спросили:

– Что ж *мы-то* не полетели на машине?

Рон, заалев лицом, смущенно улыбался. Однако Гарри заметил одного человека, который совершенно не радовался вместе со всеми. Перси возвышался над возбужденной стайкой первоклассников и, похоже, собирался подойти и как следует отругать Рона и Гарри. Гарри ткнул Рона под ребра и кивнул на Перси. Рон тут же все понял.

– Мы наверх – очень устали, – сказал он, и оба героя стали пробираться к боковой двери, что вела к винтовой лестнице в спальни.

– Пока! – крикнул Гарри Гермионе. Та хмурилась не меньше Перси.

Обоих вовсю хлопали по спине, пока им не удалось добраться до двери и обрести покой на лестнице. Взбежав на самый верх, они оказались перед своей прошлогодней спальней – табличка теперь гласила «ВТОРОЙ КЛАСС». В знакомой круглой комнате с высокими узкими окнами стояли пять кроватей под балдахинами красного бархата. Сундуки уже принесли и поставили у изножья кроватей.

Рон виновато улыбнулся:

– Я знаю, что не должен гордиться и все такое...

Дверь распахнулась, и вбежали еще трое второклассников «Гриффиндора»: Шеймас Финниган, Дин Томас и Невилл Лонгботтом.

– *Невероятно!* – просиял Шеймас.

– Клево, – сказал Дин.

– Потрясающе, – благоговейно прошептал Невилл.

Гарри ничего не мог с собой поделаться. Он тоже расплылся в широченной улыбке.

Глава шестая

Сверкароль Чаруальд

Однако на следующий день Гарри особо улыбаться не пришлось. Дела стремительно покатались под гору уже за завтраком в Большом зале. Четыре длинных стола под зачарованным потолком (сегодня скучным и серым), как всегда, были уставлены чанами с овсянкой, блюдами с копченой рыбой, горами бутербродов, яичницей с беконом на больших тарелках. Гарри с Роном сели за гриффиндорский стол к Гермионе – та читала «Вояж с вампиром», прислонив книжку к кувшину с молоком. «Доброе утро» Гермиона произнесла несколько напряженно – видимо, по-прежнему сердилась на них за вчерашнюю эскападу. Зато Невилл Лонгботтом приветствовал их радостно. Невилл был круглолицый мальчик с редкой способностью попадать в неприятности и феноменально дырявой памятью.

– Вот-вот придет почта – надеюсь, Ба пришлет все, что я забыл.

Едва Гарри приступил к овсяной каше, над головой раздался шорох крыльев – совы потоком устремились в окна и закружили под потолком, сбрасывая письма и посылки на галдящих детей. Большой бесформенный сверток упал Невиллу на голову, а еще через секунду нечто серое плюхнулось в кувшин, служивший Гермионе книжной подставкой, и забрызгало всех молоком с перьями.

– *Эррол!* – вскричал Рон, вытаскивая слипшегося филина за хвост. Тот без чувств повалился на стол лапами вверх, держа в клюве влажный красный конверт.

– Ой нет... – прошептал Рон.

– Все нормально, он жив, – успокоила Гермиона, легонько потыкав Эррола пальцем.

– Да не в том дело – вот!

Рон показывал на красный конверт. Вроде ничего особенного, подумал Гарри, однако Рон и Невилл смотрели с таким ужасом, будто ждали, что конверт вот-вот взорвется.

– В чем дело? – спросил Гарри.

– Она... она прислала вопиллер, – слабым голосом ответил Рон.

– Лучше открой, – посоветовал Невилл смущенным шепотом. – Если не открыть, хуже будет. Я однажды тоже получил, от бабушки, и не открыл и... – он судорожно сглотнул, – ...короче, ужас.

Гарри перевел взгляд с окаменевших лиц приятелей на красный конверт.

– Что такое вопиллер? – спросил он.

Но внимание Рона было приковано к письму, которое уже задымилось по краям.

– Открой, – настойчиво сказал Невилл, – и через несколько минут все кончится...

Рон трясущейся рукой высвободил конверт из клюва Эррола и разорвал. Невилл заткнул уши пальцами. Спустя долю секунды Гарри понял зачем. Сначала он решил, что письмо и впрямь взорвалось; огромный зал до краев заполнился таким громом, что пыль посыпалась с потолка.

– КРАСТЬ МАШИНЫ!.. ДА НА ИХ МЕСТЕ Я БЫ ТЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО ИСКЛЮЧИЛА! ВОТ ПОГОДИ, Я ДО ТЕБЯ ДОБЕРУСЬ! ТЕБЕ НЕ ПРИШЛО В ГОЛОВУ, ЧТО МЫ С ОТЦОМ ПЕРЕЖИЛИ, КОГДА УВИДЕЛИ, ЧТО МАШИНЫ НЕТ?..

От стократно усиленных воплей миссис Уизли дрожали тарелки и ложки на столе. Крики оглушительным эхом отражались от каменных стен. Народ оборачивался посмотреть, кому это прислали вопиллер, и Рон насколько мог вжался в скамью – над столом виднелся один лишь багровый лоб.

– ПОЛУЧИЛИ ВЕЧЕРОМ ПИСЬМО ОТ ДУМБЛЬДОРА. Я БОЯЛАСЬ, ОТЕЦ УМРЕТ СО СТЫДА! РАЗВЕ МЫ ТАК ТЕБЯ ВОСПИТЫВАЛИ? ВЫ С ГАРРИ МОГЛИ ПОГИБНУТЬ!..

Ну вот и до меня добрались, подумал Гарри. Он изо всех сил делал вид, будто не слышит этого голоса, от которого пульсировали барабанные перепонки.

– ЭТО УЖАСНО – ОТЦА НА РАБОТЕ ЖДЕТ СЛУЖЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ, ВСЕ ИЗ-ЗА ТЕБЯ! ЕЩЕ РАЗ ЧТО-НИБУДЬ ВЫТВОРИШЬ, И МЫ ЗАБЕРЕМ ТЕБЯ ИЗ ШКОЛЫ, ЯСНО?

Воцарилась звенящая тишина. Красный конверт, давно выпавший у Рона из рук, занялся язычками яркого пламени и быстро превратился в пепел. Рон и Гарри сидели ошарашенные, будто их только что накрыло

приливной волной. Кое-кто засмеялся, но вскоре за столами вновь зажурчали разговоры.

Гермиона захлопнула «Вояж с вампиром» и посмотрела на макушку Рона.

– Не знаю, чего ты ожидал, Рон, но ты...

– Только не говори, что я это заслужил, – огрызнулся Рон.

Гарри отодвинул кашу. Внутри все горело; совесть грызла. Мистера Уизли ждет служебное расследование – после всего, что родители Рона сделали для Гарри...

Но размышлять об этом не было времени: профессор Макгонаголл подошла к гриффиндорскому столу раздать новое расписание. Гарри взял листок и увидел, что у них с хуффльпуффцами сейчас гербология.

Гарри, Рон и Гермиона вместе вышли из замка и через огород направились к теплицам с волшебными растениями. От вопиллера была одна польза: Гермиона, похоже, решила, что ребята достаточно наказаны, и снова подобрела.

Весь класс уже собрался у дверей в ожидании профессора Спарж. Не успели Гарри, Рон и Гермиона к ним присоединиться, как учительница появилась в поле зрения – она шагала по газону в сопровождении Сверкароля Чаруальда. Профессор Спарж несла гору бинтов, и Гарри, ощутив очередной укор совести, поглядел на Дракучую иву вдалеке – на некоторые ветви ей наложили шины.

Профессор Спарж была невысокой кряжистой ведьмой. Свои непослушные волосы она прикрывала залатанной шляпой; на одежде и под ногтями земля – тетя Петунья в обморок бы грохнулась. Сверкароль Чаруальд, напротив, был безупречен в элегантно развевающейся бирюзовой мантии; золотые волосы сияли под идеально заломленной бирюзовой шляпой с золотым кантом.

– О, здравствуйте! – радостно вскричал Чаруальд, лучезарно улыбаясь собравшимся. – А я вот показывал профессору Спарж, как правильно лечить Дракучие ивы! Но мне бы не хотелось, чтобы у вас создалось впечатление, будто я лучше ее разбираюсь в гербологии! Просто в путешествиях мне не раз доводилось встречаться с этими экзотическими деревьями...

– Сегодня теплица номер три, мальчики-девочки! – сказала профессор Спарж. Обычно веселая и незлобивая, она была явно раздражена.

Раздались заинтересованные шепотки. Первокласники работали только в теплице номер один, а в третьей содержались растения куда любопытнее и опасней. Профессор Спарж сняла с пояса большой ключ и отперла дверь. До Гарри донесся запах влажной земли и удобрений, смешанный с тяжелым ароматом огромных, размером с зонтик, цветов, свисавших с потолка. Гарри шагнул было за Роном и Гермионой внутрь, но тут его настигла рука Чаруальда.

– Гарри! Хотел с тобой поговорить... Вы ведь не возражаете, если он на пару минут опоздает, милая Спарж?

Судя по недовольной гримасе, профессор Спарж возражала, да еще как, но Чаруальд сказал:

– Вот и славно, – и захлопнул дверь теплицы прямо ей в лицо. – Гарри, – произнес он затем и покачал головой, а его большие белые зубы засверкали в солнечном свете. – Гарри, Гарри, Гарри.

Даже не пытаясь ничего понять, Гарри молчал.

– Когда я узнал... да что говорить, все это целиком моя вина. Готов был сам себе дать пинка.

Гарри не имел ни малейшего представления, о чем речь, и уже собрался признать это вслух, но Чаруальд продолжил:

– Я был в шоке, в натуральнейшем шоке! Прилететь в «Хогварц» на машине! Разумеется, я сразу понял, отчего ты так поступил. Так наивно, так очевидно. Гарри, Гарри, *Гарри*.

Поразительно, как ему удавалось даже молча демонстрировать все свои великолепные зубы.

– Это ведь из-за меня ты тоже возжаждал славы? – сказал Чаруальд. – Я тебя заразил. Из-за меня ты попал на первую полосу – и захотел попасть туда снова.

– Да нет, профессор, просто...

– Гарри, Гарри, Гарри, – перебил Чаруальд, ухватив его за плечо, – я все *понимаю*. Совершенно естественно, вкусив однажды, желать еще, – и я виню себя в том, что, образно говоря, поднес тебе первый глоток. Слава ударила тебе в голову – но, видишь ли, мальчик, нельзя же *летать на машинах* ради того, чтобы тебя заметили. Успокойся, приди в себя, хорошо? У тебя впереди уйма времени. Да, да, знаю, о чем ты думаешь! «Хорошо ему говорить, он сам давно уже всемирно известный колдун!» Но в двенадцать лет я тоже был никто, ничто и звать никем – как ты сейчас. Даже хуже – о тебе хоть кто-то что-то

слышал, про эти твои дела с Тем-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут! – Он бросил взгляд на шрам-молнию у Гарри на лбу. – Понятно, понятно, это тебе не премия журнала «Ведьмополитен» за самую обаятельную улыбку пять раз подряд, как в моем случае, но ведь это только *начало*, Гарри, только *начало*.

Он заговорщицки подмигнул и элегантно удалился. Гарри постоял, остолбенев, но затем вспомнил, что у него урок, открыл дверь и проскользнул в теплицу.

Профессор Спарж стояла в центре теплицы перед козлами. На них лежало пар двадцать разноцветных пушистых наушников. Когда Гарри встал между Роном и Гермионой, профессор Спарж сказала:

– Сегодня мы пересаживаем мандрагору. Кто-нибудь знает об этом растении?

Никто не удивился, когда рука Гермионы первой взметнулась вверх.

– Мандрагора – это сильнейшее восстанавливающее средство, – начала Гермиона в своей обычной манере – так, будто проглотила учебник. – Им возвращают в нормальное состояние людей, которые были во что-то превращены или прокляты.

– Отлично, – похвалила профессор Спарж. – Десять баллов «Гриффиндору». Мандрагора – неотъемлемый ингредиент большинства антидотов. Однако это растение очень опасно. Кто ответит почему?

На сей раз, взметнувшись, рука Гермионы чуть не сшибла с Гарри очки.

– Плач мандрагоры смертелен для всякого, кто его услышит, – выпалила она.

– Совершенно верно. Еще десять баллов, – сказала профессор Спарж. – Теперь обратимся к нашим мандрагорам. Они еще очень маленькие.

С этими словами она указала на глубокие поддоны, и все подошли ближе, чтобы лучше разглядеть. В поддонах рядками росло около сотни взъерошенных пурпурно-зеленых кустиков. Ничего примечательного, на взгляд Гарри, который совершенно не понял, о каком «плаче» мандрагоры говорила Гермиона.

– Берите наушники, – велела профессор Спарж.

Возле козел образовалась толкотня — все хватали наушники, старательно избегая розовой пушистой пары.

— Когда я скажу надеть наушники, закройте ими уши *полностью*, — предупредила профессор Спарж. — А когда будет безопасно их снять, я покажу: порядок. Ну что же, приступим — надеть наушники!

Гарри прижал наушники к ушам, и все звуки пропали. Профессор Спарж надела свою пару — розовую пушистую, — закатала рукава мантии, крепко ухватила взъерошенный кустик и с силой потянула вверх.

Гарри удивленно ахнул, чего никто, разумеется, не услышал.

Вместо корней на свет явился маленький, грязный и на редкость безобразный младенец. Листья росли у него прямо из макушки. Кожа была бледно-зеленая и пятнистая. Без всякого сомнения, младенец орал изо всей мочи.

Профессор Спарж вытащила из-под стола большой цветочный горшок и стала зарывать мандрагошку в черный влажный компост по самый зеленый хохолок. Затем профессор отряхнула руки, показала два больших пальца и сняла наушники.

— Поскольку наши мандрагошки еще ростки, их плач никого не убьет, — сказала она спокойно, будто не сделала ничего особо удивительного — ну максимум полила бегонию. — Тем не менее сознания лишит на несколько часов, поэтому, если не хотите пропустить первый учебный день, перед работой удостоверьтесь, что наушники надеты прочно. Я подам знак, когда придет время заканчивать урок. По четыре человека на поддон — горшков полно вот здесь, компост в мешках вон там — и осторожнее со щупалицей ядовитой, у нее зубки режутся.

И она звонко шлепнула ползучее темно-красное растение по щупальцам, которые воровато тянулись ей через плечо; щупальца отпрянули.

К Гарри, Рону и Гермионе присоединился кудрявый, как барашек, хуффлупффец — Гарри знал его в лицо, но ни разу с ним не общался.

— Джастин Финч-Флетчи, — бойко представился «барашек», пожимая Гарри руку. — Я, конечно, знаю, кто ты — знаменитый Гарри Поттер... А ты — Гермиона Грейнджер, первая по всем предметам (Гермиона просияла, а Финч-Флетчи пожал руку и ей), и Рон Уизли. Это ведь была твоя летающая машина?

Рон не заулыбался. Очевидно, воспоминания о вопиллере были еще свежи.

— Этот Чаруальд — просто нечто, скажите? — радостно говорил Джастин, пока они наполняли горшки компостом из драконьего навоза. — До ужаса храбрый. Читали его книжки? Я бы помер со страху, если б оказался в телефонной будке с оборотнем, а он крутой такой — ухх! — *фантастика!*.. Я был записан в Итон, представляете? Я так рад, что вместо этого попал сюда! Мама, конечно, немного огорчилась, но я дал ей почитать Чаруальдовы книжки, и, по-моему, до нее стало доходить, как хорошо, когда в семье есть образованный колдун...

После у них уже не было возможности поболтать. Они надели наушники и занялись мандрагошками. У профессора Спарж все получалось играючи, но это была только иллюзия. Мандрагошки не желали вылезать из земли, но и назад в землю тоже не хотели. Они извивались, брыкались, размахивали острыми кулачками и скрежетали зубками; одного особенно толстенького мандрагошку Гарри упихивал в горшок добрых десять минут.

К концу урока Гарри, как и остальные, вспотел и перемазался землей, и все тело у него ныло. Ребята поплелись в замок, наспех помылись, а затем гриффиндорцы отправились на превращения.

На уроках профессора Макгонаголл легко не бывало, но сегодня оказалось особенно трудно. Все, что Гарри выучил в прошлом году, словно улетучилось из головы за лето. Ему всего-навсего нужно было превратить жука в жетон, но достиг он немногого: жук лишь хорошенько размялся, ползая по всему столу и уворачиваясь от волшебной палочки.

Рону приходилось и того хуже. Одолжив у кого-то колдоленту, он заклеил свою волшебную палочку, но та, похоже, испортилась безнадежно. Она скрипела и искрила в самые неподходящие моменты, а едва Рон пытался заколдовать жука, палочка выпускала клубы густого серого дыма, который отчетливо пах тухлыми яйцами. Не видя, что делает, Рон случайно раздавил жука локтем, и ему пришлось просить нового. Профессор Макгонаголл осталась недовольна.

Услышав колокол на обед, Гарри вздохнул с облегчением. Казалось, у него слиплись мозги. Все уже вышли из класса, кроме Гарри и Рона, который с остервенением молотил палочкой о стол:

– Дурацкая – бесполезная – никчемная...

– Напиши домой, попроси, чтобы прислали другую, – предложил Гарри, когда палочка выдала залп оглушительных хлопучесных выстрелов.

– Ага, конечно, – и нарваться на еще один вопиллер, – фыркнул Рон, засовывая шипящую палочку в рюкзак. – «Сам виноват, что палочка сломалась...»

Они пошли обедать, и настроение у Рона отнюдь не улучшилось, когда Гермиона предъявила им целую пригоршню идеальных жетонов, произведенных ею на превращениях.

– А что у нас после обеда? – спросил Гарри, торопясь сменить тему.

– Защита от сил зла, – тут же ответила Гермиона.

– А зачем, интересно, – осведомился Рон, выхватив у нее листок с расписанием, – ты нарисовала сердечки вокруг всех Чаруальдовых уроков?

Гермиона отобрала расписание и ужасно покраснела.

Пообедав, они вышли на двор под пасмурные небеса. Гермиона села на каменную ступеньку и, не теряя времени, снова зарылась носом в «Вояж с вампиром». Гарри с Роном разговорились о квидише. Через некоторое время Гарри почувствовал, что за ним пристально наблюдают. Оглядевшись, он заметил того самого мальчугана с мышастыми волосами, которого видел на Распределении. Мальчик смотрел на Гарри как замороженный. В руках он сжимал нечто весьма похожее на обыкновенный мугловый фотоаппарат. Поняв, что Гарри его заметил, мальчик мучительно покраснел.

– Как жизнь, Гарри? Я... меня зовут Колин Криви, – задыхаясь, пролепетал он и осторожно шагнул ближе. – Я тоже в «Гриффиндоре». А можно я... можно мне... ничего, если я тебя сфотографирую? – И он с надеждой поднял фотоаппарат повыше.

– Сфотографируешь? – переспросил Гарри.

– Как доказательство, что я с тобой правда встречался, – с жаром пояснил Колин и подошел еще ближе. – Я про тебя знаю все-все-все. Мне все всё рассказали. И как ты уцелел, когда Сам-Знаешь-Кто пытался тебя убить, и как он исчез, и все остальное, и про твой шрам-молнию (он уперся взглядом в челку Гарри), а еще один мальчик из нашего класса сказал, есть такое зелье, если в нем проявить пленку,

человек на фотографии будет *двигаться!* – Колин судорожно перевел дух и в экстазе продолжал: – Здесь так *здорово*, да? Я раньше, до письма из «Хогварца», и не догадывался, что все эти странные штуки, которые я делаю, – колдовство. Мой папа – молочник, он тоже никак не верил. И я все время фотографирую, чтобы послать ему побольше снимков. Классно было бы, если б у меня была твоя фотография, – он с мольбой посмотрел на Гарри, – и, может, твой друг снимет нас вдвоем? А ты потом подпишешь, хорошо?

– *Подпишешь?* Уже раздаешь автографы, Поттер?

Громкий и язвительный голос Драко Малфоя разнесся по двору. Малфой стоял позади Колина – и, как всегда в «Хогварце», по флангам стояли его бандитского вида дружки Краббе и Гойл.

– В очередь, люди, в очередь! – закричал Малфой. – Гарри Поттер раздает автографы!

– Ничего подобного, – сердито сказал Гарри, сжимая кулаки. – Заткнись, Малфой!

– Тебе просто завидно, – пискнул Колин, чье тельце едва ли было толще шеи Краббе.

– *Завидно?* – переспросил Малфой. Ему больше не требовалось кричать: полдвора и так заинтересованно слушали. – Чему тут завидовать? Шрам на башке мне не нужен, спасибо! Не вижу ничего занимательного в том, что тебе раскроили череп.

Краббе и Гойл глупо заухмылялись.

– Чтоб тебе слизняками подавиться! – яростно выкрикнул Рон.

Краббе перестал ухмыляться и принялся угрожающе потирать костяшки пальцев.

– Осторожней, Уизли, – презрительно прищурился Малфой. – Веди себя хорошо, а то мамочка из школочки заберет. – И заголосил пронзительно: – *Еще раз что-нибудь сотворишь...*

Неподалеку громко расхохоталась группка пятиклассников из «Слизерина».

– Кстати, Поттер, дай Уизли фотку с автографом, – посоветовал Малфой, – она потянет побольше, чем весь их жалкий домишко...

Рон выхватил свою заклеенную волшебную палочку, но Гермiona шумно захлопнула «Вояж с вампиром» и прошептала:

– Тихо вы!

– В чем дело, в чем дело? – К ним спешил Сверкароль Чаруальд. Бирюзовая мантия развевалась на ходу. – Кто это тут раздает автографы?

Гарри хотел возмутиться, но вынужден был замолчать – Чаруальд покровительственно обнял его за плечи и оживленно произнес:

– Да что же это я спрашиваю, следовало догадаться! Гарри, друзья встречаются вновь!

Пришпиленный к боку учителя, стора от унижения, Гарри смотрел, как Драко, ухмыляясь, растворяется в толпе.

– Давайте же, мистер Криви, – сказал Чаруальд, лучезарно улыбаясь Колину. – Двойной портрет, что может быть лучше! И мы *оба* его подпишем.

Колин повозился с аппаратом и сфотографировал их. Удар колокола возвестил начало послеобеденных занятий.

– Ну, скорее, идите, идите, – поторопил собравшихся Чаруальд и направился к замку, не отпуская Гарри, который в эту минуту жалел только, что не знает какого-нибудь хорошего исчезального заклинания. – Скажу тебе одну умную вещь, – отеческим тоном произнес Чаруальд, когда они входили в замок через боковую дверь. – Я прикрыл тебя сейчас с Колином: раз он фотографировал и меня, твои товарищи не сочтут, будто ты слишком заносишься...

Оставаясь глух к бормотанию Гарри, Чаруальд тащил его за собой по коридору и вверх по лестнице сквозь толпу любопытных зевак.

– Позволь лишь предостеречь – раздавать фотографии с автографами на данном этапе карьеры в высшей степени неразумно: если по-честному, ты, Гарри, выглядишь самовлюбленным младенцем. Очень может быть, что однажды тебе, как и мне, понадобится всегда иметь наготове целую пачку снимков, но, – и тут Чаруальд снисходительно хмыкнул, – не думаю, что этот момент наступил.

Они дошли до аудитории Чаруальда, и тот наконец отпустил Гарри. Гарри одернул мантию, забился на заднюю парту и забаррикадировался Чаруальдовыми книжками, чтобы не видеть оригинал.

Болтая на ходу, входили его одноклассники. Подошли Рон с Гермионой и сели по обе стороны от Гарри.

– У тебя на физиономии яичницу можно жарить, – хихикнул Рон. – Молись, чтобы Криви не подружился с Джинни, а то они быстренько

организуют фан-клуб Гарри Поттера.

– Замолчи ты, – оборвал его Гарри. Не хватало только, чтобы слова «фан-клуб Гарри Поттера» достигли ушей Чаруальда.

Когда все расселись, Чаруальд громко прочистил горло, и воцарилось молчание. Чаруальд взял со стола у Невилла «Турне с троллями» и показал всему классу свое подмигивающее изображение на обложке.

– Это я, – сказал он, тыча пальцем в портрет и тоже подмигивая для убедительности. – Сверкароль Чаруальд, орден Мерлина третьей степени, почетный член Лиги защиты от сил зла, а также пятикратный лауреат премии журнала «Ведьмополитен» за самую обаятельную улыбку – но об этом я предпочитаю не упоминать. Я бы никогда не отделался от Бэндонской Банши, если б ей *улыбался!*

Он сделал паузу, чтобы класс мог посмеяться. Кое-кто криво улыбнулся.

– Я вижу, у всех есть собрание моих сочинений – молодцы. Думаю, сегодня мы начнем с небольшой контрольной. Беспокоиться не о чем – просто проверим, насколько внимательно вы читали мои произведения, что усвоили...

Раздав листы с вопросами, он вернулся на свое место во главе класса и сказал:

– У вас тридцать минут – и – начали!

На листке Гарри прочел:

1. Какой любимый цвет Сверкароля Чаруальда?
2. Каково тайное желание Сверкароля Чаруальда?
3. Каково, по вашему мнению, величайшее достижение Сверкароля Чаруальда на сегодняшний день?

И так далее и тому подобное, вплоть до:

54. Когда у Сверкароля Чаруальда день рождения и что было бы для него лучшим подарком?

Полчаса спустя Чаруальд собрал работы и быстро пролистал их перед классом.

– Тц-тц-тц, почти никто не запомнил, что мой любимый цвет – лиловый. Я говорю об этом в моей работе «Единение с йети». А некоторым из вас не мешало бы повнимательнее перечитать «Общение

с оборотнями» – там, в главе двенадцать, я говорю, что лучшим подарком на день рождения стали бы для меня гармоничные отношения между колдовским и неколдовским сообществами – хотя и от большой бутылки «Отменного Огневиски Огдена» я бы тоже не отказался!

Он снова одарил класс плутовской улыбкой. Рон таращился на него, не веря своим глазам; Шеймас Финниган и Дин Томас в первом ряду тряслись от беззвучного хохота. Гермиона же слушала Чаруальда с почтительным вниманием и сильно вздрогнула, когда он упомянул ее имя.

– ...А вот мисс Грейнджер знает, что мое тайное желание – навсегда избавить мир от зла и вывести на мировой рынок собственную серию снадобий по уходу за волосами, – молодец девочка! На самом деле, – он полистал работу Гермионы, – она на все вопросы ответила. Где у нас мисс Гермиона Грейнджер?

Гермиона подняла дрожащую руку.

– Отлично! – засиял Чаруальд. – Просто отлично! «Гриффиндор» получает десять баллов! Ну а теперь – за работу!

И он достал из-под стола большую клетку, накрытую тканью.

– Для начала – предупреждаю! Моя задача – вооружить вас против самых отвратительных созданий, известных колдовскому миру! Возможно, в этом классе вы лицом к лицу встретитесь с самыми ужасными своими страхами. Знайте только, что, пока я с вами, вам ничто не грозит. Я лишь прошу вас сохранять спокойствие.

Сам того не желая, Гарри перегнулся через свою книжную баррикаду, чтобы лучше рассмотреть клетку. Чаруальд положил руку на ткань. Дин и Шеймас перестали хихикать. Невилл в первом ряду вжался в стул.

– Пожалуйста, не кричите, – тихо попросил Чаруальд. – Это может их спровоцировать.

Весь класс затаил дыхание, и Чаруальд сдернул покрывало.

– Встречайте, – сказал он театрально, – *только что пойманные корнуолльские эльфейки.*

Шеймас Финниган не совладал с собой. Он захрюкал от смеха, и даже Чаруальд не смог притвориться, что это вопль ужаса.

– Что? – улыбнулся он Шеймасу.

– Ну, они ведь... они ведь... не слишком *опасны*? – чуть не подавился тот.

– Вы уверены? – Чаруальд раздражающе кокетливо покачал пальцем у Шеймаса перед носом. – Это дьявольски хитрые маленькие негодяйки!

Эльфейки были цвета электрик и дюймов восьми ростом, с остренькими личиками и пронзительными голосками; когда они говорили, создавалось впечатление, будто переругивается стая волнистых попугайчиков. Лишь только с эльфеек сняли покрывало, они загалдели и заматались по клетке, тряся решетку и корча рожи.

– Отлично! – громко сказал Чаруальд. – Посмотрим, что вы будете с ними делать. – И открыл клетку.

Разверзся крошечный ад. Эльфейки ракетами разлетелись кто куда. Две схватили Невилла за уши и подняли в воздух. Несколько штук метнулось напрямик в окно, и задний ряд засыпало битым стеклом. Остальные громили классную комнату лучше любого взбесившегося носорога. Эльфейки хватали чернильницы и делали чернильный дождик, трепали книжки и бумажки, срывали картины со стен, переворачивали мусорные корзины, утаскивали портфели и вываливали их содержимое в разбитое окно; через пару минут полкласса пряталось под партами, а Невилл свисал с железного канделябра на потолке.

– Ну же, загоняйте их, загоняйте, это всего-навсего эльфейки, – кричал Чаруальд. Он закатал рукава, помахал палочкой и выпалил: – Эльфинальфи Эльфернале!

Это не возымело совершенно никакого действия, а одна эльфейка выхватила палочку у Чаруальда из рук и швырнула в окно вслед за всем прочим добром. Чаруальд испуганно сглотнул, нырнул под собственный стол, и его чудом не раздавил Невилл, который ровно через секунду свалился с почти оторвавшегося канделябра.

Прозвонил колокол, и в дверях началось столпотворение. Затем последовало некоторое затишье; Чаруальд вылез из-под стола, величественно отряхнулся, заметил Гарри, Рона и Гермиону уже практически на пороге и сказал:

– Пожалуй, я попрошу вас троих водворить этих красавиц в клетку. Он вылетел в дверь и поспешно ее за собой захлопнул.

– Чародей, понимаешь, – буркнул Рон; одна эльфейка больно цапнула его за ухо.

– Он просто хотел дать нам попрактиковаться, – сказала Гермиона, остроумно обездвигив сразу двух эльфеек замри-заклятьем и сунув их в клетку.

– *Попрактиковаться?* – не поверил своим ушам Гарри. Он никак не мог дотянуться до эльфейки, которая выплясывала перед ним, высунув язык. – Гермиона, да он понятия не имел, что с ними делать...

– Ерунда, – отрезала Гермиона. – Ты же читал его книги – вспомни, сколько подвигов он совершил...

– *Утверждает, что совершил,* – проворчал Рон.

Глава седьмая

Мугродые и зловещий шепот

Следующие несколько дней Гарри только и делал, что прятался, едва завидев Чаруальда. Труднее было избежать встреч с Колином Криви – несносное создание, похоже, выучило расписание уроков Гарри наизусть. Для Колина не было высшего счастья, чем шесть-семь раз на дню крикнуть: «Как дела, Гарри?» – и услышать: «Привет, Колин», как бы Гарри при этом ни раздражался.

Хедвига все еще дулась на Гарри из-за катастрофического полета на машине, волшебная палочка Рона по-прежнему барахлила, а в пятницу утром вообще выкинула фортель – на занятиях по заклинаниям вдруг вылетела у Рона из рук и долбанула крошечного профессора Флитвика между глаз, одарив беднягу огромным пульсирующим волдырем отвратительно-зеленого цвета. Словом, то одно, то другое, но до выходных худо-бедно дожили, чему Гарри был очень рад. В субботу утром они с Роном и Гермионой планировали навестить Огрида. Однако в субботу Гарри пришлось встать на несколько часов раньше, чем хотелось бы, – его разбудил Оливер Древ.

– Сстосусилось? – промямлил Гарри.

– Тренировка по квидишу! – объявил Древ. – Пошли!

Гарри сощурился в окно. Розовато-золотистое небо подернула нежная туманная дымка. Теперь, кое-как проснувшись, Гарри не понимал, как ему удавалось спать под отчаянный птичий гвалт.

– Оливер, – простонал он, – еще даже не рассвело.

– Совершенно верно, – подтвердил Древ, высокий, пышущий здоровьем шестиклассник. Его глаза горели бешеным фанатизмом. – Это – часть нашей новой программы тренировок. Давай-давай, хватай метлу и пошли, – бодро поторопил он. – Другие команды еще не начали тренироваться, в этом году будем первыми...

Зевая и поеживаясь, Гарри выбрался из постели и стал разыскивать квидишную форму.

– Умница, – похвалил Древ, – жду тебя на поле через пятнадцать минут.

Натянув алую мантию и укутавшись для тепла в плащ, Гарри наспех нацарапал записку Рону и с «Нимбусом-2000» на плече спустился по винтовой лестнице в общую гостиную. Не успел он дойти до портретной дыры, как позади раздался шум и по лестнице, что-то сжимая в руке, слетел Колин Криви. Фотоаппарат болтался у него на шее туда-сюда.

– Я услышал, как тебя позвали, Гарри! Смотри, что у меня есть! Я проявил, хотел тебе показать...

Озадаченный Гарри взглянул на фотографию, которой Колин размахивал у него перед носом.

Черно-белый Чаруальд тянул кого-то за руку, а тот упирался. Гарри узнал – это была его собственная рука. Он порадовался, что его фотографическое «я» отчаянно сражается за право не появляться в поле зрения. Пока Гарри смотрел, Чаруальд на фотографии успел выбиться из сил и, задыхаясь, прислонился к белой рамке.

– Подпишешь? – с надеждой спросил Колин.

– Нет, – сказал Гарри и огляделся, нет ли кого в гостиной. – Извини, Колин. Я тороплюсь – тренировка по квидишу.

И полез в дыру за портретом.

– Ух ты! Класс! Подожди, я с тобой! Я еще ни разу не видел, как играют в квидиш!

И Колин тоже полез в дыру.

– Это очень скучно, – поспешил предупредить Гарри, но Колин не обратил внимания. Лицо его светилось восторгом.

– Ты ведь самый молодой игрок за последние сто лет, правда? Правда? – тараторил Колин, трусая рядом с Гарри. – Ты, наверно, вообще супер! А я ни разу не летал. Это просто? Это твоя метла? Лучшая модель?

Гарри не знал, куда деваться. У него как будто появилась крайне разговорчивая тень.

– Я вообще-то квидиш не понимаю. – Колин совсем запыхался. – Правда, что там четыре мяча? И два сами летают и сбивают игроков с метел?

– Правда, – обреченно сказал Гарри: придется объяснять правила. – Называются Нападады. В каждой команде двое Отбивал, у

них биты, чтоб отгонять Нападаю от своей команды. В гриффиндорской команде Отбивалы – Фред и Джордж Уизли.

– А остальные мячи для чего? – спросил Колин, неловко съехав с последних двух ступеней: он ни на секунду не отрывал глаз от Гарри.

– Ну, Кваффлом – это такой довольно большой и красный – забивают голы. В каждой команде три Охотника, они кидают друг другу Кваффл, им надо попасть в кольца. Кольца на длинных шестах стоят с двух сторон поля.

– А четвертый мяч?

– Четвертый – Золотой Проныра, – сказал Гарри. – Очень маленький, очень быстрый, очень трудно поймать. За этим нужен Ловчий. Матч не заканчивается, пока Проныра не пойман. И та команда, чей Ловчий схватит Проныру, получает дополнительные сто пятьдесят очков.

– И ты – Ловчий «Гриффиндора», да? – с благоговением прошептал Колин.

– Да, – ответил Гарри. Они уже вышли из замка и по росистой траве направлялись к полю. – А еще есть Охранники. Они защищают кольца. По сути, все.

Но, пока они спускались по лужайке к квидишному полю, Колин продолжал бомбардировать Гарри вопросами. Только у раздевалки от назойливого спутника удалось избавиться. Колин пискнул вслед:

– Пойду займу место получше, – и побежал к трибунам.

Остальные игроки уже собрались в раздевалке. Но только Древ не выглядел заспанным. Фред и Джордж Уизли, нечесанные, с опухшими глазами, сидели на скамейке рядом с четвероклассницей Алисией Спиннет – та потихоньку дремала, откинувшись к стене. Напротив отчаянно зевали еще две Охотницы, Кэти Белл и Ангелина Джонсон.

– Наконец-то, Гарри, что так долго? – нетерпеливо бросил Древ. – Начнем. Перед выходом на поле я хотел бы сказать пару слов. Я все лето разрабатывал новую систему тренировок и уверен, что она кардинально изменит...

Древ развернул большую карту квидишного поля, испещренную разноцветными черточками, стрелочками и крестиками. Волшебной палочкой стукнул по карте, и стрелки запóлзали как гусеницы. Когда Древ заговорил о новой тактике, голова Фреда упала Алисии на плечо и он захрапел.

Обсуждение первой схемы заняло минут двадцать, а за ней открылась вторая, а за той – третья. Гарри впал в ступор, а Древ все говорил и говорил.

– Итак, – в конце концов произнес он, и Гарри очнулся. Только что он в полудреме явственно видел те блюда, которые мог бы сейчас есть на завтрак. – Все понятно? Есть вопросы?

– У меня вопрос, Оливер, – раздался голос Джорджа, который только что, сильно вздрогнув, проснулся. – Почему ты не рассказал нам все это вчера, когда мы не спали?

Древ насупился.

– Вот что, друзья, послушайте-ка, – заявил он, грозно сверкая глазами. – В прошлом году мы должны были выиграть кубок. Мы вообще-то лучшие. Но, к сожалению, по причинам, от нас не зависящим...

Гарри виновато заерзал. Во время прошлогоднего финала он лежал в лазарете без сознания, и «Гриффиндор», лишившись игрока, проиграл с самым разгромным счетом за последние триста лет.

От волнения Древ осекся. Воспоминания о последнем поражении, очевидно, мучили его до сих пор.

– В этом году мы будем тренироваться как звери... Все, хватит разговоров, применим теорию на практике! – выкрикнул Древ, схватил метлу и первым вышел из раздевалки. Команда последовала за ним на одеревеневших ногах, позевывая.

Они столько сидели в раздевалке, что солнце успело взойти, хотя туман, не до конца рассеявшись, клочковато висел над травой. На трибуне Гарри увидел Рона с Гермионой.

– Еще не закончили? – удивленно окликнул Рон.

– Еще и не начинали, – ответил Гарри, с завистью глядя на гренки с джемом, которые друзья прихватили из Большого зала. – Древ учил нас новым приемам.

Он оседлал метлу, оттолкнулся от земли и взмыл в небо. Холодный утренний воздух бил в лицо и бодрил получше патетических воззваний Древа. Какой же это кайф – вновь оказаться на квидишном поле! На полной скорости Гарри понесся вокруг стадиона вдогонку за близнецами.

– Что это там щелкает? – выкрикнул Фред на повороте.

Гарри бросил взгляд на трибуну. На вершине Колин безостановочно щелкал фотоаппаратом, подняв его над головой, и щелчки эхом разносились над пустым полем.

– Посмотри сюда, Гарри! Сюда! – пронзительно вопил Колин.

– Это еще кто? – поинтересовался Фред.

– Понятия не имею, – соврал Гарри, набрав скорость, чтобы оказаться как можно дальше от Колина.

– В чем дело? – нахмурился Древ, приблизившись. – Почему первоклашка снимает? Мне это не нравится. Вдруг он слизеринский шпион? Должно быть, они пронюхали, что у нас новая программа.

– Нет, он из «Гриффиндора», – поспешно сказал Гарри.

– А слизеринцам, Оливер, шпионы и не нужны, – заметил Джордж.

– Почему это? – недовольно осведомился Древ.

– Потому что они сами здесь.

На поле появилось несколько человек в зеленом, с метлами на плечах.

– Нет, вы подумайте! – вскипел Древ. – Я же зарезервировал поле на сегодня! Ну, мы с ними разберемся!

Древ стремглав полетел вниз, от возмущения приземлился гораздо тяжелее, чем хотел, и слегка споткнулся, слезая с метлы. Близнецы и Гарри последовали за ним.

– Флинт! – заорал Древ. – Сейчас не ваше время! Я специально договаривался! Уходите!

Капитан слизеринской команды Маркус Флинт сложением был еще крепче Древа. По-тролльи хитро скривившись, он ответил:

– Здесь на всех места хватит, Древ.

Подошли Ангелина, Алисия и Кэти. В команде «Слизерина» девочек не было, и слизеринские парни встали плечом к плечу и осклабились на гриффиндорцев.

– Но я же забронировал время! – настаивал Древ, в негодовании брызгая слюной. – Забронировал!

– А, ну да, – сказал Флинт. – Зато у меня особое разрешение от профессора Злея: «Настоящим я, профессор З. Злей, разрешаю команде “Слизерина” тренироваться на квидишном поле в течение сегодняшнего дня в связи с необходимостью ввести в команду нового Ловчего».

– У вас новый Ловчий? – спросил Древ, отвлекшись. – Кто?

Из-за спин шести рослых ребят вышел седьмой игрок, поменьше, с широкой ухмылкой во все острое бледное лицо. Это был Драко Малфой.

– Ты сын Люциуса Малфоя? – спросил Фред, неприязненно на него глядя.

– До чего же кстати ты вспомнил об отце Драко, – сказал Флинт, и вся слизеринская команда заулыбалась еще шире. – Посмотри, какой щедрый подарок он сделал нашей команде.

Все семеро вытянули вперед метлы. Семь великолепно отполированных, новехоньких рукояток и семь выющихся золотом надписей «Нимбус-2001» в лучах утреннего солнца ярко сверкнули перед носом у гриффиндорцев.

– Последняя модель. Выпущена месяц назад, – небрежно бросил Флинт, сдувая пылинку со своей метлы. – Насколько я знаю, во многом превосходит двухтысячную серию. Что же касается «Чистой победы», – и он противно ухмыльнулся, глядя на Фреда с Джорджем – те сжимали в руках «Чистые победы-5», – ими только двор подметать... чисто!

Никому из гриффиндорцев не пришло на ум никакого язвительного ответа. Малфой ухмылялся так, что глаза у него превратились в щелочки.

– Гляньте-ка, – сказал Флинт. – Вторжение на поле.

По траве приближались Рон и Гермиона – они решили выяснить, что происходит.

– В чем дело? – спросил Рон у Гарри. – Почему не играете? И что *он* тут делает?

Он смотрел на Малфоя в зеленой форме.

– Я – новый Ловчий «Слизерина», Уизли, – самодовольно объявил Малфой. – А все стоят и восхищаются метлами, которые мой папа подарил нашей команде.

Рон, открыв рот, уставился на ряд великолепных метел.

– Хороши, правда? – любезно проговорил Малфой. – Но, может, и «Гриффиндору» повезет, поднакопите маленько золотца. Выставьте ваши «Чистые победы-5» на аукцион – и какой-нибудь музей наверняка купит.

Слизеринцы покатались со смеху.

– По крайней мере, никому из гриффиндорцев не пришлось *покупать* право играть в команде, – заявила Гермиона. – Их взяли только за способности.

Наглая гримаса Малфоя на миг увяла.

– А твоего мнения никто не спрашивал, мугродье паршивое, – будто выплюнул он.

Гарри сразу понял, что Малфой сказал нечто ужасное: после его слов началась невообразимая катавасия. Флинту пришлось собой прикрыть Малфоя от близнецов, которые бросились с кулаками, Алисия закричала: «Да как ты смеешь!» – а Рон с криком: «А вот за это ты точно заплатишь, Малфой!» – выдернул из складок мантии волшебную палочку и из-под руки Флинта яростно ткнул Малфою в лицо.

По стадиону эхом прокатился громовой раскат, яркий зеленый залп вылетел из волшебной палочки, но, увы, не с того конца: Рона ударило в живот и навзничь отбросило на траву.

– Рон! Рон! Тебя задело? – закричала Гермиона.

Рон открыл было рот, но говорить не смог. Вместо этого он сильно икнул, и ему на грудь медленно, как струйка слюны, выползли несколько слизняков.

Команду «Слизерина» парализовало от хохота. Флинт согнулся пополам и цеплялся за метлу, чтобы не упасть. Малфой на четвереньках молотил кулаками по земле. Гриффиндорцы окружили Рона, который безостановочно изрыгал больших блестящих слизней. Все хотели ему помочь, но никто не горел желанием до него дотронуться.

– Отведем его к Огриду, это ближе всего, – сказал Гарри Гермионе. Та храбро кивнула, и они поволокли Рона под руки.

– Что случилось, Гарри? В чем дело? Он заболел? Но ты вылечишь его, правда? – Колин сбежал с трибуны и теперь в возбуждении прыгал вокруг.

Рона сотряс могучий спазм, и на грудь изверглась очередная порция слизняков.

– О-о-о-о-о! – восхитился Колин, вздергивая фотоаппарат. – Можешь его так поддержать, Гарри?

– Уйди, Колин! – рассердился тот.

Они с Гермионой повели Рона к опушке.

– Почти пришли, Рон, – приговаривала Гермиона. Уже показалась лачуга Огрида. – Сейчас тебе помогут... почти добрались...

До дома Огрида оставалось футов двадцать, и тут дверь отворилась, но на порог вышел вовсе не Огрид. Из хижины элегантно выступил Сверкароль Чаруальд, сегодня облаченный в нежнейшие розовато-лиловые тона.

– Прячемся, быстро! – прошипел Гарри, утаскивая Рона за ближайший куст. Гермиона последовала за ними – правда, неохотно.

– Это на редкость просто, если знать, что делать! – громко говорил Чаруальд. – Если понадобится помощь, Огрид, ты знаешь, где меня найти! Я подарю тебе мою книгу. Я удивлен, что у тебя до сих пор ее нет, – сегодня обязательно надпишу и пришлю. Что же, всех благ! – И он стремительно удалился.

Гарри подождал, пока он скроется из виду, вытащил Рона из-за куста, подвел к двери в хижину и громко постучал.

Огрид открыл сразу же, крайне недовольный, но, увидев, кто пришел, заметно просветлел:

– А я-то жду-пожду, когда ж они меня навестят... Заходите, заходите... Думал, профессор Чаруальд воротился...

Гарри с Гермионой перевели Рона через порог. В хижине была одна-единственная комната – огромнейшая кровать в одном углу, камин в другом. В камине весело потрескивал огонь. На Огрида история со слизняками, которую Гарри наспех поведал, усадив Рона в кресло, особого впечатления не произвела.

– Уж лучше наружу, чем внутрь, – оптимистично сказал он, подставляя Рону огромный медный таз. – Давай, Рон, не стесняйся.

– Мне кажется, тут ничего не поделаешь – надо ждать, когда пройдет, – в тревоге сказала Гермиона, наблюдая, как Рон скорчился над тазом. – Это и в лучшие-то времена очень трудное проклятие, а уж со сломанной палочкой...

Огрид деловито накрывал на стол. Огромный дог Клык на радостях облизывал Гарри с ног до головы.

– Чего от тебя хотел Чаруальд? – спросил Гарри, почесывая Клыка за ухом.

– Учил изгонять келпи из колодца, – проворчал Огрид, убирая со стола недощипанного петуха и ставя на его место чайник. – Будто я

сам не знаю. И все балаболил про свое боданье с банши. Ежели сказал хоть слово правды, я съем чайник!

Гарри уставился на него в изумлении: Огриду было совсем не свойственно критиковать преподавателей «Хогварца». Гермиона же ответила, несколько повысив голос:

– Мне кажется, ты несправедлив. Профессор Думбльдор посчитал, что Чаруальд – лучший претендент на эту должность...

– Скажи лучше, единственный, – ответил Огрид, протягивая ей и Гарри тарелку паточных помадок. Рон спазматически кашлял над тазом. – Единственный, и все тут. Попробуй найди кого – никто с силами зла дела иметь не хочет. Работенка-то гиблая. Стали уж думать, сама должность заколдована. И правда – разве ж кто поболее года продержался? То-то. Лучше расскажите, кого это он хотел проклясть? – спросил Огрид, кивая на Рона.

– Малфой обозвал Гермиону... я так понял, очень нехорошо, все аж взбесились.

– Еще как нехорошо, – прохрипел Рон, и его бледное вспотевшее лицо появилось над столом. – Малфой обозвал ее мугродем, Огрид...

Рон снова нырнул под стол – пошла очередная волна слизняков. Огрид разъярился.

– Дрянной паршивец! – зарычал он, глядя на Гермиону.

– Паршивец, – согласилась она. – Но я не знаю, что это значит. Я, конечно, поняла, что это грубое оскорбление...

– Оскорбительнее не придумаешь, – выдавил Рон, снова появляясь на поверхности. – Мугроде – это очень грубое название для тех, у кого родители муглы – ну, с неколдовской кровью. Есть колдуны – вот Малфоева семейка, например, – которые числят себя выше других, потому что у них, что называется, чистая кровь. – Рон слабо икнул и отхаркнул на ладонь маленького слизнячка. Выбросил его в таз и продолжил: – В смысле, все остальные понимают, что не важно, какая там у кого кровь. Ты на Невилла Лонгботтома посмотри – происхождение колдовское дальше некуда, а он котел норовит вверх дном поставить.

– И не изобрели еще такого заклинания, которое не по силам нашей Гермионе, – гордо добавил Огрид.

Щеки у девочки сделались цвета фуксии.

– Это слово – отвратительное, – сказал Рон, трясущейся рукой вытирая пот со лба. – Мугловый род, видите ли. Плебеи. Смешно! И вообще, в наше время большинство колдунов – полукровки. Мы бы вымерли, если б не вступали в браки с муглами.

Его снова затошнило, и он исчез под столом.

– Ну, я тебя не виню – я б и сам на него наслал чего похуже, – Огрид заговорил громче, чтоб слышно было за стуком слизняков по стенкам таза. – Но, может, и хорошо, что палочка твоя забастовала. Ты сам покумекай, чего бы случилось с Люциусом Малфоем, если б на сыночка наложили проклятие. Хотя б никакой беды тебе не будет.

Гарри хотел сказать, что когда из тебя валятся слизняки – это беда похуже многих, но не смог: помадка склеила ему челюсти.

– Гарри, – сказал Огрид, будто забыл о чем-то и вдруг вспомнил, – а я ж на тебя в обиде! Говорят, ты автографы раздаешь, а про меня-то забыл...

От злости Гарри удалось разлепить зубы.

– Не раздавал я никаких автографов! – разгорячился он. – Если Чаруальд опять...

И увидел, что Огрид смеется.

– Да пошутил я, – проговорил тот и добродушно хлопнул Гарри по спине, отчего мальчик тюкнулся носом в стол. – Сам знаю, что не раздавал. Так и сказал Чаруальду – дескать, тебе не нужно. Ты ж поизвестней его будешь, и без всякой там суетни.

– Наверняка ему не понравилось, – сказал Гарри, потирая подбородок.

– Яс'дело, – подмигнул Огрид. – Я ему еще выдал: не читал, мол, твоих книжонок, так он сразу уходить засобирался... Помадку? – предложил он вновь появившемуся Рону.

– Нет, спасибо, – слабым голосом поблагодарил тот. – Лучше не рисковать.

– Пошли покажу, чего я вырастил, – сказал Огрид, когда Гарри с Гермионой допили чай.

В огорожке за домом росло с дюжину огромнейших тыкв, Гарри в жизни таких не видел: каждая размером с огромный валун.

– Хороши ребятки, правда? – радостно похвалился Огрид. – Это на Хэллоуин... к тому времени станут что надо.

– Чем же ты их подкармливаешь, Огрид? – поинтересовался Гарри.

Огрид оглянулся, нет ли кого поблизости.

– Ну, я того... понимаешь... помог им слегонца...

Краем глаза Гарри заметил цветастый розовый зонтик Огрида у задней стены хижины. У Гарри и раньше были основания думать, что зонтик этот отнюдь не прост и внутри, скорее всего, прячется старая волшебная палочка Огрида. Вообще-то Огриду не полагалось колдовать. Его исключили из «Хогварца» в третьем классе, но Гарри понятия не имел, за что: стоило об этом заговорить, как Огрид закашливался и непостижимым образом становился туг на ухо.

– Дутое заклятие? – предположила Гермиона не то с осуждением, не то с восторгом. – Да, результат впечатляет.

– То же сказала твоя сеструха, – сказал Огрид, кивнув Рону. – Вчера заходила. – Огрид искоса поглядел на Гарри и дернул бородой. – Окрестности, говорит, исследую. А мне вот сдается, она хотела койкого у меня встретить. – Он подмигнул Гарри: – Вот уж кто бы не отказался от автогр...

– Отстаньте от меня! – рассвирепел Гарри.

Рон заржал, и землю вокруг усеяли слизни.

– Осторожней тут! – заорал Огрид, оттаскивая Рона от своих драгоценных тыкв.

Подошло время обедать, и Гарри, у которого с рассвета ничего, кроме паточной помадки, во рту не было, рвался в замок. Они попрощались с Огридом и ушли. Рон периодически икал, но произвел на свет всего двух крохотных слизняков.

Едва они вступили в прохладный вестибюль, в ушах у них зазвенел голос:

– Вот вы где, Поттер – Уизли. – К ним с пресуровым видом направлялась профессор Макгонаглл. – Сегодня вечером вы отбываете наказание.

– А что надо делать, профессор? – спросил Рон, испуганно подавляя отрыжку.

– *Вы*, Уизли, будете полировать серебро в трофейной вместе с мистером Филчем, – ответила профессор Макгонаглл. – И без магии – руками.

Рон чуть не подавился. Смотрителя Аргуса Филча ненавидели все без исключения.

– А вы, Поттер, поможете профессору Чаруальду отвечать на письма поклонников, – добавила профессор Макгонаголл.

– Какой кош... Профессор, а можно мне тоже в трофейную? – отчаянно взмолился Гарри.

– Разумеется, нет, – отрезала профессор Макгонаголл, поднимая брови. – Профессор Чаруальд специально попросил, чтобы пришли именно вы. В восемь ровно, не забудьте.

Гарри с Роном в глубокой тоске побрели в Большой зал, а Гермиона шла позади, и на лице у нее было написано: «А чего вы ждали, вы же нарушили правила». Гарри так расстроился, что даже пастуший пирог не показался ему такой вкуснятиной, как обычно. И что он, что Рон, оба считали именно свое наказание самым непереносимым.

– Филч меня до утра продержит, – обреченно сказал Рон. – Без магии! А в трофейной кубков штук сто, не меньше! Я не умею чистить по-мугловому!

– Я бы с тобой поменялся, – опустошенно произнес Гарри, – у меня после Дурслеев большой опыт. А вот отвечать поклонницам Чаруальда... жуть...

Остаток субботнего дня испарился неизвестно куда – оглянуться не успели, как уже было без пяти восемь, и Гарри волочил ноги по коридору второго этажа к кабинету Чаруальда. Гарри стиснул зубы и постучал.

Дверь мгновенно распахнулась. С порога сиял зубами Чаруальд.

– Вот и наш проказник! – поприветствовал он мальчика. – Входи, Гарри, входи...

В свете множества свечей на стенах блистали бесчисленные фотографии Чаруальда. Кое-какие он даже надписал. На столе тоже лежала высокая стопка снимков.

– Ты можешь надписывать конверты! – сказал Чаруальд таким тоном, будто предлагал Гарри вкуснейшее лакомство. – Прежде всего – Глэдис Прэстофиль, благослови ее небеса... горячая моя поклонница...

Минуты тянулись невыносимо. Гарри, не вслушиваясь в бесконечную болтовню Чаруальда, периодически изрекал «ну да», «mmm» и «угу». Но то и дело до его сознания все-таки доходили фразы

типа «Слава – ветреная подруга, мой мальчик» и «Знаменитость судят не по словам, а по делам, запомни это, мой юный друг».

Свечи таяли, их свет танцевал на движущихся лицах Чаруальда, которые наблюдали за Гарри со стен. Мальчик водил ноющей рукой по тысячному, не меньше, конверту и старательно выписывал адрес Вероники Смешли. *Наверное, уже скоро можно уходить*, в отчаянии думал Гарри, *пожалуйста, пусть уже можно будет уходить...*

И тут он услышал нечто – отнюдь не шипение догорающих свечей и не трескотню профессора.

Голос – и от него кровь стыла в жилах; голос всепоглощающей, ледяной злобы.

– *Приди... приди... хочу растерзать... разорвать... убить...*

Гарри подскочил, и улица, где проживала Вероника Смешли, оказалась погребена под большой лиловой кляксой.

– *Что?! –* выкрикнул Гарри.

– Вот-вот! – поддержал Чаруальд. – Целых полгода на первом месте в списке бестселлеров! Побил все рекорды!

– Да нет, – отмахнулся Гарри. – Что это за голос?

– Какой еще голос? – не понял Чаруальд.

– Который... который сказал... вы не слышали?

Чаруальд посмотрел на Гарри с величайшим изумлением:

– О чем ты? Ты, видимо, задремал. Ах, батюшки, вот те на! Посмотри, сколько времени! Мы тут уже четыре часа! Ни за что бы не подумал – как время пролетело!

Гарри не ответил. Он напрягал слух, стараясь вновь уловить голос, но теперь в кабинете раздавались только речи Чаруальда. Тот говорил, что Гарри не может всякий раз ожидать таких подарков вместо наказания. Гарри, почти ничего не соображая, ушел.

Было так поздно, что гриффиндорская общая гостиная почти опустела. Гарри отправился в спальню. Рон еще не вернулся. Гарри надел пижаму, лег в постель и стал ждать. Через полчаса появился Рон, а вместе с ним – сильный запах полироли. Рон прижимал к груди правую руку.

– Все мышцы сводит, – пожаловался он, падая на постель. – Четырнадцать раз квидишный кубок перечисшал! А потом меня опять вырвало слизняками прямо на Приз за служение идеалам «Хогварца». Сто лет слизь оттирал... А как Чаруальд?

Понизив голос, чтобы не разбудить Невилла, Дина и Шеймаса, Гарри рассказал Рону о том, что услышал.

– А Чаруальд сказал, что ничего не слышит? – переспросил Рон. В лунном свете видно было, как он нахмурился. – Думаешь, врет? Только я не понимаю – даже кто-нибудь невидимый все равно должен был открыть дверь.

– Это да, – согласился Гарри, откидываясь на подушки и вперившись в полог над головой. – Я и сам не понимаю.

Глава восьмая

Смертенины

Октябрь принес с собой промозглую сырость. И на улице, и в замке похолодало. На фельдшерицу мадам Помфри свалилась куча работы, поскольку среди учащихся да и среди учителей прокатилась настоящая эпидемия простуды. Средство, которым мадам Помфри потчевала больных, – «Вскипидрин» – действовало моментально, но несколько часов у пациента из ушей шел дым. Джинни Уизли последнее время выглядела бледной, и Перси почти что силой заставил ее принять лекарство. Надо было видеть, как дым валил из-под ее огненно-рыжих волос – казалось, в голове у нее пожар.

Крупнокалиберные капли дождя лупили в окна днями и ночами; вода в озере поднялась, клумбы размыло, а Огридовы тыквы размерами уже напоминали сараи. Но решимость Оливера Древа во что бы то ни стало тренироваться нисколько не раскисала, и потому как-то раз ненастным субботним вечером, за несколько дней до Хэллоуина, Гарри возвращался в гриффиндорскую башню промокший до нитки и весь в грязи.

Тренировка, даже если забыть про ливень и ураганный ветер, выдалась так себе. Фред с Джорджем, успевшие пошпионить за слизеринцами, своими глазами видели, какую невероятную скорость развивает «Нимбус-2001». По донесению близнецов, команда «Слизерина» носилась так стремительно, что невозможно было толком разглядеть, какого цвета у них форма.

Шлепая по пустому коридору, Гарри наткнулся на существо, тоже полностью погруженное в собственные мысли. На редкость угрюмый Почти Безголовый Ник, призрак гриффиндорской башни, неподвижно глядел в окно и бормотал: «...Не отвечаю требованиям... полдюйма, скажите, пожалуйста...»

– Привет, Ник.

– Привет, привет, – сказал Почти Безголовый Ник, оборачиваясь и рассеянно вертя головой. Из-под сногшибательной шляпы с перьями

вились длинные локоны, а слоеный воротник туники скрывал изуродованную шею. Сквозь дымчато-бледного Ника Гарри видел грозное небо и мощные струи дождя. – Ты чем-то озабочен, юный Поттер, – пронизательно заметил Ник, сворачивая прозрачное письмо и пряча его во внутренний карман камзола.

– Ты тоже, – откликнулся Гарри.

– Ах, – элегантно отмахнулся Почти Безголовый Ник, – пустяки... Я и не собирался туда вступать... Думал подать заявление, но, как выясняется, «не отвечаю требованиям»...

Тон небрежный, но в глазах – горькое разочарование.

– Но ведь ты согласишься, правда, – внезапно взорвался он, снова выхватывая письмо из кармана, – что сорок пять ударов тупым топором по шее дают человеку право вступить в Безголовую Братию?

– Э-э-эм... да, – согласился Гарри: было очевидно, что от него ожидают подтверждения.

– Я хочу сказать, в чьих, как не в моих, интересах в первую-то очередь, чтобы в свое время все было сделано чисто и гладко и голова отлетела как положено? Это избавило бы меня от мучений в прошлом и от крайне несуразного нынешнего положения. Тем не менее...

Почти Безголовый Ник встряхнул письмом и возмущенно прочитал:

В наше общество допускаются только джентльмены, лишённые головы полностью. Вы согласитесь, что в противном случае затруднительно принимать участие в таких играх, как верховое жонглирование головами или головное поло. Таким образом, мы с величайшим сожалением вынуждены сообщить, что вы не отвечаете нашим требованиям.

С наилучшими пожеланиями,
сэр Патрик Делано-Подмор

Почти Безголовый Ник, негодуя, запихал письмо обратно в карман.

– Полдюйма жил и кожи – вот на чем держится моя шея, Гарри! Большинство людей сочли бы меня достаточно безголовым, но нет, сэру Как-надо-сделано-Подмору этого мало. – Почти Безголовый Ник несколько раз судорожно вдохнул и спросил гораздо спокойнее: – Ну а что с тобой, Гарри? Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет, – ответил Гарри. – Если только у тебя случайно не завалялось семь никому не нужных «Нимбусов-2001» для матча со слизе...

Остальные слова заглушило пронзительное мяуканье. Гарри опустил глаза, и его буквально ослепили два огромных желтых глаза-фонаря. Перед ним стояла миссис Норрис, невероятно тощая серая кошка, полномочный представитель смотрителя Аргуса Филча в его бесконечной войне с учениками школы.

– Лучше бы тебе отсюда убратся, – забеспокоился Ник. – Филч не в духе – у него грипп, а какие-то третьеклассники случайно забрызгали лягушачьими мозгами потолок в пятом подземелье. Он все утро отчищал и если увидит, как с тебя капает грязь...

– Это точно, – согласился Гарри и попятился от пристального взора миссис Норрис, но удрать не успел.

Филч, загадочными узами связанный со своей противной кошкой, внезапно вырвался из-за гобелена справа от Гарри. Смотритель отдувался, хрипел и отчаянно озирался: где нарушитель? Голова его была повязана клетчатым шарфом; нос необычайно побагровел.

– Грязь! – заорал он, тряся брылами, и выкатил глаза, тыча пальцем в глинистую лужу, которая натекла с квидишной формы Гарри. – Кругом грязь и пакость! С меня хватит, скажу я вам! Следуй за мной, Поттер!

Гарри обреченно помахал Почти Безголовому Нику и поплелся за Филчем вниз, откуда пришел, отчего грязных следов на полу стало вдвое больше.

Гарри еще не бывал у Филча; его кабинета все старались избегать. Мрачная комната без окон освещалась одной-единственной керосиновой лампой под потолком. Вдоль стен стояли высокие деревянные картотечные шкафы; судя по надписям, в них хранились досье на всех когда-либо наказанных учеников. Фреду с Джорджем Филч отвел отдельный ящик. Коллекция до блеска отполированных цепей и наручников висела на стене за письменным столом. Было общеизвестно, что Филч неоднократно выпрашивал у Думбльдора разрешение подвешивать провинившихся к потолку за ноги.

Филч выхватил перо из чернильницы и начал рыться в столе, отыскивая чистый пергамент.

– Навоз, – яростно бубнил он, – шкворчливые драконьи сопли... лягушачьи мозги... крысиные кишки... с меня довольно... пора им показать... где ж там бланк... ага...

Он достал большой пергаментный свиток, развернул перед собой и окунул длинное черное перо в чернильницу.

– *Имя... Гарри Поттер. Преступление...*

– Подумаешь, грязью накапал! – сказал Гарри.

– Это для тебя «подумаешь, грязью накапал», а для меня – лишний час тяжелой работы! – разъярился Филч. На кончике распухшего носа противно затряслась капля. – *Преступление... осквернение замка... предполагаемое наказание...*

Промокая нос, Филч неприятно прищурился; под его взглядом Гарри, затаив дыхание, ждал приговора.

Но как только Филч опустил перо, с потолка раздалось оглушительное «хрясь!», и керосиновая лампа заходила ходуном.

– ДРЮЗГ! – взревел Филч, в гневе отшвырнув перо. – Ну, я до тебя доберусь, попомнишь ты у меня!

И, позабыв про Гарри, Филч ринулся из кабинета, слоноподобно топоча, а миссис Норрис заскользила следом.

Дрюзг, летающий школьный полтергейст, злой насмешник, одержимо сеял повсюду хаос и разрушение. Гарри не очень-то любил Дрюзга, но сейчас не мог не поблагодарить его за своевременное появление. Оставалось надеяться, что проделка Дрюзга (а судя по звуку, он сломал что-то крупногабаритное) отвлечет Филча от Гарри.

Решив, что, наверное, нужно дождаться возвращения Филча, Гарри опустил в побитое молью кресло у стола. На столе, кроме полузаполненного бланка, лежал только большой, глянцевого, пурпурного цвета конверт с серебристой надписью. Быстро оглянувшись на дверь – убедиться, что Филч еще не вернулся, – Гарри взял конверт и прочел:

БЫСТРОЧАРЫ

МАГИЯ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ. ВВОДНЫЙ КУРС

Заинтригованный, Гарри открыл конверт и вытащил пергамент. Витиеватые серебряные строчки гласили:

Вам неуютно в мире современной магии? Ищете любые предлоги, лишь бы не пользоваться элементарными заклинаниями? По мнению окружающих, то, что вы делаете волшебной палочкой, – топорная работа?

Для ваших бед есть ответ!

«Быстрочары» – новый, беспроегрешный, результативный, простой в изучении курс! Сотни и тысячи колдунов и ведьм нашли в нем свое спасение!

Мадам З. Дослез из Топшема пишет:

«У меня ужасная память, я не могу запомнить ни одной магической формулы, от любого моего зелья близкие хохотали до колик. Сейчас, пройдя курс “Быстрочар”, я стала центром всеобщего внимания, и друзья выпытывают секрет моего “Блистательного Преображения”!»

Ведун Д. Джей Прокол признается:

«Жена только нос воротила от моих чар, но я начал обучение по вашему замечательному курсу, и спустя всего месяц мне удалось ее саму превратить в чайник! Спасибо, “Быстрочары”!»

Оживившись, Гарри пролистал остальное. Спрашивается, зачем Филчу курс «Быстрочар»? Он что, не настоящий колдун? Гарри как раз читал «Урок первый: как держать палочку (полезные советы)», когда шарканье ног за дверью возвестило о том, что Филч возвращается. Гарри торопливо затолкал листы пергамента в конверт и бросил его на стол. Дверь отворилась.

В кабинет победоносно вступил Филч.

– Это очень ценный шкаф-исчезант! – ликующе говорил он миссис Норрис. – На сей раз Дрюзгу не отвертеться, моя доро...

Тут его взгляд упал на Гарри и метнулся к конверту с «Быстрочарами», который – спохватился мальчик слишком поздно – сдвинулся по столу фута на два.

Бледная физиономия Филча стала кирпично-красной. Гарри сжался, предчувствуя волну ярости, которая сейчас обрушится. Филч бросился к столу, схватил конверт и швырнул его в ящик.

– Ты... прочел?.. – выдавил он.

– Нет, – поспешно соврал Гарри.

Шишковатые пальцы Филча нервно переплелись.

– Если ты посмел прочесть мою личную переписку – правда, это не мое – это для друга – не важно – все равно...

Гарри воззрился на него в тревоге; Филч никогда еще так не нервничал. Глаза лезли из орбит, на обвислой щеке дергался нерв, и клетчатый шарф сейчас выглядел особенно нелепо.

– Прекрасно – иди – никому ни слова – не то чтобы – не важно, ты не читал – иди, мне надо составить рапорт на Дрюзга – иди!

Не веря своему счастью, Гарри вылетел из кабинета и побежал по коридору, а затем вверх по лестнице. Отделаться от Филча, не получив наказания, – это, пожалуй, какой-то школьный рекорд.

– Гарри! Гарри! Помогло?

Из стены выскользнул Почти Безголовый Ник. Сквозь него Гарри увидел обломки большого черного с золотом шкафа, который, судя по всему, упал с очень большой высоты.

– Я уговорил Дрюзга сбросить его у кабинета, – вдохновенно поведал Ник, – чтобы отвлечь Филча...

– Так это ты? – благодарно удивился Гарри. – Еще как помогло, меня даже не наказали! Спасибо, Ник!

Они вместе пошли по коридору. Почти Безголовый Ник, заметил Гарри, все вертел в руках отказ сэра Патрика.

– Жаль, что я ничем не могу помочь с этой твоей Безголовой Братией, – посочувствовал Гарри.

Почти Безголовый Ник встал как вкопанный, и Гарри по инерции прошел сквозь него. А зря – он как будто попал под ледяной душ.

– А ведь ты можешь кое-что сделать! – воскликнул Ник. – Гарри, не соблаговолишь ли ты... но нет, ты не захочешь...

– Что?

– Видишь ли, в Хэллоуин я справляю пятисотые смертенины, – приосанился Почти Безголовый Ник.

– А, – сказал Гарри, не зная, нужно ли радоваться или соболезновать. – Ясно.

– Я даю званый ужин в одном из подземелий попросторнее. Приедут мои друзья со всей страны. Для меня была бы такая *честь*, если бы и ты пришел. Разумеется, я буду также счастлив видеть мистера Уизли и мисс Грейнджер – но, полагаю, вы предпочтете школьный пир? – И он застыл в тревожном ожидании.

– Ну что ты, – быстро ответил Гарри, – я приду...

– Мой дорогой мальчик! Гарри Поттер на моих смертенинах! А еще, – он в волнении замялся, – как думаешь, не мог бы ты *невзначай* заметить в разговоре с сэром Патриком, что находишь меня *невероятно* страшным и зловещим?

– Ко... конечно, – пролепетал Гарри.

Почти Безголовый Ник просиял.

– Смертенины? – живо переспросила Гермиона, когда Гарри, наконец-то переодевшись, вышел к ней и Рону в общую гостиную. – Вряд ли кто-то из живых бывал на таком празднике – вот здорово!

– Кому нужно праздновать день собственной смерти? – заворчал Рон. Он делал домашнее задание по зельеделию и пребывал в дурном расположении духа. – Смертельно угнетает, по-моему...

Ливень хлестал в окна, снаружи темнота чернильно сгустилась, но в гостиной было светло и уютно. Пламя в камине отбрасывало веселые блики на пухлые кресла, в которых гриффиндорцы читали, болтали, делали уроки, а Фред с Джорджем скармливали филибустеровскую петарду саламандре. Фред «спас» сверкающую оранжевую огнежителицу с занятий по уходу за магическими существами, и теперь она тихо тлела на столике на радость кучке любопытных.

Гарри собирался уже рассказать Рону с Гермионой про Филча и «Быстрочары», как вдруг саламандра взвилась в воздух и бешено завертелась по комнате, бурно искрясь и взрываясь. Перси, до хрипоты оравший на братьев, великолепный фонтан звезд мандаринового цвета, бывший изо рта у саламандры, а также ее побег в камин, сопровождавшийся громкими взрывами, начисто вытеснили скучного Филча с его конвертами у Гарри из головы.

К Хэллоуину Гарри успел пожать о своем поспешном обещании присутствовать на смертенинах. Все остальные предвкушали праздничный пир; Большой зал, как всегда, украсили живыми летучими мышами, из гигантских Огридовых тыкв вырезали фонари, в которых поместилось бы по трое взрослых мужчин, и еще прошел слух, что Думбльдор пригласил на вечер труппу танцующих скелетов.

– Обещание есть обещание, – нравоучительно изрекла Гермиона. – А ты *обещал* пойти на смертенины.

Поэтому в семь часов Гарри, Рон и Гермиона решительно миновали двери в битком набитый Большой зал, заманчиво

мерцавший золотом блюд и серебром свечей, и направили стопы в подземелье.

Коридор тоже освещали свечи, но веселья не добавляли: длинные, тонкие, угольно-черные, они горели ярко-синим огнем и бросали призрачный, потусторонний отблеск даже на вполне живые лица. С каждым шагом холодало. Гарри поежился и плотнее укутался в мантию. И тут послышался скрежет – словно тысяча ногтей скребли по огромной школьной доске.

– Это что, *музыка*? – прошептал Рон.

Они завернули за угол и увидели Почти Безголового Ника. Он стоял в дверях, задрапированных черным бархатом.

– Мои дорогие друзья, – приветствовал он ребят заупокойным голосом, – добро пожаловать... так рад, что вы смогли прийти...

Призрак сорвал шляпу с перьями и, глубоко поклонившись, пригласил их пройти.

Внутри им открылось незабываемое зрелище. В подземелье толпились жемчужно-белые прозрачные люди. Большинство скользило над танцевальной площадкой, вальсируя под жуткие завывания тридцати музыкальных пил. Оркестр сидел на возвышении, тоже задрапированном черной тканью. Не менее тысячи черных свечей в огромном канделябре под потолком озаряли зал полумночным светом. Дыхание превращалось в пар; они как будто пришли в морозилку.

– Пойдем осмотримся? – предложил Гарри – ему хотелось разогреть ноги.

– Осторожно, а то еще пройдешь сквозь кого, – беспокойно сказал Рон.

Они пошли по краю танцплощадки. Им встретила группа мрачных монахинь, человек в лохмотьях и цепях и Жирный Монах – веселый хуффльпупфский призрак оживленно беседовал с рыцарем, у которого изо лба торчала стрела. Гарри не удивился, заметив, что Кровавого Барона, угрюмое слизеринское привидение, испятнанное серебристой кровью, сторонятся все остальные гости.

– Ой нет, – охнула Гермiona, резко останавливаясь. – Назад, назад, я не хочу встречаться с Меланхольной Миртл...

– С кем? – спросил Гарри, когда они поспешно удалились.

– Она является из унитаза в уборной для девочек на втором этаже, – объяснила Гермiona.

– Является *из унитаза*?

– Да. Туалет уже с год не работает, потому что у нее вечно истерика и она устраивает потопы. Я вообще туда не хожу, только в крайнем случае, – это же невозможно, когда у тебя над ухом кто-то завывает...

– Смотрите, еда! – сказал Рон.

Вдоль дальней стены стоял длинный стол, тоже покрытый черным бархатом. Ребята устремились было туда, но спустя миг в ужасе отшатнулись. Воняло отвратительно. На серебряных блюдах лежала тухлая рыба; на подносах высились пирамиды горелых пирогов; рядом с огромным червивым хаггисом лежал шмат сыра, покрытый мохнатой зеленой плесенью, а в центре возвышался невероятный серый торт в форме могильного камня, на котором черной глазурью, похожей на деготь, было выведено:

Сэр Николас де Мимси-Порпингтон

Скончался 31 октября 1492 года

Гарри с изумлением смотрел, как дородный призрак приблизился к столу, присел пониже и, широко открыв рот, на согнутых ногах прошел насквозь блюдо с вонючим лососем.

– Вы так чувствуете вкус? – спросил Гарри.

– Почти, – печально ответило привидение и отлетело прочь.

– Им, наверное, больше нравится тухлое, потому что запах и вкус сильнее, – рассудила Гермiona, зажимая нос и наклоняясь, чтобы рассмотреть гнилой хаггис.

– Может, отойдем? А то меня тошнит, – попросил Рон.

Однако они и отвернуться не успели – из-под стола стремительно вылетел маленький человечек и завис в воздухе прямо перед ними.

– Здравствуй, Дрюзг, – опасно сказал Гарри.

В отличие от привидений полтергейст Дрюзг отнюдь не был прозрачным и бледным. В косо нахлобученной ярко-оранжевой бумажной шляпе и вертящемся галстуке-бабочке, со зловещей ухмылкой на злобной физиономии, Дрюзг на общем фоне выделялся ярким пятном.

– Поклюем? – сладким голосом предложил он, протягивая им блюдо арахиса, подернутого плесенью.

– Нет, спасибо, – отказалась Гермиона.

– Слышал, что вы говорили о бедной Миртл, – сказал Дрюзг, и в его глазах затанцевал хитрый огонек. – Какие вы жестокие! – Он вдохнул поглубже и заорал: – ЭЙ! МИРТЛ!

– Не надо, Дрюзг, не говори ей, что я сказала, она расстроится, – отчаянно зашептала Гермиона. – Я ничего такого не имела в виду, я не против... ой, здравствуй, Миртл.

К ним подплыло привидение коренастой девицы. У нее было угрюмейшее лицо, какое только Гарри видел в жизни, наполовину скрытое под вислыми волосами и толстыми жемчужными очками.

– Что? – угрюмо буркнула она.

– Как поживаешь, Миртл? – спросила Гермиона фальшиво-бодрым голосом. – Приятно встретиться с тобой не в туалете.

Миртл хлюпнула носом.

– А мисс Грейнджер только что говорила о тебе, – лукаво шепнул Дрюзг на ухо Миртл.

– Я только... я только... сказала, что ты сегодня отлично выглядишь, – объяснила Гермиона, яростно сверля Дрюзга глазами.

Миртл подозрительно уставилась на Гермиону.

– Вы надо мной смеетесь, – сказала она, и в ее маленьких прозрачных глазках набухли слезы.

– Нет, честно, разве я не говорила только что, как прекрасно выглядит сегодня Миртл? – пролепетала Гермиона, с силой ткнув Рона и Гарри под ребра.

– Ну да...

– Еще бы...

– Не врите, – прошептала Миртл. Слезы уже всюду струились по ее лицу, а Дрюзг радостно хихикал у нее за спиной. – Думаете, я не знаю, как меня обзывают за глаза? Жирная Миртл! Уродина Миртл! Мрачная, малахольная, мерзотная морда Миртл!

– Ты еще забыла «прыщавая», – вкрадчиво напомнил Дрюзг.

Меланхоличная Миртл отчаянно разрыдалась и полетела прочь из подземелья. Дрюзг ринулся следом, пуляя ей в спину мохнатыми орехами и вопя: «Прыщавая! Прыщавая!»

– О ужас, – грустно сказала Гермиона.

Почти Безголовый Ник подплыл к ним сквозь толпу:

– Веселитесь?

– Еще как, – соврали они.

– Все получилось не так уж плохо, – с гордостью сказал Почти Безголовый Ник. – Вареная Вдова прибыла из самого Кента, представляете? Ну что, пора произнести речь, пойду предупрежу оркестр...

Тут оркестр, однако, сам прекратил играть. Ребята, как и все прочие гости, замолчали и с любопытством заозирались: где-то громко затрубил охотничий рожок.

– Здравсьте пожалуйста, – с горечью прошептал Почти Безголовый Ник.

Прямо сквозь стену в подземелье ворвалась дюжина коней-призраков. На них гордо восседали всадники без головы. Собравшиеся бешено зааплодировали; Гарри тоже захлопал, но быстро прекратил, заметив, какое лицо сделалось у Ника.

Лошади галопом ворвались на танцевальную площадку, взвились на дыбы и застыли. Кавалькаду возглавлял могучий призрак, который держал под мышкой свою бородатую голову. Голова трубила в рожок. Призрак соскочил с коня, поднял голову повыше, чтобы та осмотрелась (все засмеялись), и уверенно направился к Почти Безголовому Нику, на ходу нахлобучивая голову на шею.

– Ник! – зарокотал он. – Как жизнь? Башка еще не отпала?

Загоготав, он хлопнул Почти Безголового Ника по плечу.

– Добро пожаловать, Патрик, – процедил Ник.

– Живяки! – вскричал сэр Патрик, тыча пальцем в Гарри, Рона и Гермиону и высоко подпрыгивая в притворном испуге, так, что голова опять свалилась с плеч (толпа снова покатила со смеху).

– Очень смешно, – мрачно сказал Почти Безголовый Ник.

– Не обращайтесь внимания на Ника! – закричала с пола голова сэра Патрика. – Он обижается, что его не пускают в Братию! Но – поймите правильно – вы сами на него посмотрите...

– Мне кажется, – поспешно вставил Гарри, поймав многозначительный взгляд Ника, – Ник очень... страшный и... ммм...

– Ха! – взвизгнула голова сэра Патрика. – Спорим, он тебя попросил это сказать!

– Господа, прошу внимания, пришло время произнести речь, – громко объявил Почти Безголовый Ник, взобрался на подиум и встал под ледяной свет синего прожектора.

– Уважаемые покойные! Дамы и господа! С глубоким прискорбием...

После этого никто уже не слушал. Сэр Патрик со товарищи затеяли играть в башковитый боулинг, и все стали смотреть. Почти Безголовый Ник безуспешно пытался привлечь внимание аудитории, но принужден был махнуть на эту затею рукой, когда под восторженные вопли собравшихся мимо его уха просвистела голова сэра Патрика.

Гарри страшно замерз, не говоря уж о том, что давно проголодался.

– Я больше не могу, – клацая зубами, пробормотал Рон, когда оркестр снова взвыл и привидения вернулись на танцплощадку.

– Пошли отсюда, – согласился Гарри.

Они попятились к двери, кивая и улыбаясь всякому, кто их замечал, и минутой спустя уже быстро шагали по коридору с черными свечами.

– Может, пудинг еще не весь съели, – с надеждой проговорил Рон, первым поднимаясь в вестибюль.

И тут Гарри услышал:

– ...вонзиться... *разорвать... убить...*

Тот же самый голос, холодный и смертоносный, что раздавался в кабинете Чаруальда.

Гарри споткнулся и замер, цепляясь за стену, отчаянно вслушиваясь и шурясь, озирая скудно освещенную лестницу.

– Гарри, что ты?..

– Опять этот голос – помолчите...

– ...проголодался... *так давно...*

– Слушайте! – властно сказал Гарри, и Рон с Гермионой застыли, глядя на него.

– ...убить... *пора убить...*

Голос слабел. Гарри слышал, как звук удаляется – уходит выше. Страх пополам с возбуждением охватили его. Он смотрел на темный потолок: как это голос поднимается? Может, это голос фантома и потолок для него – не преграда?

– Сюда! – закричал он и побежал вверх по лестнице в вестибюль. Здесь не стоило и надеяться что-нибудь услышать: из Большого зала

доносился гомон праздника. Гарри стремглав домчался по мраморным ступеням до первого этажа, Рон с Гермионой топотали сзади.

– Гарри, куда мы...

– Ш-Ш-Ш!

Гарри напряг слух. Далеко-далеко, сверху, с каждой секундой все тише, доносилось:

– ...чую кровь... *ЧУЮ КРОВЬ!*

В животе екнуло.

– Он хочет кого-то убить! – закричал Гарри и, не обращая внимания на ошарашенных друзей, снова побежал вверх, прыгая через три ступени, стараясь что-нибудь расслышать сквозь собственный топот...

Он пронесся по всему второму этажу. Рон с Гермионой, задыхаясь, бежали следом. Наконец они свернули в последний пустынный коридор и остановились.

– Гарри, объясни, в конце концов, что за дела? – спросил Рон, вытирая лицо рукавом. – Я ничего не слышу...

Но Гермиона охнула и показала:

– Смотрите!

На стене дальше по коридору что-то мерцало. Ребята осторожно приблизились, вглядываясь в темноту. В проеме между окнами буквами вышиной в фут была намалевана надпись, тускло поблескивавшая в свете горящих факелов:

ТАЙНАЯ КОМНАТА ОТКРЫТА.

ВРАГИ НАСЛЕДНИКА, БЕРЕГИТЕСЬ!

– А что это там... висит? – спросил Рон слегка дрожащим голосом.

Когда они медленно приблизились, Гарри едва не упал, поскользнувшись в луже; Рон с Гермионой подхватили его, и вместе они медленно, дюйм за дюймом, придвинулись к надписи, не отрывая глаз от непонятной черной тени под нею. Все трое одновременно поняли, что это такое, и с громким всплеском дружно отпрянули.

Миссис Норрис, кошка смотрителя, была подвешена за хвост к факельной подставке. Тело одеревенело, широко открытые глаза уставились в никуда.

Несколько секунд никто не мог пошевелиться. Потом Рон сказал:

– Надо сматываться.

– Наверное, надо помочь... – неловко начал Гарри.

– Поверь мне, – отрезал Рон, – нам же хуже, если нас здесь застанут.

Но было поздно. Далекий грохот, словно раскат грома, возвестил об окончании праздника. Со всех сторон затоптали сотни ног, взбирающихся по лестницам, послышался громкий счастливый гомон сытых людей, и через мгновение вокруг было полно школьников.

Болтовня, смех, шум оборвались внезапно – все заметили висящую кошку. Гарри, Рон и Гермиона стояли посреди коридора в кольце пустоты. Ученики напирали сзади, желая посмотреть, что случилось.

Внезапно кто-то заорал в тишине:

– Враги Наследника, берегитесь! Мугродье – очередь за вами!

Драко Малфой. Он протолкался вперед, его холодные глазки оживились, бледное лицо вспыхнуло, и он растянул рот в ухмылке, глядя на неподвижное повешенное животное.

Глава девятая

Надпись на стене

– В чем дело? Что случилось?

Привлеченный, вне всякого сомнения, криком Малфоя, Аргус Филч пробирався сквозь толпу. Увидев миссис Норрис, он попятился, в ужасе закрыв лицо.

– Моя кошечка! Моя кошечка! Что с миссис Норрис? – завизжал он.

Его вытаращенные глаза вперились в Гарри.

– *Ты!* – выкрикнул он. – Это *ты* убил мою кошку! Ты убил ее! Я тебя убью! Я...

– *Аргус!*

Прибыл Думбльдор с другими учителями. Стремительно обогнув Гарри, Рона и Гермиону, он снял миссис Норрис с факельной подставки.

– Идемте со мной, Аргус, – сказал он Филчу. – И вы тоже, мистер Поттер, мистер Уизли, мисс Грейнджер.

Чаруальд с готовностью шагнул вперед:

– Мой кабинет совсем рядом, директор, – только по лестнице подняться, – я с удовольствием предоставляю...

– Спасибо, Сверкароль.

Толпа молча расступилась и пропустила их. Чаруальд, важный и гордый, не отставал от Думбльдора, за ними следовали профессор Макгонаголл и Злей.

Когда они вошли, на стенах темного кабинета началась суеда; Гарри заметил, как несколько Чаруальдов с волосами в бигуди торопливо прячутся за рамки фотографий. Настоящий Чаруальд зажег свечи на рабочем столе и отступил. Думбльдор уложил миссис Норрис на полированную столешницу и приступил к осмотру. Гарри, Рон и Гермиона обменялись напряженными взглядами, опустили в кресла вне круга света и стали наблюдать.

Кончик длинного, крючковатого носа Думбльдора почти касался кошачьей шерсти. Директор очень подробно осматривал миссис Норрис сквозь очки-полумесяцы, осторожно ощупывая неподвижное тело длинными пальцами. Профессор Макгонаголл, сощурившись, тоже склонилась над кошкой. Злей нависал над ними, наполовину скрытый в тени, с весьма странной гримасой – словно он с трудом сдерживал ухмылку. Чаруальд же парил надо всеми и сыпал версиями.

– Ее определенно убило злое проклятие – возможно, тьфункциональная тлетвора – я столько раз с этим встречался. Какая жалость, что меня не было, я знаю заклятие, которое непременно ее бы спасло...

Контрапунктом его речи сухо и безутешно всхлипывал Филч. Он беспомощно лежал в кресле, закрыв лицо ладонями, не в силах взглянуть на миссис Норрис. Гарри поневоле его жалел, хоть Филч и был ему глубоко отвратителен. Себя, правда, было еще жалче: если Думбльдор поверит Филчу, Гарри исключат как пить дать.

Думбльдор забормотал какие-то странные слова и принялся постукивать миссис Норрис волшебной палочкой, что, впрочем, не дало результата: кошка по-прежнему напоминала свежеизготовленное чучело.

– ...Помню, аналогичный случай был со мной в Уагадугу, – соловьем разливался Чаруальд, – там орудовал настоящий маньяк, я об этом подробно пишу в автобиографии. Целая серия преступлений... Однако мне удалось все уладить, я раздал горожанам амулеты, и...

Фотографические изображения Чаруальда закивали. Одно позабыло снять сеточку для волос.

Наконец Думбльдор выпрямился.

– Она не умерла, Аргус, – тихо произнес он.

Чаруальд замолк, не успев перечислить и половины преступлений, которые ему удалось предотвратить.

– Не умерла? – захлебнулся Филч и, осторожно раздвинув пальцы, глянул на миссис Норрис. – А почему же она такая... заостеневшая?

– Окаменела, – объяснил Думбльдор. («А! Я так и думал», – вставил Чаруальд.) – Но отчего, не могу сказать...

– Вот его спросите! – возопил Филч, оборачивая к Гарри заплаканное лицо в красных пятнах.

– Второкласснику такое не под силу, – убежденно сказал Думбльдор. – Тут черная магия высокого класса...

– Это он, это он! – выкрикивал Филч, и его опухшее лицо побагровело. – Вы же видели, что он написал на стене! Он нашел у меня в кабинете... он знает, что я... что я... – Его лицо мучительно искажилось, – ...знает, что я – швах, – закончил он.

– Я не трогал миссис Норрис! – громко сказал Гарри. Ему было крайне неудобно: на него взирали все, в том числе все настенные Чаруальды. – И я понятия не имею, что такое швах.

– Вранье! – возмутился Филч. – Ты видел рекламу «Быстрочар»!

– Если мне позволено будет заметить, директор... – раздался из темноты голос Злея, и предчувствие беды, терзавшее Гарри, обострилось: он знал, что любое слово Злея будет не в его пользу. – Поттер и его друзья, по всей видимости, оказались не в том месте не в то время. – Губы Злея иронически изогнулись, будто он сомневался в собственных словах. – Однако надо признать, что происшествие это вызывает массу подозрений. Каким образом Поттер оказался в коридоре верхнего этажа? Почему его не было на праздновании Хэллоуина?

Гарри, Рон и Гермиона наперебой пустились объяснять про смертенины:

– ...там были сотни привидений, они подтвердят...

– Но почему после смертенин вы не пришли на пир? – спросил Злей, и пламя свечи зловеще заплесало в его глазах. – Зачем вы пошли вверх?

Рон и Гермиона посмотрели на Гарри.

– Потому что... потому что... – забормотал тот. Сердце грохотало у него в груди; что-то подсказывало: никто не поверит, если он признается, как шел на неизвестно чей голос, которого к тому же больше никто не слышал. – Потому что мы устали и хотели спать, – в конце концов сказал он.

– Без ужина? – Победоносная улыбка озарила изможденное лицо Злея. – Вряд ли на пиршестве у привидений нашлась еда, пригодная для живых.

– Мы были не голодные, – громко выпалил Рон, чтобы заглушить некстати раздавшееся бурчание в животе.

Противная улыбка Злея стала еще шире.

– Полагаю, директор, Поттер не говорит нам всей правды, – промолвил он. – Думаю, будет полезно лишить его некоторых привилегий, пока он не сознается. Мне лично кажется, что его следует исключить из квидишной команды «Гриффиндора», пока он не научится честности.

– Помилосердствуйте, Злотеус, – вмешалась профессор Макгонаголл. – Не вижу никаких оснований лишать мальчика возможности играть в квидиш. Кошку ведь не метлой по голове стукнули. К тому же против Поттера нет вообще никаких улик.

Думбльдор созерцал Гарри. Немигающие голубые глаза просвечивали насквозь не хуже рентгена.

– Презумпция невинности, Злотеус, – решительно напомнил Думбльдор.

Злей возмутился. Филч тоже.

– Мою кошку обратили в камень! – завизжал он, тараща глаза. – Я требую, чтобы кого-то *наказали!*

– Мы ее вылечим, Аргус, – терпеливо сказал Думбльдор. – Профессору Спарж недавно удалось добыть саженцы мандрагоры. Как только вырастут, изготовим зелье и оно вернет миссис Норрис к жизни.

– Я сам приготовлю, – вмешался Чаруальд, – я делал это сотни раз. Мандрагорный тоник я хоть во сне смешаю...

– Прошу прощения, – процедил Злей ледяным тоном, – мне казалось, в этом заведении снадобьями распоряжаюсь я.

Повисло очень неловкое молчание.

– Можете идти, – разрешил Думбльдор Гарри, Рону и Гермионе.

Они ушли, сдерживая шаг, чтобы не побежать. Этажом выше зашли в пустой класс и аккуратно прикрыли за собой дверь. Гарри, щурясь в сумраке, посмотрел в глаза друзьям.

– Может, надо было сказать про голос?

– Нет, – без колебаний ответил Рон. – Когда человек слышит голоса, которых больше никто не слышит, – это плохой признак, даже в колдовском мире.

Что-то в его тоне заставило Гарри спросить:

– Но ты-то мне веришь, правда?

– Конечно, верю, – поспешно ответил Рон, – но... согласись, это очень странно...

– Сам знаю, что странно, – согласился Гарри, – все это очень странно. Как там было написано на стене? «Комната открыта»... Что бы это значило?

– Я что-то такое припоминаю... – медленно произнес Рон. – Кто-то мне рассказывал про какую-то секретную комнату в «Хогварце»... вроде Билл...

– И что еще за штука – швах? – спросил Гарри.

К его удивлению, Рон подавил смешок:

– Ну... вообще это грустно... но раз уж речь о Филче... Швах – это кто родился в колдовской семье, а сам не имеет магической силы. Как бы противоположность муглорожденным колдунам, только швахи очень редки. Если Филч учит магию по «Быстрочарам», видимо, он и вправду швах. Это многое объясняет. Например, почему он ненавидит учеников. – Рон удовлетворенно ухмыльнулся. – Ему завидно.

Откуда-то донесся бой часов.

– Полночь, – сказал Гарри. – Пошли-ка спать, пока нас Злей опять не изловил. А то обвинит еще в чем-нибудь.

Несколько дней в школе только и говорили о нападении на миссис Норрис. Филч не давал никому забыть, постоянно околачиваясь там, где ее атаковали, будто ждал, что преступник вернется. Гарри видел, как Филч изо всех сил тер надпись на стене «универсальным гигиентом миссис Шваберс», но безуспешно: слова сияли на камне как ни в чем не бывало. В минуты, свободные от патрулирования места преступления, заплаканный Филч бродил по коридорам, бросался на ни в чем не повинных школьников и пытался их наказать за «гнусную ухмылку» или за то, что «слишком громко дышат».

Джинни Уизли приняла случившееся с миссис Норрис очень близко к сердцу. По словам Рона, она обожала кошек.

– Ты ведь даже толком не была знакома с миссис Норрис, – утешал ее Рон. – Честно, без нее всем намного лучше. – Губы у Джинни задрожали. – И такое в «Хогварце» происходит нечасто, – продолжал Рон. – Психа, который это сделал, поймают, и он тут же вылетит из школы. Надеюсь только, что сначала он успеет превратить в камень Филча. Шучу! – быстро добавил Рон, увидев, как Джинни побелела.

История с кошкой подействовала и на Гермиону. Она и раньше много времени проводила за книгами, но сейчас и вовсе забросила все

остальное. Попытки дознаться, чем она так заинтересовалась, неизменно терпели неудачу, и продолжалось это до следующей среды.

Гарри задержался на зельеделии: Злей велел ему остаться и отчистить со столов налипших трубчатых червей. Потом, наспех пообедав, Гарри побежал наверх, к Рону в библиотеку. Там он увидел Джастина Финч-Флетчи, хуффльпуффца, с которым однажды беседовал на гербологии. Гарри уже открыл рот, чтобы поздороваться, но Джастин, заметив его, резко развернулся и ретировался.

Рон сидел в глубине библиотеки и измерял свою работу по истории магии. Профессор Биннз задал трехфутное сочинение на тему «Средневековая ассамблея европейских колдунов».

– Невероятно. Еще восемь дюймов... – яростно сказал Рон и бросил пергамент, который мгновенно свернулся в трубочку. – А Гермиона накатала четыре фута семь дюймов *ме-е-еленьким* почерком.

– Где она? – спросил Гарри, хватая рулетку и разворачивая собственное сочинение.

– Где-то там, – Рон показал на книжные полки, – ищет очередную книжку. По-моему, она задалась целью прочитать всю библиотеку до Рождества.

Гарри рассказал Рону, что Джастин Финч-Флетчи от него убежал.

– А тебе-то что. Я всегда говорил, что он придурок, – равнодушно бросил Рон, выводя букву за буквой и стараясь писать как можно крупнее. – Уж если он без ума от Чаруальда...

Из-за стеллажей вынырнула Гермиона. Вид у нее был раздраженный, зато она соизволила наконец с ними поговорить.

– Представляете, не осталось ни одной «Истории “Хогварца”», все разобрали, – пожаловалась она, присаживаясь рядом. – Надо записываться за две недели. Жалко, что я свою книжку оставила дома! Но она не вошла в сундук из-за Чаруальдовых книг...

– Зачем тебе? – спросил Гарри.

– Затем же, зачем и всем остальным, – ответила Гермиона. – Прочесть легенду о Тайной комнате.

– А что за легенда? – насторожился Гарри.

– Вот то и легенда. Не помню. – Гермиона прикусила губу. – И больше нигде не могу ее найти...

– Гермиона, дай почитать твое сочинение, – отчаянно простонал Рон, взглянув на часы.

– Не дам, – отрезала Гермиона, неожиданно рассвирепев. – У тебя было десять дней...

– Брось, мне осталось всего два дюйма...

Зазвонил колокол. Рон и Гермиона, препираясь, отправились на историю магии. Гарри зашагал следом.

Из всех предметов история магии была самой скучной. Преподавал ее профессор Биннз, единственный призрак среди учителей. В классную комнату он входил сквозь доску – и это самое забавное, что случалось у него на уроках. Профессор Биннз был очень древний и сморщенный. Говорили, что он даже не заметил, как умер. Просто однажды встал с кресла и пошел на урок, а тело забыл перед камином в учительской, и это нимало не повлияло на размеренный ход его бытия.

Сегодняшний день ничем не отличался от других. Профессор Биннз открыл тетрадь с конспектами, начал читать – загудел точь-в-точь как пылесос, – и постепенно все впали в глубокий ступор, лишь эпизодически приходя в себя, записывали имя или дату и тут же отключались снова. Профессор говорил уже больше получаса, и тут произошло нечто беспримерное. Гермиона подняла руку.

Профессор Биннз, случайно глянувший в класс посреди бесконечно нудного повествования о Всемирном собрании чародеев 1289 года, очень удивился.

– Мисс... э-э-э...

– Грейнджер, профессор. Простите, не могли бы вы рассказать о Тайной комнате, – звонко попросила Гермиона.

Дин Томас, глазевший в окно с разинутым ртом, встряхнулся и вышел из транса; Лаванда Браун подняла голову с ладоней, а локоть Невилла Лонгботтома соскользнул с края парты.

Профессор Биннз заморгал.

– Я преподаю историю магии, – сообщил он сухим хриплым голосом. – Я имею дело с фактами, мисс Грейнджер, а не с мифами и легендами. – Он прочистил горло – будто кусочек мела разломил пополам – и продолжал: – В сентябре того же года отделение комитета сардинских мудрецов...

Он запнулся и замолчал. Гермиона снова размахивала рукой.

– Мисс Грант?

– Пожалуйста, сэр, скажите, ведь легенды всегда основываются на фактах?

Профессор Биннз смотрел на нее в таком изумлении, что Гарри отчетливо понял: до сих пор никто никогда ни о чем не спрашивал его, живого или мертвого, на уроках.

– Полагаю, – медленно проговорил Биннз, – что да, у этой гипотезы есть сторонники. – Он уставился на Гермиону так, словно никогда раньше не видел школьницы. – Однако легенда, о которой вы спрашиваете, *поразительна до нелепости*.

Но теперь весь класс, затаив дыхание, ловил каждое слово профессора. Тот мутным взором оглядел обращенные к нему лица. Гарри видел, что столь внезапное и безоговорочное внимание совершенно учителя потрясло.

– Что же, – протянул он, – дайте вспомнить... Тайная комната... Вы все, разумеется, знаете, что «Хогварц» был основан около тысячи лет назад – точная дата неизвестна – четырьмя величайшими чародеями. Четыре колледжа «Хогварца» носят их имена: Годрик Гриффиндор, Хельга Хуффльпуфф, Эвана Вранзор и Салазар Слизерин. Вместе они построили замок вдали от любопытных глаз муглов, ибо в те времена простые люди не доверяли магии, а колдуны и ведьмы подвергались преследованиям.

Он сделал паузу, подслеповато обвел глазами класс и продолжил:

– Некоторое время основатели школы трудились в гармонии. Они по всей стране разыскивали детей с волшебными способностями, собирали их в замке и обучали. Но затем возникли разногласия между Слизерином и прочими. Слизерин считал, что принимать в «Хогварц» учеников следует *избирательнее*. Что магическое обучение должно быть доступно лишь детям с чистой колдовской кровью. Ему не нравилось, что в школу принимаются дети из мугловых семей, он считал, что им нельзя доверять. В конце концов он серьезно повздорил из-за этого с Гриффиндором и покинул школу.

Профессор Биннз снова помолчал, поджал губы и стал похож на старую сморщенную черепаху.

– Вот что сообщают достоверные исторические источники, – сказал он. – Но вокруг *фактов* накручена сомнительная легенда о Тайной комнате. Легенда гласит, что Слизерин построил в замке Тайную комнату, о которой другие три основателя ничего не знали. Он

запечатал эту комнату таким образом, что никто не может открыть ее, пока в школу не вернется его истинный Наследник. Он один способен снять печать с Тайной комнаты, выпустить на волю сокрытый в ней ужас и посредством его очистить школу от недостойных.

Когда он закончил свое повествование, наступила тишина, но не та, сонная, что обычно окутывала занятия профессора Биннза. Все, затаив дыхание, с некоторой тревогой ждали продолжения. Профессор слегка рассердился.

– Все это, разумеется, сущий вздор, – подытожил он. – Замок неоднократно обыскивали на предмет наличия подобной Комнаты, поиски велись самыми опытными колдунами и ведьмами. Комнаты не существует. Это просто сказка в устрашение легковерным.

Рука Гермiony опять взметнулась.

– Сэр, а что конкретно вы подразумевали под «сокрытым в ней ужасом»?

– Считается, что в Комнате таится некий монстр и справиться с ним может лишь Наследник Слизерина, – тихо проскрипел профессор Биннз.

Дети испуганно переглянулись.

– Говорю вам, нет никакой Комнаты, – сказал профессор Биннз, вороша конспекты. – Нет Комнаты, и нет Наследника.

– Но ведь, сэр, – вмешался Шеймас Финниган, – если снять печать может только истинный Наследник Слизерина, никто другой и не способен ее найти.

– Чепуха, О’Флаэрти, – сварливо отрезал профессор Биннз, – раз многочисленным директорам и директрисам «Хогварца» не удалось...

– Но, профессор, – пропищала Парвати Патил, – может, чтобы открыть Комнату, нужна черная магия...

– Некоторые колдуны *не пользуются* черной магией вовсе не потому, что *не умеют*, мисс Патласти, – резко ответил профессор Биннз. – Повторяю, если люди, подобные Думбльдору...

– Но, может, надо быть в родстве со Слизерином и Думбльдор поэтому не в силах... – начал было Дин Томас, но профессор Биннз решил, что с него довольно.

– Все, хватит, – жестко оборвал он. – Это миф! Нет Комнаты! Нет свидетельств! Ничего Слизерин в школе не строил! Даже чуланчика для метел! Я жалею, что рассказал вам эту дурацкую историю! И

сейчас, если сообразоволяте, мы вернемся к настоящей *истории*, к достоверным, реальным, проверенным *фактам*!

И через пять минут класс вновь погрузился в обычное оцепенение.

– Я знал, что Салазар Слизерин был отпетый придурок, – сообщил Рон Гермионе и Гарри, когда после урока они пробирались по забитому коридору в гриффиндорскую башню, чтобы бросить рюкзаки перед ужином. – Но не догадывался, что он начал всю эту бузу по поводу чистой крови. Я бы за сто миллионов не пошел в его колледж. Честно, если бы Шляпа-Распределница захотела отправить меня в «Слизерин», я бы убежал! Сел бы на поезд и поехал домой...

Гермиона энергично закивала, а Гарри промолчал. Но в животе у него очень неприятно екнуло.

Он никогда не рассказывал Рону с Гермионой, что Шляпа-Распределница всерьез подумывала зачислить его в «Слизерин». Отчетливо, будто это случилось вчера, помнил Гарри прошлогоднее Распределение: стоило ему надеть Шляпу, тихий голосок зашептал на ухо: «Ты мог бы стать великим, знаешь, тут в голове все есть, а “Слизерин” выведет тебя прямо к величию, без сомненья...»

Но Гарри, уже наслушавшись о дурной репутации «Слизерина» и о том, сколько черных магов оттуда вышло, отчаянно взмолился: «Только не в “Слизерин”!» – и тогда Шляпа сказала: «Что ж, если уверен – пусть будет “Гриффиндор”!»

Маневрируя в толпе, они наткнулись на Колина Криви.

– Э-гей, Гарри!

– Привет, Колин! – автоматически ответил Гарри.

– Гарри! Гарри! Один мальчик из нашего класса говорит, что ты...

Но тут людской поток унес маленького Колина к Большому залу; Колин лишь прокричал напоследок:

– Увидимся, Гарри! – и исчез.

– И что же говорит о тебе мальчик из его класса? – заинтересовалась Гермиона.

– Что я Наследник Слизерина, надо думать, – вздохнул Гарри, и в животе стало еще неприятнее: он вспомнил, как убегал от него Джастин Финч-Флетчи.

– Что за народ! Любой ерунде верят! – возмутился Рон.

Толпа немного поредела, и по следующему лестничному маршу им удалось подняться без затруднений.

– Ты *правда* думаешь, что Тайная комната существует? – спросил Рон у Гермионы.

– Не знаю, – нахмурилась она. – Думбльдор не смог расколдовать миссис Норрис, и это наводит на мысль, что на нее napало нечто... ммм... нечеловеческое.

Тут они завернули за угол и очутились в том самом коридоре, где было совершено нападение. Они остановились, огляделись. Все было в точности как в тот вечер, только окоченевшее тело кошки не свисало с факельной подставки, а под стеной со зловещим сообщением «Тайная комната открыта» стоял стул.

– Филчев пост наблюдения, – пробормотал Рон.

Ребята переглянулись. В коридоре никого не было.

– Ничего, если мы немножечко тут поосмотримся? – Гарри бросил рюкзак, опустился на четвереньки и приготовился искать улики. – Следы сажи! – сказал он. – Вот!.. И вот...

– Иди-ка взгляни! – позвала Гермиона. – Как странно...

Гарри поднялся и подошел к окну рядом с надписью. Гермиона ткнула пальцем – на верхнем стекле скопилось штук двадцать пауков, и все, похоже, сражались за право первыми вылезти в маленькую щель. Длинная, серебристая паутина свисала, точно веревка, по которой все они вскарабкались, торопясь наружу.

– Ты когда-нибудь видел, чтобы пауки так себя вели? – удивленно спросила Гермиона.

– Нет, – ответил Гарри, – а ты, Рон? Рон?

Он оглянулся. Рон отошел подальше и, кажется, отчаянно боролся с желанием удрать.

– Ты что? – спросил Гарри.

– Я – не – люблю – пауков, – напряженно выговорил Рон.

– Я не знала, – сказала Гермиона, с изумлением на него глядя. – Ты же столько раз работал с ними на зельдедии...

– Дохлые – одно, – объяснил Рон. На окно он старался не смотреть. – Но живые – совсем другая песня, они ползают...

Гермиона хихикнула.

– Ничего смешного, – рассердился Рон, – если хочешь знать, когда мне было три года, Фред превратил моего... мишку... в огромного жуткого паука... за то, что я сломал его игрушечную метлу... Ты бы

тоже их ненавидела, если бы у твоего мишки вдруг выросло столько ног и...

Он оборвал свою речь и содрогнулся. Гермиона изо всех сил старалась не расхохотаться. Чувствуя, что пора сменить тему, Гарри спросил:

– Помните, сколько воды тут было на полу? Откуда она взялась? Уже всё вытерли.

– Вот досюда дотекло. – Придя в себя, Рон обошел стул Филча и показал. – Прямо до двери.

Он взялся было за медную ручку, но отдернул пальцы, как от раскаленного утюга.

– Что еще? – спросил Гарри.

– Туда нельзя, – проворчал Рон. – Это женский туалет.

– Брось, там никого нет, – сказала Гермиона, подходя ближе. – Тут обитает Меланхольная Миртл. Давай посмотрим.

И, проигнорировав большую табличку «НЕ РАБОТАЕТ», она отворила дверь.

Гарри никогда не видал таких мрачных, гнетущих туалетных комнат. Под длинным, треснутым, заляпанным зеркалом рядом располагались обколотые раковины. Пол был сырой, в нем отражался тусклый свет нескольких огарков, криво торчавших в подсвечниках; краска на деревянных дверях кабинок облупилась, одна дверь болталась на верхней петле.

Гермиона приложила палец к губам и прошла к самой дальней кабинке. Там она сказала:

– Эй, Миртл! Привет! Как дела?

Гарри с Роном подошли посмотреть. Меланхольная Миртл плавала в воздухе над унитазом и ковыряла прыщ на подбородке.

– Это туалет для *девочек*, – заявила она, с подозрением воззрившись на мальчиков. – А *они* – не девочки.

– Не девочки, – согласилась Гермиона. – Я просто привела их взглянуть, как тут... интересно.

Гермиона неопределенно обвела рукой старое грязное зеркало и сырой пол.

– Спроси ее, не видела ли она чего, – одними губами сказал Гарри Гермионе.

– Что это вы шепчетесь? – осведомилась Миртл, уставившись на него.

– Ничего, – поспешно заверил Гарри, – мы только хотели спросить...

– Хорошо бы люди перестали шептаться за моей спиной! – возопила Миртл, давясь слезами. – У меня есть *чувства*, знаете ли, хоть я и *мертва*...

– Миртл, никто не хотел тебя обидеть, – попыталась успокоить ее Гермiona, – Гарри всего лишь...

– Никто не хотел меня обидеть! Это мне нравится! – взвыла Миртл. – Вся моя жизнь в школе была сплошной кошмар – а теперь вы хотите испортить мне смерть?

– Мы просто хотели спросить, не видала ли ты здесь в последнее время чего-нибудь странного, – скороговоркой выпалила Гермiona. – Потому что в Хэллоуин прямо у тебя за дверью напали на кошку.

– Ты видела кого-нибудь поблизости в тот вечер? – спросил Гарри.

– Я не обратила внимания, – драматично выкрикнула Миртл, – Дрюзг меня так обидел, что я примчалась сюда и хотела покончить с собой. Потом, конечно, опомнилась и поняла, что я и так... что я...

– И так мертвая, – услужливо подсказал Рон.

Миртл трагически всхлипнула, поднялась повыше, перевернулась, ласточкой нырнула в унитаз, всех обрызгав водой, и исчезла. Судя по приглушенным рыданиям, она затаилась где-то в сифоне.

Гарри и Рон застыли, раскрыв рты, а Гермiona устало пожала плечами и сказала:

– Для Миртл это почти что веселый разговор... Пошли отсюда.

Едва Гарри закрыл дверь и всхлипы затихли, раздался громкий голос и все трое подпрыгнули в испуге.

– РОН!

Перси Уизли как вкопанный остановился на лестничной площадке. Значок старосты грозно сверкал; судя по лицу, Перси был глубоко фраппирован.

– Это же для *девочек*! – беззвучно выдохнул он. – Что вы там?..

– Хотели посмотреть, – пожал плечами Рон. – Улики, понимаешь...

Перси раздулся от возмущения, и Гарри тотчас припомнил миссис Уизли.

– Быстро – убирайтесь – отсюда, – яростно выговорил он, размахивая руками: прочь, прочь. – Вам что, безразлично, что о вас подумают? Надо же догадаться прийти сюда, когда остальные на ужине!..

– А почему нельзя? – заспорил Рон, упираясь и сердито глядя на Перси. – Слушай, мы же не трогали кошку!

– Я Джинни так и сказал! – воскликнул Перси с негодованием. – Но она все равно боится, что вас исключат, я еще никогда не видел ее в таком расстройстве, все глаза выплакала, подумал бы о ней хоть немного, всех первоклассников эта история и так потрясла...

– На *Джинни* тебе наплевать, – заявил Рон. Уши у него покраснели. – Ты просто боишься, что я испорчу тебе карьеру, что из-за меня ты не станешь старшим старостой...

– Минус пять баллов! – сурово сказал Перси, коснувшись своего значка. – Надеюсь, это послужит вам уроком! И больше никаких игр в *сыщиков*, а то маме напишу!

И он удалился. Сзади шея у него покраснела, как уши у Рона.

Вечером в общей гостиной Гарри, Рон и Гермиона сели как можно дальше от Перси. Рон все еще пребывал в крайне дурном расположении духа и постоянно сажал кляксы на домашнюю работу по заклинаниям. В конце концов он рассеянно потянулся за палочкой, чтобы удалить грязь, но та почему-то подожгла пергамент. Дымясь от возмущения ничуть не меньше, чем его домашняя работа, Рон с силой захлопнул «Сборник заклинаний (часть вторая)». К величайшему удивлению Гарри, Гермиона последовала его примеру.

– Кто же это мог быть? – задумчиво проговорила она, будто продолжая давно начатый разговор. – Кому нужно запугать всех швахов и муглорожденных, чтоб они покинули «Хогварц»?

– Давайте подумаем, – сказал Рон, шутовски имитируя предельное недоумение. – Не знаем ли мы случайно кого-то нехорошего, кто считает, что муглокровки – бяка?

Он искоса поглядел на Гермиону. Гермиона в ответ поглядела на него с сомнением.

– Если ты о Малфое...

– А о ком еще! – сказал Рон. – Ты же слышала: «Мугродье – очередь за вами!» Брось, достаточно взглянуть на его подлую крысиную физиономию – и сразу ясно, что это он!

– Малфой? Наследник Слизерина? – скептически произнесла Гермиона.

– А что? Посмотри на его семью, – вмешался Гарри, тоже захлопывая книжку. – Все учились в «Слизерине»; он вечно этим похвастается. Запросто могут быть потомками Салазара. И папаша Малфой определенно способен на любые гнусности.

– Может, они веками хранят ключ от Тайной комнаты! – воскликнул Рон. – Передают от отца к сыну...

– Что ж, – осторожно сказала Гермиона, – пожалуй, не исключено...

– Но как это доказать? – уныло спросил Гарри.

– Способ, кажется, есть, – медленно произнесла Гермиона, незаметно покосившись на Перси и еще сильнее понизив голос. – Хотя, конечно, это трудно. И опасно, очень опасно. И придется нарушить штук пятьдесят школьных правил...

– Если когда-нибудь – ну, может, через месяц – ты наконец решишь нам все объяснить, сообщи, ладно? – раздраженно сказал Рон.

– Ладно, – холодно ответила Гермиона. – Нам нужно проникнуть в гостиную «Слизерина» и задать Малфоя пару вопросов, но он не должен догадаться, что мы – это мы.

– Но это же нереально, – сказал Гарри, а Рон засмеялся.

– Нет, реально, – возразила Гермиона. – Нам просто нужна всеэссенция.

– А это что? – хором спросили Гарри и Рон.

– Злей упоминал пару недель назад...

– Вот делать нам на зельеделии больше нечего, только Злея слушать, – проворчал Рон.

– Всеэссенция превращает тебя в кого-то другого. Ну, думайте же! Мы можем превратиться в слизеринцев. И никто не догадается, что это мы. И Малфой нам все расскажет. Вдруг он прямо сейчас хвастается в гостиной «Слизерина» – а мы не слышим!

– Что-то не нравится мне эта всеэссенция, – нахмурился Рон. – А если мы навсегда останемся слизеринцами?

– Ее действие постепенно выветривается, – нетерпеливо отмахнулась Гермиона. – Правда, достать рецепт трудно. Злей сказал, он есть в книге «Всесильнейшие зелья» – наверняка она в Закрытом отделе.

Существовал только один способ получить книгу из Закрытого отдела библиотеки: принести разрешение, подписанное учителем.

– Трудно придумать, для чего нам нужна такая книга, – сказал Рон. – Ясно ведь, что мы хотим изготовить какое-то зелье.

– Может, – протянула Гермиона, – если сказать, что мы интересуемся *теоретически*, тогда...

– Брось! Ни один учитель не купится! – сказал Рон. – Это каким же надо быть идиотом!

Глава десятая

Шальной Напада

После неудачи с эльфейками профессор Чаруальд больше не приносил в класс никакой живности. Теперь он читал вслух свои книги, а некоторые наиболее драматические эпизоды разыгрывал с учениками по ролям. Для этих целей он чаще всего выбирал Гарри, и тот уже исполнил роли простого крестьянина из Трансильвании, с которого Чаруальд снял бормотушное заклятие; сильно простуженного йети; вампира, который после встречи с Чаруальдом не брал в рот ничего, кроме салата.

На очередном уроке по защите от сил зла Гарри снова вытащили к доске – на сей раз представлять оборотня. Как назло, именно сейчас нужно было подольститься к Чаруальду, иначе Гарри отказался бы.

– Взвой как следует – ага, вот так, очень хорошо... и тогда, представьте себе, я на него бросился – вот так – придавил к земле – р-раз! – одной рукой его держал, а другой приставил волшебную палочку ему к горлу – потом геройски собрал остатки сил и выполнил чрезвычайно сложное хоморфное заклятие – оборотень жалобно застонал... ну давай же, Гарри, жалобней, жалобней... отлично – и тогда шерсть исчезла – зубы уменьшились – и он превратился обратно в человека. Просто, но эффективно – и вот жители еще одной деревни вечно будут благословлять героя, который избавил их от ежемесячных нападений оборотня.

Зазвонил колокол, и Чаруальд поднялся с пола.

– Домашнее задание – сочините поэму о том, как я победил оборотня Огго-Огго! Автору лучшего произведения – экземпляр книги «Волшебный я» с автографом!

Ребята постепенно покидали класс. Гарри вернулся в дальний угол, где его дожидались Рон и Гермиона.

– Готовы? – вполголоса спросил Гарри.

– Подождем, пока все уйдут, – нервно сказала Гермиона. – Ну, я пошла!

Она приблизилась к столу Чаруальда, крепко зажав в руке листок. Сзади топтались Гарри с Роном.

– Э-э-э... профессор Чаруальд? – промямлила Гермиона. – Я хотела... взять из библиотеки одну книгу. Для... дополнительного чтения. – Она дрожащей рукой протянула листок. – Но эта книга... она в Закрытом отделе, и мне нужно, чтобы кто-нибудь из учителей подписал вот здесь... Я уверена, что она поможет мне лучше понять то, о чем вы пишете в «Ужине с упырями» про медленно действующие яды...

– А-а-а! «Ужин с упырями»! – мечтательно воскликнул Чаруальд, взяв у Гермионы листок и очаровательно ей улыбаясь. – Одна из моих любимых... Тебе понравилось?

– Конечно! – восторженно сказала Гермиона. – Это так здорово, особенно как вы заманили в ловушку того, последнего, чайным ситечком...

– Я полагаю, никто не станет возражать, если я поспособствую лучшей ученице параллели, – тепло сказал Чаруальд и вытащил огромное павлинье перо. – Красивое, правда? – подмигнул он, неверно истолковав возмущенное немое отвращение Рона. – Обычно я им надписываю книги.

Он размашисто вывел витиеватую подпись и вернул листок Гермионе.

– Ну что, Гарри, – сказал Чаруальд, пока Гермиона трясущимися пальцами сворачивала разрешение и убирала его в рюкзак. – Я так понял, завтра первый квидишный матч сезона? «Гриффиндор» против «Слизерина»? Говорят, ты неплохо играешь. Я тоже в свое время был Ловчим. Меня даже звали в сборную страны, но я предпочел посвятить жизнь искоренению сил зла. И все же, если захочешь потренироваться отдельно от команды, не стесняйся обращаться ко мне. Всегда рад поделиться знаниями с менее опытным игроком...

Гарри невнятно булькнул горлом и выбежал из класса вслед за Роном и Гермионой.

– Фантастика, – изумился он, когда они втроем уставились на подпись. – Он даже не поинтересовался, что за книга.

– Это потому, что он безмозглый *болван*, – сказал Рон. – Но какая разница, мы же получили что хотели...

– Он вовсе *не* безмозглый болван, – негодуяще возразила Гермиона. Они уже бежали к библиотеке.

– Ну да, он же назвал тебя лучшей ученицей параллели...

В приглушенной тишине библиотеки пришлось понизить голоса. Мадам Щипц, худая и раздражительная библиотекарьша, напоминала некормленного стервятника.

– «Всесильнейшие зелья»? – подозрительно повторила она, пытаясь отобрать записку у Гермионы; та, однако, вцепилась в бумажку мертвой хваткой.

– Я хотела бы оставить ее у себя, – пролепетала она.

– Ой, да перестань. – Рон выцарапал бумажку из ее сжатого кулачка и протянул мадам Щипц. – Мы тебе достанем другой автограф. Чаруальд подписывает все, что не шевелится хотя бы секунд пять.

Мадам Щипц изучила записку на просвет, будто подозревая, что та поддельная, но разрешение прошло проверку. Библиотекарьша скрылась за высокими стеллажами и появилась через несколько минут с книгой – большой и какой-то заплесневелой. Гермиона аккуратно убрала книгу в рюкзак, и они ушли, стараясь не шагать чересчур быстро и не выглядеть чересчур виноватыми.

Через пять минут они уже забаррикадировались в неработающем туалете у Меланхольной Миртл. Рон отчаянно возражал, но Гермиона сумела его переубедить: мол, этот туалет – последнее место, куда направится человек в здравом уме, а потому им гарантировано уединение. Меланхольная Миртл громко рыдала в своей кабинке, но ребята ее игнорировали, как, впрочем, и она их.

Гермиона почтительно раскрыла «Всесильнейшие зелья», и все трое склонились над старинными, в пятнах сырости, страницами. С первого взгляда становилось понятно, отчего эта книга хранится в Закрытом отделе. О воздействии некоторых зелий было страшно и думать. И еще книга пестрела отвратительными иллюстрациями: человек, вывернутый наизнанку; ведьма, у которой на голове проросло несколько пар рук...

– Вот оно, – обрадовалась Гермиона, отыскав страницу, озаглавленную «Всеэссенция». Здесь были изображены люди на промежуточной стадии превращения в других людей. Оставалось надеяться, что мучительное страдание появилось на их лицах только

благодаря богатому воображению художника. – Я в жизни таких сложных зелий не видела, – произнесла Гермиона, пробежав глазами рецепт. – Златоглазки, пиявки, проточные водоросли, спорыш... – бормотала она, водя пальцем по списку, – ну, это просто, это есть в ученическом шкафу, можно взять... О-о-о-ой, смотрите-ка, нужен толченный рог двурога – не представляю, где брать, – кусочек кожи бумсланга – тоже проблема, – ну и, разумеется, частицы тех, в кого превращаемся.

– Что-что? – резко переспросил Рон. – Какие еще частицы? С ногтями Краббе я ничего пить не буду!

Гермиона бормотала, как будто не слыша:

– Об этом можно не беспокоиться, это в последнюю очередь...

Рон, онемев, повернулся к Гарри. Тот, впрочем, волновался по другому поводу:

– Ты отдаешь себе отчет в том, сколько всего нам придется украсть, Гермиона? Кожа бумсланга! Уж ее-то нет в ученическом шкафу. Нам что, взламывать кабинет Злея? По-моему, это плохая затея...

Гермиона громко захлопнула книгу.

– Если вы струсили, отлично, – заявила она. На щеках у нее горели алые пятна, и глаза блестели ярче обычного. – Я, знаете ли, терпеть не могу нарушать дисциплину. Однако я думаю, что угрозы муглорожденным – преступление гораздо серьезнее, чем изготовление сложных зелий. Но, раз вы не хотите выяснять, не Малфой ли за этим стоит, я сейчас же пойду и сдам книгу обратно в библиотеку...

– Не думал я, что доживу до такого дня, когда Гермиона будет подбивать нас на преступление, – сказал Рон. – Ладно, мы согласны. Только ногти не с пальцев ног, поняла?

– А сколько это вообще займет времени? – поинтересовался Гарри у Гермионы, которая повеселела и снова открыла книгу.

– Водоросли надо собирать при полной луне, а златоглазок – настаивать двадцать один день... Скажем так – примерно месяц, если сумеем достать все ингредиенты.

– Месяц? – переспросил Рон. – Да Малфой успеет перебить половину муглокровок в школе! – Но, поскольку Гермиона угрожающе сощурилась, быстро добавил: – Но раз другого плана все равно нет, я так скажу – полный вперед.

Однако, когда Гермiona пошла проверить, можно ли выйти из туалета, пока никто не видит, Рон шепнул Гарри:

– Будет гораздо проще, если ты завтра уронишь Малфоя с метлы.

В субботу Гарри проснулся рано утром и лежал, размышляя о предстоящем матче. Он нервничал – в основном при мысли о том, что скажет Дрeв, если гриффиндорцы проиграют, но также и о том, что им предстоит играть с командой, оснащенной самыми скоростными в мире метлами. Он еще никогда настолько остро не желал победить «Слизерин». После получаса таких размышлений у него словно завязались узлом все внутренности. Он встал, оделся и пошел на завтрак, хотя было еще рано. Гриффиндорская команда в полном составе уже сидела, нахохлившись, за длинным пустым столом. Все были напряжены, никто не разговаривал.

К одиннадцати учащиеся школы потянулись на стадион. День был слякотный, пахло грозой. Когда Гарри входил в раздевалку, подбежали Рон с Гермioniой – пожелать удачи. Игроки натянули малиновые мантии, уселись и приготовились выслушать неизбежную «бодрилку», которую Дрeв всегда произносил перед матчем.

– Метлы у «Слизерина» лучше, чем у нас, – начал он. – Никто и не собирается это отрицать. Зато на наших метлах люди лучше. Мы больше тренировались, летали в любую погоду («О, как это верно, – пробурчал Джордж Уизли, – с августа не просыхаю»), и мы заставим их пожалеть о том дне, когда жалкий червяк Малфой купил себе место в команде.

Грудь Дрeва вздымалась – его обуревали эмоции.

– Гарри, покажи им, что настоящему Ловчему требуется не только богатенький папочка. Поймай Проньру раньше Малфоя – или умри, Гарри, потому что мы должны выиграть, просто обязаны.

– Но не подумай, никто на тебя не давит, – ехидно подмигнул Фред.

Они вышли на поле под крики зрителей, в основном приветственные – «Вранзор» и «Хуффльпуфф» болели за «Гриффиндор», – однако свист и шипение слизеринцев тоже звучали вполне отчетливо. Мадам Самогони, квидишный арбитр, велела Флинту и Древу обменяться рукопожатиями, что те и исполнили, прожигая друг друга взглядами и стискивая пальцы сильнее, чем требовалось.

– По моему свистку, – сказала мадам Самогони, – три... два... один!

Под рев толпы четырнадцать игроков взмыли в свинцовое небо. Гарри взлетел выше всех и, сощурившись, завертел головой в поисках Проныры.

– Как дела, Шрамолобый? – проорал Малфой, мелькнув внизу. Он явно бахвалился скоростью, которую легко развивала его метла.

Гарри не успел ответить. В этот самый момент тяжелый черный Нападала угрожающе понесся на него, и Гарри еле-еле увернулся – пролетая мимо, мяч взъерошил ему волосы.

– Еще бы немножко, Гарри... – на лету бросил Джордж.

Он сжимал в руке биту, готовясь отбить Нападалу к игрокам «Слизерина». Гарри увидел, как Джордж звучным ударом отправил Нападалу прямо на Адриана Пусея, но Нападала на полпути круто сменил траекторию и снова ринулся на Гарри.

Гарри увернулся, резко ухнув вниз, а Джорджу удалось отбить мяч в сторону Малфоя. И опять Нападала повернул, точно бумеранг, и полетел прямо Гарри в голову.

Гарри надал скорости и устремился в другой конец поля. Позади он слышал свист Нападалы. В чем дело? Нападалы никогда не атакуют одного игрока; их задача – сшибить как можно больше на роду...

На другом краю поля Нападалу поджидал Фред Уизли. Гарри пригнул голову, Фред изо всех сил шибанул по мячу и сбил его с курса.

– Так тебе! – радостно заорал Фред, но мяч опять полетел к Гарри, как намагниченный, и мальчику пришлось удирать во весь дух.

Начался дождь; тяжелые капли били в лицо и забрызгивали очки. Гарри не имел ни малейшего представления о ходе игры, пока не услышал комментарий Ли Джордана:

– «Слизерин» лидирует, шестьдесят – ноль...

Слизеринские метлы хорошо делали свое дело, а взбесившийся Нападала старался свалить Гарри на землю. Фред с Джорджем неотступно кружили поблизости, и Гарри не видел ничего, кроме мельтешения их рук. Тут Проныру не то что не поймает – даже не увидишь.

– Кто-то... пошалил... с этим... Нападалой... – тяжело сопя, проговорил Фред, вновь широко замахиваясь битой.

– Нужен тайм-аут, – заявил Джордж, пытаясь подать сигнал Древу и одновременно помешать Напададе расквасить Гарри нос.

Древ, очевидно, и сам все понял. Прозвучал свисток мадам Самогони, и Гарри с близнецами нырнули к земле, не переставая уворачиваться от сошедшего с ума мяча.

– В чем дело? – закричал Древ, едва команда собралась вокруг. Болельщики «Слизерина» тем временем надрывались от восторга. – Мы наголову разбиты. Фред, Джордж, куда вы подевались? Нападада не дал Ангелине забить гол!

– Мы были в двадцати футах над ней, Оливер, чтобы другой Нападада не изувечил Гарри, – сердито объяснил Джордж. – Кто-то заколдовал мяч – он от Гарри не отлипает. Всю игру гоняется только за ним. Наверное, слизеринцы постарались.

– Нападады были заперты в кабинете мадам Самогони после нашей последней тренировки. Тогда они были в полном порядке, – озадаченно произнес Древ.

К ним зашагала мадам Самогони. Поверх ее плеча было видно, как игроки «Слизерина» скачут от восторга и показывают на гриффиндорцев пальцами.

– Слушайте, – заговорил Гарри. Мадам Самогони приближалась. – Если вы так и будете кружить около меня, я смогу поймать Проныру, только если он сам влетит ко мне в рукав. Играйте с командой, а я займусь этим бешеным.

– Ты что, того? – сказал Фред. – Он тебе башку снесет.

Древ переводил взгляд с Гарри на близнецов.

– Оливер, это безумие, – возмутилась Алисия Спиннет. – Нельзя, чтобы Гарри один воевал с этой штукой. Пусть проведут расследование...

– Если мы сейчас прервем игру, нам засчитают поражение! – горячо сказал Гарри. – Мы не можем проиграть «Слизерину» из-за какого-то психованного мяча! Все, Оливер, скажи, чтоб меня оставили в покое!

– Это все ты виноват, – рявкнул Джордж на Древа. – «Поймай Проныру – или умри!» Надо же было додуматься...

Наконец подошла мадам Самогони.

– Готовы продолжить? – спросила она Древа.

Древ посмотрел на Гарри, прочел решимость в его глазах.

– Да, – сказал он. – Фред, Джордж, вы его слышали – оставьте его одного, пускай разбирается с Нападалой сам.

Дождь усилился. По свистку мадам Самогони Гарри с силой оттолкнулся от земли, взлетел и немедленно услышал красноречивое «в-з-з-з-з» – его догонял Нападала. Гарри взлетал все выше и выше; он петлял, взмывал, падал, выписывал спирали, зигзаги, вертелся вокруг своей оси. Голова кружилась, но он не закрывал глаз. Капли дождя совсем забрызгали стекла очков и заливались в ноздри, когда он переворачивался вниз головой, снова уходя от преследования. Он слышал хохот с трибун; догадывался, что выглядит чрезвычайно глупо. Тем не менее шальной Нападала был тяжел и не успевал вовремя менять направление, и мальчик продолжал выписывать пируэты вдоль периметра стадиона, сквозь серебряную завесу дождя следя, что происходит у колец «Гриффиндора». А там Адриан Пусей пытался обойти Древа...

Что-то просвистело мимо уха – Нападала промахнулся опять; Гарри перевернулся через голову и быстро полетел в обратном направлении.

– В балет готовишься, Поттер? – прокричал Малфой. Гарри только что пришлось совершенно уже по-дурацки извернуться, и он мчался, по пятам преследуемый Нападалой; с ненавистью обернулся он на голос Малфоя и тут увидел *его* – Золотого Проныру. Маленький мячик висел над левым ухом Малфоя, а тот увлеченно дразнил Гарри и ничего не замечал.

На одно отчаянное мгновение Гарри завис в воздухе, не решаясь броситься к Малфою – вдруг тот взглянет вверх и увидит Проныру.

БАХ!

Этого мгновения оказалось достаточно. Нападала наконец-то достиг цели. Он со всей силы впился в локоть, и Гарри в деталях прочувствовал, как ломается его рука. В голове помутилось, боль была сокрушительной. Мальчик соскользнул с мокрой метлы и повис на одном колене. Правая рука бесполезно болталась, а Нападала уже пошел на второй заход, на сей раз целясь прямо в лицо. Гарри увернулся с единственной мыслью: «Добраться до Малфоя».

Глаза застилала пелена дождя и боли. Он нырнул к ненавистному, рябящему, ухмыляющемуся лицу, увидел, как Малфой в страхе расширил глаза, решив, что Гарри атакует его.

– Ты чего?.. – только и успел выговорить он, стремительно убираясь с дороги.

Гарри отпустил древко, за которое держался здоровой рукой, и сделал отчаянный бросок; пальцы обхватили ледяного Проныру, но на метле он теперь удерживался лишь ногами. По стадиону пронесся вопль, когда он устремился вниз, изо всех сил стараясь не потерять сознания.

Гарри с силой ударился о глинистую землю и скатился с метлы. Рука валялась как неживая, под очень странным углом; одурманенный болью, он будто издали слышал свист, шум, крики. Он сфокусировал зрение на мячике, крепко зажатом в здоровой руке.

– Ага, – пробормотал он невнятно, – выиграли.

И лишился чувств.

Придя в себя, он почувствовал, что дождь по-прежнему падает на лицо, понял, что все еще лежит на поле, увидел, как кто-то склонился над ним. Блеснули зубы.

– Ой нет, только не вы, – простонал Гарри.

– Сам не понимает, что говорит! – громко крикнул Чаруальд напиральной толпе взволнованных гриффиндорцев. – Не беспокойся, Гарри. Сейчас я вылечу твою руку.

– *Нет!* – крикнул Гарри. – Пусть лучше так, спасибо...

Он попробовал сесть, но тело пронзила невыносимая боль. Где-то рядом послышалось знакомое шелканье.

– Я не хочу, чтобы ты это снимал, Колин, – громко сказал Гарри.

– Полежи-ка смирно, – ласково уговаривал Чаруальд. – Обычное заклинание, я это проделывал тысячи раз...

– А почему нельзя в лазарет? – выдавил Гарри сквозь стиснутые зубы.

– И правда, профессор, – поддержал заляпанный грязью Древ; в его команде пострадал Ловчий, но капитан все равно расплывался в улыбке. – Вот это рывок, Гарри, потрясающее зрелище, ты буквально превзошел себя...

Сквозь лес ног Гарри увидел, как близнецы Уизли с превеликим трудом заталкивают Нападалу в ящик. Нападала бешено сопротивлялась.

– Отойдите, – сказал Чаруальд, закатывая рукава нефритово-зеленой мантии.

– Нет... не надо... – воспротивился Гарри, но он был слишком слаб; Чаруальд повертел волшебной палочкой и направил ее прямо на покалеченную руку.

Странное, неприятное ощущение возникло в плече и быстро расплзлось по руке до самых кончиков пальцев. Из руки будто выпустили воздух. Гарри даже не решался посмотреть, что с ней происходит. Он зажмурился, отвернулся, но худшие его опасения вскоре подтвердились: собравшиеся дружно заахали, затвор фотоаппарата бешено защелкал. Рука больше не болела – но и рукой больше не была.

– Ой, – сказал Чаруальд, – что ж. Бывает. Главное, кости больше не сломаны. Вот о чем надо помнить. Теперь, Гарри, топай в лазарет... А, мистер Уизли, мисс Грейнджер – как кстати! Вы его не проводите? Мадам Помфри немножечко тебя... ммм... подправит.

Гарри встал. Его как-то скособочило. Он глубоко вдохнул, взглянул на правую руку. И снова чуть не упал в обморок.

Из рукава высовывалась какая-то толстая резиновая перчатка телесного цвета. Гарри попытался пошевелить пальцами. Без толку.

Чаруальд не вылечил кости. Он их попросту удалил.

Мадам Помфри очень рассердилась.

– Надо было сразу же идти ко мне! – возмущенно воскликнула она, приподняв пальцами несчастное, безжизненное воспоминание о том, что всего полчаса назад было здоровой, нормально функционирующей рукой. – Кости я вылечиваю за полсекунды, но вот растить их заново...

– Но вы же сможете, да? – отчаянно спросил Гарри.

– Разумеется, но будет больно, – мрачно произнесла мадам Помфри, бросая Гарри пижаму. – Тебе придется здесь переночевать...

Койку занавесили, и Гермиона подождала снаружи, а Рон помог Гарри переодеться. Запихнуть резиновую руку без костей в рукав оказалось не так-то просто.

– Ну, что ты теперь скажешь про Чаруальда, Гермиона? – окликнул Рон из-за занавески, пропихивая безжизненные пальцы в манжету. – Можно подумать, Гарри мечтал остаться без костей.

– Каждый может ошибиться, – отрезала Гермиона. – И потом, ведь рука больше не болит, правда, Гарри?

– Не болит, – согласился Гарри, забираясь в постель. – Но и ничего другого тоже не делает.

Он откинулся на подушки, и рука бессмысленно подпрыгнула.

Гермиона вместе с мадам Помфри зашла за занавеску. Фельдшерица принесла большую бутылку с надписью «СкелеРост».

– Ночка предстоит трудная, – сказала она, налила дымящуюся жидкость в стаканчик и протянула Гарри. – Заново кости выращивать – малоприятное занятие.

Пить «СкелеРост» тоже было малоприятно. Он обжигал рот и горло. Гарри закашлялся, захлебнулся. Мадам Помфри удалилась, недовольно цокая языком и сокрушаясь по поводу опасных видов спорта и безответственности учителей. Рон и Гермиона остались и дали Гарри воды запить микстуру.

– Все равно мы победили, – вспомнил Рон и разулыбался. – Как ты его поймал!.. И надо было видеть Малфоя – дай ему волю, он бы тебя убил!

– Хотела бы я знать, как он околдовал Нападалу, – хмуро промолвила Гермиона.

– Надо внести это в список вопросов, которые мы ему зададим, когда примем всеэссенцию, – сказал Гарри, опускаясь на подушки. – Надеюсь, вкус у нее не такой противный...

– С кусочками-то слизеринцев? Размечтался, – сказал Рон.

Тут дверь распахнулась. Насквозь мокрые и грязные, ввалились игроки гриффиндорской команды.

– Вот это был полет, Гарри, – сказал Джордж. – Я только что слышал, как Маркус Флинт орал на Малфоя. Мол, некоторые не замечают Проныру, даже когда он у них на голове. Малфой, мягко говоря, не сильно-то радовался.

Они принесли пирожные, конфеты, бутылки с тыквенным соком. Все расселись вокруг койки и совсем было приготовились устроить роскошный пир, но тут явилась мадам Помфри и закричала:

– Мальчику нужен покой! Что вы себе думаете! Ему предстоит вырастить тридцать три кости! Идите отсюда! ИДИТЕ!

Гарри остался один, и уже ничто не отвлекало его от резкой пульсирующей боли в неподвижной руке.

Через много часов Гарри неожиданно очнулся в кромешной темноте и сдавленно вскрикнул: в руку словно понатыкали здоровенных заноз. Сначала он решил, что от этого и проснулся. Но затем с ужасом осознал, что кто-то вытирает ему лоб влажной губкой.

– Уйдите! – громко сказал он, а потом: – *Добби!*

На него из темноты уставились огромные фосфоресцирующие теннисные мячики. По длинному острому носу домового эльфа сбегала одинокая слеза.

– Гарри Поттер вернулся в школу, – горестно зашептал эльф. – Добби много раз предупреждал Гарри Поттера. Ах, сэр, отчего вы не послушались Добби? Отчего Гарри Поттер не поехал домой, когда опоздал на поезд?

Гарри с трудом сел и отпихнул губку.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он. – И откуда знаешь, что я опоздал на поезд?

У Добби задрожали губы, и Гарри охватило страшное подозрение.

– Так это *ты!* – медленно выговорил он. – *Ты* заколдовал барьер, чтоб он нас не пустил!

– Да, сэр, это я, – ответил Добби, яростно кивая и хлопая ушами по щекам. – Добби прятался и следил за Гарри Поттером, а потом запечатал барьер. За это Добби пришлось жечь себе руки утюгом, – он показал Гарри десять длинных забинтованных пальцев, – но Добби не боялся мучений, сэр, потому что считал, что так спасает Гарри Поттера, Добби и в голову не приходило, что Гарри Поттер доберется до школы другим путем!

Он раскачивался взад и вперед, тряся уродливой головой.

– Добби был очень потрясен, когда узнал, что Гарри Поттер вернулся в «Хогварц», он даже не заметил, что подгорел хозяйский ужин! Такой порки Добби еще не задавали, сэр...

Гарри бессильно упал на подушки.

– Нас с Роном из-за тебя чуть не исключили, – яростно зашипел он. – Лучше убирайся, пока у меня кости не выросли, понял, Добби? А то задущу.

Добби слегка улыбнулся:

– Добби привык к смертельным угрозам, сэр. Дома Добби слышит их по пять раз на дню.

Он высморкался в уголок своей засаленной наволочки, и вид его был так жалок, что гнев Гарри сам собою испарился.

– Почему ты это носишь? – любопытствовал он.

– Это, сэр? – переспросил Добби, прищипывая наволочку пальцами. – Для домовых эльфов это символ рабства, сэр. Добби

может освободиться, сэр, только если хозяин подарит ему одежду. Но члены семьи осторожны, сэр, никогда не дадут Добби в руки никакой одежды, даже носка, иначе Добби сможет освободиться и навсег да уйти.

Добби промокнул вытаращенные глаза и вдруг закричал:

– Гарри Поттер должен уехать домой! Добби думал, что Нападалы будет достаточно...

– Нападалы? – переспросил Гарри, и его гнев вернулся с прежней силой. – Что значит Нападалы будет достаточно? Это ты заколдовал Нападалу?! Чтобы он меня убил?!

– Убил? Никогда, сэр! – возопил шокированный Добби. – Добби хотел спасти жизнь Гарри Поттеру! Лучше сильно покалечиться и уехать, чем оставаться здесь, сэр! Добби только хотел, чтобы Гарри Поттер серьезно пострадал и его отправили домой!

– Да неужели? Всего-навсего? – ядовито осведомился Гарри. – И, надо думать, ты не объяснишь, *зачем* тебе понадобилось, чтобы меня отправили домой в расчлененном виде?

– Ах, если б только Гарри Поттер знал! – застонал Добби, и новые потоки слез полились на рваную наволочку. – Если б знал, что он значит для нас, низких рабов, для нас, отбросов колдовского мира! Добби помнит, сэр, каково было при Том-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, когда он был на вершине власти! С домовыми эльфами обращались как с недостойными червями, сэр! С Добби, разумеется, и по сей день так обращаются, сэр, – прибавил эльф, вытирая лицо наволочкой. – Но в основном жизнь моего народа стала намного лучше, сэр, после вашей победы над Тем-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. Гарри Поттер выжил, Черный Лорд был сломлен, и возшла новая заря, сэр, Гарри Поттер засиял путеводной звездой для нас, тех, кто боялся, что черные дни никогда не минуют, сэр... А теперь!.. Страшные вещи вот-вот произойдут в «Хогварце» – быть может, уже происходят, – и Добби не должен позволить Гарри Поттеру оставаться здесь! Сейчас, когда история готова повториться, когда Тайная комната вновь открыта...

Добби вдруг умолк точно громом пораженный, схватил кувшин с тумбочки, саданул доньшком себе по голове, свалился с койки и исчез из виду. Потом снова вскарабкался на край постели (оба глаза съехались к переносице) и забубнил:

– Плохой Добби, ужасно плохой Добби...

– Значит, Тайная комната существует? – прошептал Гарри. – И... ты говоришь, она уже открывалась *раньше*? Скажи мне, Добби! – Он вцепился в костлявое запястье, успев перехватить руку эльфа на полпути к кувшину. – Я же не муглорожденный, мне-то она чем угрожает?

– Ах, сэр, не спрашивайте, ничего больше не спрашивайте у бедного Добби, – залепетал эльф, светя в темноте глазищами. – Тут затеваются темные дела, но Гарри Поттер должен быть вдали отсюда, когда разразится гроза, – поезжайте домой, домой, Гарри Поттер. Гарри Поттер не должен впутываться, сэр, слишком опасно...

– Но кто, Добби? – не отступал Гарри, сжимая эльфу запястье, чтобы тот не начал снова колотить себя кувшином по голове. – Кто открыл Комнату? Кто открывал ее в прошлый раз?

– Добби не может, сэр, Добби не может, Добби не должен говорить! – завизжал эльф. – Отправляйтесь домой, Гарри Поттер, отправляйтесь домой!

– Никуда я не отправлюсь! – свирепо рявкнул Гарри. – Моя лучшая подруга – из семьи муглов; она будет первой на очереди, если Комната открыта...

– Гарри Поттер готов рисковать собственной жизнью ради друзей! – простонал Добби в некоем упоении отчаяния. – Как благородно! Какое геройство! Но он обязан позаботиться о себе, обязан спасти себя, Гарри Поттер не должен...

Добби замер, и его большие, как у летучей мыши, уши затрепетали. Гарри тоже что-то услышал: в коридоре за дверью раздались шаги.

– Добби должен идти! – испуганно выдохнул эльф. Раздался громкий щелчок, и оказалось, что рука Гарри сжимает только воздух.

Мальчик лег, напряженно глядя на дверь. Шаги приближались.

Вскоре в палату, пятась задом, стал медленно заходить Думбльдор в длинном байковом халате и ночном колпаке. Держа за голову, он вносил нечто длинное, напоминавшее статую. Вскоре появились и ноги – их держала профессор Макгонаголл. Дружным усилием они водрузили статую на койку.

– Позовите мадам Помфри, – шепнул Думбльдор, и профессор Макгонаголл торопливо скрылась из виду, пройдя мимо изножья койки Гарри. Тот лежал очень тихо и притворялся спящим. До него

донеслись взволнованные голоса. Снова пробежала профессор Макгонаголл. За ней по пятам стремительно шла мадам Помфри. Она натягивала кофту поверх ночной рубашки. Гарри услышал, как она судорожно ахнула.

– Что случилось? – шепотом спросила мадам Помфри у Думбльдора, склоняясь над неподвижной статуей.

– Еще одна жертва, – ответил Думбльдор. – Минерва нашла его на лестнице.

– Рядом с ним лежала гроздь винограда, – сказала профессор Макгонаголл. – Мы думаем, он собирался тайком навестить Поттера.

В груди у Гарри что-то сжалось. Медленно, осторожно он приподнялся так, чтобы заглянуть в лицо статуи. Лунный свет падал на лоб и отражался в открытых неподвижных глазах.

Колин Криви. Глаза невидяще смотрят вверх, в вытянутых руках фотоаппарат.

– Окаменел? – прошептала мадам Помфри.

– Да, – подтвердила профессор Макгонаголл. – Но мне страшно подумать... если бы Альбус не сошел за горячим шоколадом... кто знает, что бы могло случиться...

Втроем они склонились над Колином. Затем Думбльдор высвободил фотоаппарат из крепко сжатого кулачка.

– Думаете, он успел сфотографировать злодея? – с надеждой спросила профессор Макгонаголл.

Думбльдор не ответил. Он открыл заднюю крышку.

– Всемиловитые небеса! – воскликнула мадам Помфри.

Из фотоаппарата с шипением пополз дым. Гарри через три койки почуял едкий запах горячей пластмассы.

– Расплавилось, – изумилась мадам Помфри. – Все расплавилось...

– Что все это значит, Альбус? – горячо спросила профессор Макгонаголл.

– Это значит, – ответил Думбльдор, – что Тайная комната и в самом деле снова открыта.

Мадам Помфри зажала рот ладонью. Профессор Макгонаголл воззрилась на Думбльдора:

– Но, Альбус... помилуйте... *кто* же это?

– Вопрос не в том кто, – задумчиво пробормотал Думбльдор, – вопрос в том *как*...

Судя по лицу профессора Макгонаголл, она поняла ничуть не больше Гарри.

Глава одиннадцатая

Клуб дуэлянтов

Воскресным утром Гарри проснулся и обнаружил, что палату заливают яркое зимнее солнце и, хотя рука сильно онемела, все кости снова на месте. Он резко сел и посмотрел на койку, где лежал Колин, но ее огородили высокой ширмой – той самой, за которой Гарри вчера переодевался. Увидев, что пациент проснулся, мадам Помфри решительно внесла поднос с завтраком и принялась сгибать, разгибать, разминать ему руку и пальцы.

– Все в порядке, – сказала она, наблюдая, как Гарри левой рукой неловко управляет с овсянкой. – Поешь и можешь идти.

Гарри оделся как мог быстро и побежал в гриффиндорскую башню, сгорая от нетерпения рассказать Рону с Гермионой про Добби и про Колина. Однако его друзей в общей гостиной не было. Он отправился на поиски, недоумевая, куда они могли уйти, и немножко обижаясь, что им не пришлось в голову поинтересоваться, выросли у него кости или нет.

У библиотеки Гарри столкнулся с Перси Уизли – тот горделиво выходил из дверей, сегодня – явно в приподнятом настроении.

– О, здравствуй, Гарри! – приветливо сказал он. – Отлично летал вчера, просто великолепно. «Гриффиндор» теперь может претендовать на кубок школы – ты заработал пятьдесят баллов!

– Ты случайно не видел Рона или Гермиону? – спросил Гарри.

– Случайно нет, – ответил Перси, и его улыбка слегка притухла. – Надеюсь, Рон не в женском туалете...

Гарри выдавил смешок, подождал, пока Перси скроется из виду, и направился к туалету Меланхольной Миртл. Он не представлял себе, что могло там понадобиться его друзьям, но все же, убедившись, что поблизости нет ни Филча, ни старост, сунулся внутрь и услышал знакомые голоса из запертой кабинки.

– Это я, – сказал он, закрывая за собой дверь.

Из кабинки донеслось звяканье, всплеск и сдавленный вскрик. В замочной скважине показался настороженный глаз Гермионы.

– Гарри! – воскликнула она. – Ты нас так напугал! Входи... как рука?

– Нормально, – ответил Гарри, протискиваясь в кабинку. На унитаз был водружен старый котел. Под ободком унитаза потрескивало – Гермиона развела под котлом огонь. Компактные, портативные, водонепроницаемые костры удавались ей блестяще.

– Мы бы пришли за тобой, но решили, что чем раньше займемся всеэссенцией, тем лучше, – объяснил Рон. Гарри между тем не без труда запер дверь кабинки. – Мы подумали, здесь будет безопаснее всего.

Гарри начал было рассказывать о Колине Криви, но Гермиона прервала:

– Мы уже знаем – утром слышали, как профессор Макгонаголл рассказывала профессору Флитвику. Потому и решили начать поскорее.

– Надо срочно вырвать у Малфоя признание, – воинственно заявил Рон. – Знаешь, что я думаю? После матча он сорвал свое дрянное настроение на Колине.

– Я еще кое о чем хотел рассказать, – проговорил Гарри, наблюдая, как Гермиона разрывает пучки спорыша и бросает их в варево. – Среди ночи меня навестил Добби.

Гермиона и Рон в удивлении подняли глаза. Гарри передал им все, что сказал Добби, – а также то, о чем Добби *не сказал*. Гермиона и Рон слушали, раскрыв рты.

– Тайная комната открывалась и *раньше*? – переспросила Гермиона.

– Теперь все понятно, – объявил Рон с триумфом в голосе. – Видимо, Люциус Малfoy открыл ее, когда еще учился в школе, а сейчас научил своего дорогого Драко. Все очевидно. Жалко, что Добби не сказал, какой там спрятан монстр. Мне просто интересно, почему никто его до сих пор не видел.

– Может, он способен становиться невидимым? – предположила Гермиона, проталкивая пиявок на дно котла. – А может, умеет маскироваться? Например, под рыцарские доспехи. Я читала про упырей-хамелеонов...

— Слишком много ты читаешь, Гермиона, — заявил Рон, отправляя вслед за пиявками дохлых златоглазок. Он смял опустевший пакетик и посмотрел на Гарри: — Значит, это Добби не дал нам сесть в поезд и сломал тебе руку... — Он покачал головой. — Знаешь что? Если он не прекратит спасать тебе жизнь, то, пожалуй, скоро тебя укокошит.

Весть о том, что на Колина Криви совершено нападение и теперь он лежит в лазарете все равно что мертвый, к утру понедельника распространилась по всей школе. В воздухе носились всевозможные слухи и домыслы. Первоклассники ходили по замку тесными стайками, опасаясь, что будут атакованы, если осмелятся пройти по коридору в одиночку.

Джинни Уизли, сидевшая рядом с Колином Криви на заклинаниях, была очень подавлена. Фред с Джорджем старались ее развеселить, но, как считал Гарри, совершенно дурацким способом. Они без устали покрывали сами себя мехом или волдырями и выпрыгивали на бедную Джинни из-за статуй. Они прекратили это занятие, лишь когда Перси, багровый от возмущения, пригрозил написать миссис Уизли и сообщить ей, что у Джинни ночные кошмары.

Тем временем, тайно от учителей, в школе процветала нелегальная торговля талисманами, амулетами и прочими оберегами. Невилл Лонгботтом купил большую вонючую луковицу, заостренный пурпурный кристалл и протухший тритоний хвост. Гриффиндорцы пробовали его успокоить — раз Невилл чистокровный колдун, вряд ли ему грозит нападение.

— Первым напали на Филча, — возразил Невилл, и его круглое лицо в испуге скривилось. — А всем известно, что я почти полный швах.

На второй неделе декабря профессор Макгонаголл, как всегда, составляла список тех, кто остается в школе на Рождество. Гарри, Рон и Гермиона записались; они прослышали, что Малфой тоже остается, и сочли это весьма подозрительным. Лучше всего воспользоваться всеэссенцией и попробовать вырвать у Малфоя признание на каникулах.

К сожалению, всеэссенция была готова лишь наполовину. По-прежнему недоставало толченого рога двурога и кожи бумсланга, а достать их можно было только в частном хранилище Злея. Гарри на этот счет думал так: лучше встретиться лицом к лицу с мифическим

слизеринским монстром, чем попасться Злею за ограблением его кабинета.

По расписанию пара зельеделия была во второй половине дня в четверг, и час неумолимо приближался.

– Нам всего-то и нужно, – небрежно сказала Гермиона, – его отвлечь. Тогда кто-то из нас проберется к нему в хранилище и возьмет что требуется.

Гарри с Роном испуганно посмотрели на нее.

– Мне кажется, красть лучше всего мне, – продолжала Гермиона невозмутимо. – Вас за любой новый проступок исключат, а у меня досье чистое. Вы только устройте суматоху, чтобы Злей минут пять был занят.

Гарри неуверенно улыбнулся. Устраивать суматоху на занятиях у Злея – все равно что тыкать спящего дракона в глаз.

Занятия по зельеделию проходили в просторном подземелье. В четверг все шло как обычно. Двадцать котлов дымились между деревянными столами, где стояли банки с ингредиентами и медные весы. Злей расхаживал в клубах пара, отпуская ядовитые замечания в адрес гриффиндорцев. Слизеринцы одобрительно ухмылялись. Драко Малфой, любимый ученик Злея, все время кидался в Гарри и Рона глазами рыбы-собаки. И оба знали: стоит ответить – и, не успеешь сказать «нечестно», на тебя обрушится кара.

Раздувающий раствор получился у Гарри жиже, чем нужно, но это его не тревожило – у него на уме были вещи поважнее. Он ждал сигнала от Гермионы и даже не очень-то прислушивался, когда Злей остановился рядом, потешаясь над водянистым зельем. Когда Злей отправился издеваться над Невиллом, Гермиона поймала взгляд Гарри и кивнула.

Гарри поспешно присел за котел, достал из кармана филибустеровскую петарду и легонько ткнул ее волшебной палочкой. Петарда принялась шипеть и плевать. Зная, что у него в запасе всего несколько секунд, Гарри выпрямился, прицелился и подкинул петарду; она приземлилась прямехонько в цель – в котел к Гойлу.

Зелье взорвалось, брызги полетели по всему классу. Многих задело; все визжали. Малфоем обдало лицо, и нос его начал раздуваться, как воздушный шар; Гойл слепо натыкался на столы, ладонями закрыв глаза, которые стали как обеденные тарелки; Злей тем временем

пытался восстановить спокойствие и выяснить, что случилось. Посреди всеобщего замешательства Гермiona, заметил Гарри, тихонько проскользнула в хранилище.

– Тихо! ТИХО! – заорал Злей. – Все, на кого попали капли, подойдите и примите сдуватель... Когда выясню, кто это сделал...

Гарри еле сдерживал смех: первым к столу Злея понесся Малфой, едва волоча тяжеленный нос-дыню. Вскоре у стола толпилось полкласса – одни не могли поднять руки-грабли, другим раздувшиеся губы мешали говорить. Между тем Гермiona незаметно вернулась в подземелье. Мантия у нее на груди слегка оттопыривалась.

Когда все, кому требовалось, приняли противоядие и разнообразные опухоли стали уменьшаться, Злей подошел к котлу Гойла и выудил черные остатки петарды. Воцарилось молчание.

– Если я когда-нибудь узнаю, кто ее бросил, – зловеще прошептал Злей, – *я не успокоюсь*, пока виновного не исключат.

Гарри срочно скроил озадаченную, как он надеялся, гримасу. Злей смотрел прямо на него, и звон колокола, прозвучавший десять минут спустя, пришелся как нельзя более кстати.

– Он догадался, что это я, – сказал Гарри Рону и Гермионе по дороге к туалету Меланхольной Миртл. – Я сразу понял.

Гермиона бросила новые составляющие в котел и начала энергично помешивать.

– Через две недели будет готово, – радостно объявила она.

– Злей не докажет, что это ты, – утешил друга Рон. – Что он может сделать?

– Зная Злея... Что-нибудь ужасное, – обреченно вздохнул Гарри.

Зелье фырчало и пузырилось.

Неделей позже Гарри, Рон и Гермiona увидели стайку ребят, собравшихся у доски объявлений в вестибюле. Все читали только что вывешенный пергамент. Шеймас Финниган и Дин Томас возбужденно поманили троицу к себе.

– Открывается Клуб дуэлянтов! – сказал Шеймас. – Вечером первое собрание! Я бы не возражал против дуэльных уроков: в наши дни очень даже ценная вещь...

– Думаешь, слизеринский монстр дерется на дуэлях? – съязвил Рон, но тоже прочел объявление с интересом. – Может быть

полезно, – заметил он Гарри и Гермионе, когда они отправились на ужин. – Запишемся?

Те охотно согласились, и в восемь вечера они втроем поспешили назад в Большой зал. Длинные столы исчезли, вдоль одной стены появилась золотая сцена, подсвеченная тысячами плавающих в воздухе свечей. Потолок был бархатно-черный, а под ним собралась почти вся школа – все с волшебными палочками, у всех на лицах радостное предвкушение.

– Интересно, кто нас будет учить? – спросила Гермиона, когда они втиснулись в галдящую толпу. – Мне кто-то говорил, что Флитвик в молодости был чемпионом среди дуэлянтов. Вдруг он и будет?

– Лишь бы не... – начал Гарри, но осекся и застонал: на сцену взошел Сверкароль Чаруальд, неотразимый в фиолетовых одеждах. Вместе с ним вышел Злей, по обыкновению, в черном.

Чаруальд помахал рукой, прося тишины, и провозгласил:

– Подходите ближе, подходите! Всем меня видно? Всем слышно? Превосходно!.. Начнем, пожалуй! Профессор Думбльдор разрешил мне открыть этот маленький Клуб дуэлянтов, чтобы научить вас защищаться, если понадобится, как сотни и тысячи раз делал я, – за подробностями обращайтесь к моим опубликованным работам... И позвольте представить моего ассистента, профессора Злея, – продолжал Чаруальд, сверкнув широчайшей улыбкой. – Он признался, что сам немножечко знаком с дуэльным делом и по-товарищески согласился помочь мне кое-что продемонстрировать, прежде чем мы начнем заниматься. И хочу вас успокоить, молодежь, – по окончании представления вы получите своего учителя зельеделия назад целым и невредимым, не бойтесь!

– Вот бы они прикончили друг друга, а? – шепнул Рон на ухо Гарри.

Злей кривил верхнюю губу. Гарри не понимал, как это Чаруальд еще улыбается; если бы Злей так смотрел на Гарри, тот бы давным-давно бежал куда подальше со страшной скоростью.

Чаруальд и Злей повернулись лицом друг к другу и поклонились; по крайней мере, Чаруальд поклонился, замысловато помахая руками, – Злей лишь раздраженно дернул головой. Затем они подняли волшебные палочки, точно мечи.

– Как видите, мы держим палочки в общепринятой боевой позиции, – объяснил Чаруальд притихшей аудитории. – На «счет» три мы выкрикнем первое заклинание. Никто, разумеется, не собирается никого убивать.

– Я бы не был так уверен, – пробормотал Гарри, увидев, как оскалился Злей.

– Раз... два... три...

Оба взмахнули палочками над головой и указали на оппонента; Злей выкрикнул: «Экспеллиармус!» Вспыхнул ослепительный малиновый свет, и Чаруальда сбilo с ног: он слетел со сцены, спиной вмазался в стену и сполз по ней на пол.

Малфой и некоторые другие слизеринцы радостно завопили. Гермиона подпрыгивала на цыпочках.

– Как думаете, он цел? – тихо взвизгнула она, зажимая рот руками.

– Кому какое дело? – хором ответили Гарри и Рон.

Чаруальд неуверенно поднимался на ноги. С него слетела шляпа, кудри встали дыбом.

– Что же, вот вам, пожалуйста! – сказал он, рысцой возвращаясь на подмостки. – Это было разоружное заклятие – как видите, я потерял палочку... ага, спасибо, мисс Браун... Да, прекрасная мысль – показать им это заклятие, дорогой Злей, но, если позволите заметить, было совершенно очевидно, что именно вы собираетесь сделать. Пожелай я воспрепятствовать, это бы не составило труда, однако я счел, что ребятам полезно увидеть этот прием...

Взгляд у Злея был убийственный. Возможно, Чаруальд заметил, потому что сказал:

– Достаточно демонстраций! Теперь я разобью вас на пары. Профессор Злей, если хотите, можете мне помочь...

Они шли сквозь толпу, подбирая партнеров. Чаруальд поставил Джастина Финч-Флетчи в пару Невиллу, но до Гарри с Роном первым добрался Злей.

– Не пора ли разбить наш идеальный союз? – усмехнулся он. – Уизли, твоим партнером будет Финниган. Поттер...

Гарри автоматически шагнул к Гермионе.

– Ничего подобного, – заявил Злей, холодно улыбаясь. – Мистер Малфой, подойдите сюда. Давайте посмотрим, что вы сможете

сделать с нашей знаменитостью. А вы, мисс Грейнджер, – вы с мисс Балстроуд.

Малфой подошел, ухмыляясь, гордый и развязный. Следом шла слизеринка, живо напомнившая Гарри одну картинку, которую он видел в «Каникулах с колдуньями». Она была крупная и квадратная, с агрессивно выдающейся нижней челюстью. Гермиона слабо ей улыбнулась, но ответа не получила.

– Повернитесь к партнеру! – распорядился Чаруальд со сцены. – И поклонитесь!

Гарри с Малфоем едва заметно склонили головы, не сводя друг с друга глаз.

– Палочки наготове! – крикнул Чаруальд. – Когда я сосчитаю до трех, наложите заклятие и разоружите противника – только *разоружите*, – нам не нужны несчастные случаи. Раз... два... три!

Гарри занес палочку над головой, но Малфой сжульничал и начал на счете «два»: его заклятие ударило Гарри с такой силой, будто на голову обрушилась большая чугунная сковорода. Он пошатнулся, но не упал и, не теряя больше времени, наставил волшебную палочку на Малфоя и выкрикнул:

– Риктусемпра!

Серебристая молния саданула Малфоя в живот; он согнулся пополам, задыхаясь.

– Я сказал, только разоружить! – в тревоге закричал Чаруальд поверх голов, поскольку Малфой медленно оседал на пол: Гарри ударил по нему Щекочарой, и Малфой так извивался от хохота, что не устоял на ногах.

Гарри отошел в сторонку: вроде нечестно добивать Малфоя, когда тот лежит на полу, и в этом была его ошибка; ловя ртом воздух, Малфой ткнул палочкой ему в колени, сдавленно выкрикнул:

– Таранталлегра! – и в ту же секунду ноги перестали Гарри слушаться и принялись отплясывать квикстеп.

– Стоп! Стоп! – завопил Чаруальд.

Тут Злей взял ситуацию под контроль.

– Фините Инкантатем! – проревел он; ноги у Гарри прекратили бешеный танец, Малфой перестал хихикать, и оба смогли поднять головы.

Над сценой висели клубы зеленоватого тумана. Невилл с Джастином, отдуваясь, валялись на полу; Рон поднимал пепельно-серого Шеймаса и извинялся за все, что натворила его сломанная палочка; но Гермиона и Миллисент Балстроуд все еще боролись; Миллисент обхватила Гермиону за голову, а та хныкала от боли; обе палочки валялись забытые на полу. Гарри прыгнул к ним и стал оттаскивать Миллисент. Это оказалось нелегко: она была гораздо крупнее Гарри.

– Дорогие мои, что же это! – восклицал Чаруальд, бегая между дуэлянтами и взирая на последствия сражения. – Вставай же, Макмиллан... Осторожнее, мисс Фоссетт... Зажми посильнее, и кровь перестанет, Бут... Пожалуй, я лучше поучу вас блокировать враждебные заклятия, – остолбенело пролепетал Чаруальд, стоя посреди зала. Он покосился на Злея – тот грозно сверкнул черными глазами – и быстро отвел взгляд. – Нам нужна пара добровольцев. Лонгботтом и Финч-Флетчи, не желаете?..

– Не лучшая идея, профессор Чаруальд, – проговорил Злей, скользнув ближе, точно огромная и зловещая летучая мышь. – Лонгботтом элементарнейшими заклинаниями способен разрушить мир. То, что останется от Финч-Флетчи, придется отослать в лазарет в спичечном коробке. – Круглое, розовое лицо Невилла порозовело еще сильнее. – Скажем, Малфой и Поттер? – криво усмехнулся Злей.

– Прекрасная мысль! – обрадовался Чаруальд и поманил обоих в середину зала. Все расступились, освобождая проход. – Смотри, Гарри, – сказал Чаруальд. – Когда Драко прицелится, сделай вот так.

Он вознес свою палочку в воздух, произвел ею некие сложносочиненные манипуляции и тут же уронил. Злей презрительно скривился, а Чаруальд поспешно подобрал палочку со словами:

– Ой, она сегодня перетрудилась...

Злей придвинулся поближе к Малфой и зашептал ему на ухо. Малфой заухмылялся. Гарри испуганно поднял глаза на Чаруальда и попросил:

– Профессор, покажите мне, пожалуйста, еще раз эту блокировку.

– Струсил? – вполголоса пробормотал Малфой, так, чтобы Чаруальд не услышал.

– Еще чего, – прошипел Гарри уголком рта.

Чаруальд ободряюще потрепал Гарри по плечу:

– Делай, как я показал, и все будет в порядке!

– Что делать? Уронить палочку?

Но Чаруальд не слушал.

– Три... два... один – начали! – выкрикнул он.

Малфой мгновенно взмахнул палочкой и завопил:

– Серпенсорция!

Волшебная палочка извергла залп. Гарри в немом ужасе смотрел, как из нее вылетела длинная черная змея, тяжело упала на пол между дуэлянтами и вскинула голову, готовая ужалить. Раздались вопли, толпа молниеносно отступила, вокруг Гарри и Малфоя образовалась пустота.

– Не шевелись, Поттер, – лениво бросил Злей, с очевидным наслаждением наблюдая, как тот застыл перед разъяренной змеей. – Сейчас я ее уберу...

– Позвольте мне! – крикнул Чаруальд.

Он помахал палочкой, раздалось громкое «бум-м!», а змея, вместо того чтоб исчезнуть, взлетела на десять футов и звучно шмякнулась об пол. В ярости, злобно шипя, она стремительно заскользила к Джастину Финч-Флетчи, опять подняла голову, обнажила зубы и приготовилась к нападению.

Гарри не понял, почему решил действовать. Он даже не заметил, как решил. Он только почувствовал, что ноги, точно на роликах, понесли его вперед, и он как дурак закричал на змею:

– Оставь его в покое!

И – чудо! – необъяснимо – змея бессильно опустилась на пол, послушно свернувшись, будто толстый и черный садовый шланг, и уставила на Гарри спокойные глазки. Гарри уже не боялся. Он знал, что змея больше никого не тронет, хотя и не смог бы объяснить, с чего он это взял.

Он с улыбкой повернулся к Джастину, ожидая прочесть у того на лице облегчение, или озадаченность, или даже благодарность – но отнюдь не испуг и злобу.

– Ты что затеял? – крикнул Джастин и, не успев Гарри произнести хоть слово, повернулся и пулей вылетел из зала.

Злей выступил вперед, взмахнул палочкой, и змея растворилась в воздухе облачком черного дыма. Злей тоже смотрел на Гарри странно – настороженно, проницательно, словно что-то вычислял, и Гарри

такой взгляд совсем не понравился. Он также смутно различал, что отовсюду доносится злое бормотание. Потом кто-то потянул его сзади за мантию.

– Пошли, – сказал голос Рона ему в ухо, – пошли скорей, давай...

Рон вывел его из зала, Гермиона торопилась следом. У дверей народ шарахнулся по сторонам, словно опасаясь подцепить заразу. Гарри совершенно не понимал, в чем дело, и ни Рон, ни Гермиона ничего не объясняли, пока не пришли в пустую гриффиндорскую гостиную. Там Рон втолкнул Гарри в кресло и сказал:

– Ты змееуст! Ты почему не говорил?

– Кто я? – переспросил Гарри.

– *Змееуст!* – повторил Рон. – Ты разговариваешь по-змеиному!

– А, ну да, – сказал Гарри. – То есть я имею в виду, это только второй раз в жизни. Однажды в зоопарке я случайно натравил боа-констриктора на моего двоюродного братца Дудли – длинная история, – но боа-констриктор рассказал мне, что не бывал в Бразилии, и я его как бы освободил, только я не собирался – я тогда еще не знал, что колдун...

– Боа-констриктор сказал тебе, что не бывал в Бразилии? – слабым голосом выговорил Рон.

– Ну и что с того? Наверняка тут найдется куча народу, которые тоже так могут!

– Да вот и нет, ничего подобного, – сказал Рон. – Это довольно редкий дар. Гарри, это очень плохо.

– Что плохо? – не понял Гарри. Он уже начинал сердиться. – Что с вами со всеми? Слушайте, если б я не сказал этой змее отстать от Джастина...

– А, вот что ты ей сказал?

– В смысле? Ты там был... ты сам слышал...

– Я слышал, как ты говоришь на серпентарго, – сказал Рон, – на змеином языке. Но это могло быть что угодно... ничего удивительного, что Джастин перепугался. Казалось-то, что ты ее натравливаешь... это было страшно, понимаешь?

Гарри уставился на Рона:

– Я разговаривал на другом языке? Но... я даже не понял... Как можно говорить на другом языке и не знать, что ты на нем говоришь?

Рон покачал головой. Они с Гермионой оба смотрели так, словно кто-то умер. Гарри не понимал, что такого ужасного произошло.

– Да, я не дал огромной змее откусить Джастину голову. Что тут плохого? – возмутился он. – Какая разница, *как* я это сделал, если Джастину не придется вступать в Безголовую Братию?

– Есть разница, – наконец глухо заговорила Гермиона. – Потому что умением говорить на серпентарго славился Салазар Слизерин. Поэтому символ «Слизерина» – змея.

Гарри открыл рот.

– Вот-вот, – сказал Рон. – И теперь вся школа решит, что ты его прапрапраправнук...

– Но ведь это не так, – сказал Гарри в необъяснимой панике.

– Это трудно доказать, – отозвалась Гермиона. – Он жил лет эдак тысячу назад; ты вполне можешь быть его потомком.

Ночью Гарри лежал без сна. Через щелку между занавесями балдахина он наблюдал, как за окном башни кружат снежинки, и думал, думал...

Может ли он в самом деле быть потомком Салазара Слизерина? В конце концов, он ведь ничего не знает об отцовской семье. Дурслеи не разрешали задавать вопросы о колдовских родственниках.

Гарри попробовал тихонько сказать что-нибудь на серпентарго. Ничего не вышло. Похоже, надо оказаться с глазу на глаз со змеей, чтобы с ней заговорить.

«Но я же в “Гриффиндоре”, – думал Гарри. – Шляпа-Распределница никогда бы не поместила меня сюда, если бы во мне текла кровь Слизерина...»

«Между прочим, – сказал противный тихий голос у него в голове, – Шляпа-Распределница *собиралась* отправить тебя в “Слизерин”, не помнишь, что ли?»

Гарри заворочался. Завтра на гербологии он увидит Джастина и объяснит ему, что отзывал змею, а вовсе не натравливал, как подумали эти болваны (сердито добавил он про себя, пнув кулаком подушку).

Наутро, однако, ночной снежок превратился в буран такой силы, что последний урок гербологии в семестре отменили. Профессор Спарж должна была одеть мандрагошек в носки и шарфики – сложная операция, которую она не решалась кому-то передоверить, особенно

теперь, когда от успешного роста мандрагоры зависела жизнь миссис Норрис и Колина Криви.

Гарри маялся, сидя у камина в общей гриффиндорской гостиной; Рон с Гермионой проводили время за игрой в волшебные шахматы.

– Ради всего святого, Гарри, – раздраженно сказала Гермиона, глядя, как слон Рона стащил с ее коня всадника и поволок с доски. – Иди и найди Джастина, если это для тебя так важно.

Гарри поднялся и вылез через дыру за портретом, размышляя, где сейчас может быть Джастин.

Из-за густых серых вихрей за окнами в замке было намного темнее, чем обычно днем. Поеживаясь, Гарри шагнул мимо классных комнат, где шли занятия, и ловил обрывки фраз. Профессор Макгонаголл отчаянно на кого-то ругалась – некто, судя по всему, превратил своего товарища в барсука. Подавив желание подглядеть, Гарри прошел мимо. Может, Джастин в свободное время разгребает накопившиеся домашние задания? Гарри решил первым делом поискать в библиотеке.

Хуффльпуффцы, которые должны были бы сейчас заниматься гербологией, и в самом деле сидели в глубине библиотеки, но ничего не читали и не писали. В просветах между длинными рядами высоких книжных стеллажей Гарри различал склоненные друг к другу головы: ребята что-то бурно обсуждали. Гарри не видел, есть ли среди них Джастин. Он направился было к ним, но тут до его ушей долетел обрывок разговора, и Гарри остановился послушать в Отделе Невидимости.

– В любом случае, – говорил какой-то крепыш, – я велел Джастину спрятаться в спальне. В смысле, если Поттер выбрал его очередной жертвой, Джастину лучше пока не высовываться. Конечно, Джастин давно ждал чего-то подобного – с тех самых пор, как проговорился Поттеру, что он муглорожденный. Даже сказал, что был записан в Итон. А о таких вещах не стоит распространяться, когда рядом рыщет Наследник Слизерина.

– Значит, ты уверен, что это Поттер, Эрни? – озабоченно спросила светловолосая девочка с косичками.

– Ханна, – серьезно проговорил крепыш, – он змееуст. А всем известно, что это признак черного мага. Ты слышала когда-нибудь,

чтобы приличные люди разговаривали со змеями? Нет? Между прочим, Слизерина называли серпентоязыким.

Все в ответ забормотали, а потом Эрни продолжил:

– Помните, что было написано на стене? *Враги Наследника, берегитесь*. У Поттера возникли проблемы с Филчем. Тут же – раз! – напали на кошку. Этот первоклашка Криви доставал Поттера, сфотографировал, когда тот лежал в грязи после матча. Что дальше? Криви в лазарете.

– Но Гарри всегда такой милый, – неуверенно возразила Ханна. – И потом, это ведь из-за него, ну, вы понимаете... исчез Сами-Знаете-Кто. Значит, Поттер не так уж плох, верно?

Эрни таинственно понизил голос, головы хуффльпуффцев сдвинулись теснее, а Гарри подобрался ближе, чтобы расслышать.

– Никому не известно, как он пережил проклятие Сами-Знаете-Кого. Он же тогда был младенцем. Должен был на кусочки разлететься. Я так скажу – только очень сильный черный маг способен пережить такие страшные проклятия. – Эрни понизил голос почти до шепота: – Может, *именно поэтому* Сами-Знаете-Кто хотел его убить. Боялся *конкуренции*, второго Черного Лорда, понимаете? Интересно бы знать, какие еще тайные умения скрывает от нас Поттер?

Гарри был не в силах слушать дальше. Он громко откашлялся и вышел из-за полок. Не будь он так рассержен, открывшееся зрелище его бы позабавило: хуффльпуффцы поразевали рты, будто от одного его вида окаменели, от лица Эрни медленно отливала краска.

– Привет, – сказал Гарри. – Я ищу Джастина Финч-Флетчи.

Худшие опасения хуффльпуффцев явно подтвердились.

– Зачем он тебе? – спросил Эрни дрогнувшим голосом.

– Хочу объяснить ему, что на самом деле случилось со змеей в Клубе дуэлянтов, – сказал Гарри.

Эрни закусил побелевшую губу, а потом глубоко вдохнул и выговорил:

– Мы все там были. Видели, что случилось.

– Тогда вы наверняка заметили, что, когда я поговорил со змеей, она отступила? – спросил Гарри.

– Я только видел, – заупрямился Эрни, хоть и не в силах был унять дрожь, – что ты разговаривал на серпентарго и натравливал змею на Джастина.

– Не натравливал я змею! – выпалил Гарри, и его голос завибрировал от гнева. – Она его даже не *тронула*!

– Случайно не тронула! – не сдавался Эрни. – И если хочешь знать, – поспешно добавил он, – моя семья насчитывает больше девяти поколений колдунов и ведьм, и моя кровь вполне чиста, и...

– Да плевать мне на твою кровь! – яростно крикнул Гарри. – С какой стати мне истреблять муглорожденных?

– Говорят, ты ненавидишь муглов, с которыми живешь, – быстро ответил Эрни.

– Жить с Дурслеями и *любить* их просто нереально, – сказал Гарри. – Я бы на тебя посмотрел.

Он развернулся и вылетел из библиотеки, заслужив неодобрительный взгляд мадам Щипц, которая протирала позолоченную обложку огромной книги заклинаний.

Ослепленный гневом, Гарри шагал по коридору; он так разъярился, что не понимал, куда идет. В результате чего воткнулся во что-то очень большое и твердое, и оно сбило его с ног.

– А, привет, Огрид, – сказал Гарри, задрав голову.

Лицо Огрида полностью скрывалось под заснеженным вязаным шлемом, но все равно, с кем его спутаешь: гигантская фигура в плаще чертовой кожи заполняла собой весь коридор, рука в огромной варежке сжимала дохлого петуха.

– Как жисть, Гарри? – спросил Огрид, стаскивая шлем, чтобы можно было разговаривать. – Чегой-то не на уроке?

– Отменили, – объяснил Гарри, поднимаясь. – А ты что тут делаешь?

Огрид показал безжизненную тушку.

– Второй за семестр, – поведал он. – Не то лисы, не то вожут кровососушая... вот мне и надобно разрешение от директора наложить заклятие на курятник.

Из-под густых заснеженных бровей он внимательнее взгляделся в лицо Гарри.

– Ты точно в порядке? Видок у тебя – потный какой-то, злющий...

Гарри не смог заставить себя повторить то, что говорили о нем Эрни и прочие хуффлпуффцы.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Слушай, я пойду, у меня сейчас превращения, за учебниками сбегать надо...

И пошел, все еще не в силах выбросить из головы слова Эрни: «Джастин давно ждал чего-то подобного – с тех самых пор, как проговорился Поттеру, что он муглорожденный...»

Гарри тяжело взобрался по лестнице и свернул в особенно сумрачный коридор; пламя факелов погасло под сильным ледяным сквозняком из щели в оконной раме. Посреди коридора Гарри обо что-то споткнулся и упал.

Повернулся, прищурился, поглядел, обо что споткнулся, – и у него словно исчезли все внутренности.

Джастин Финч-Флетчи лежал на полу, холодный, окоченевший, с диким ужасом на лице. Глаза его неподвижно уставились в потолок. И это было еще не все. Рядом лежала другая фигура – и Гарри никогда не видел столь странного зрелища.

То был Почти Безголовый Ник, но не жемчужно-прозрачный, а черный и словно задымленный. Лежа на спине, прямой как доска, он плавал в шести дюймах от пола. Голова наполовину отделилась от тела, а на лице застыл такой же ужас, как у Джастина.

Гарри вскочил, дыша быстро и часто. Сердце в груди отбивало барабанную дробь. Он дико заозирался; процессия пауков на длинных ножках торопилась прочь от тел. Было тихо, только из ближайших кабинетов доносились приглушенные голоса учителей.

Сбежать? И никто не узнает, что Гарри здесь был. Но нельзя ведь их бросить... Надо позвать на помощь... Поверит ли кто, что он тут ни при чем?

Пока он в панике размышлял, что делать, соседняя дверь с грохотом распахнулась. Оттуда ракетой выпулил полтергейст Дрюзг.

– Ба, да тучочки потный Поттер! – сухонько захихикал он и проскакал мимо Гарри, почти сбив с него очки. – Чем это мы занимаемся? Чего шныряем?..

Дрюзг замер посередине сложного сальто. Зависнув вверх ногами, он молча взирал на Джастина и Почти Безголового Ника. Затем перевернулся головой вверх, наполнил легкие воздухом и, не успев Гарри его остановить, заголосил:

– ЖЕРТВЫ! ЖЕРТВЫ! ЕЩЕ ЖЕРТВЫ! НЕ СПАСУТСЯ НИ ЖИВЫЕ, НИ МЕРТВЫЕ! СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ! УБИ-И-ИЛИ!

Шух-шух-шух – пооткрывались двери по всему коридору, и всё заполнилось людьми. Несколько долгих минут кругом царило такое

замешательство, что Джастина едва не задавили, а внутри Почти Безголового Ника постоянно кто-то топтался. Гарри притиснуло к стене. Учителя зывали о тишине и спокойствии. Прибежала профессор Макгонаголл, за ней по пятам – ребята из класса, где она только что проводила занятия. У одного волосы так и остались черно-белыми в полоску. Профессор Макгонаголл волшебной палочкой изобразила громкий удар ладони по столу, что восстановило тишину, и приказала разойтись по классам. Не успели немного расчистить место преступления, как, отчаянно пыхтя, примчался хуффльпuffец Эрни.

– Пойман с поличным! – возопил он, с лицом белее снега, и театрально указал на Гарри.

– Тихо, Макмиллан! – резко сказала профессор Макгонаголл.

Дрюзг барахтался сверху, злобно ослабившись; он обожал хаос и всяческое безобразие. Учителя склонились осмотреть тела Джастина и Почти Безголового Ника, а Дрюзг разразился веселой песенкой:

*Ах, Поттер-грязноттер,
чего ж ты творишь,
Ты школьников гробишь,
ты гадко шалишь!*

– Хватит, Дрюзг! – рявкнула профессор Макгонаголл, и тот задом улетел прочь, показывая Гарри язык.

Профессор Флитвик и профессор Синистра с кафедры астрономии понесли Джастина в лазарет, но вот что делать с Почти Безголовым Ником, никто не знал. В конце концов профессор Макгонаголл сотворила из воздуха большой вентилятор и вручила его Эрни, велев отогнать Ника вверх по лестнице. Что Эрни и сделал – Ник поплыл безмолвным черным дирижаблем. Все разошлись, и Гарри остался наедине с Минервой Макгонаголл.

– Сюда, Поттер, – приказала она.

– Профессор, – тут же сказал Гарри, – клянусь, я этого не...

– Это вне моей компетенции, Поттер, – отрезала профессор Макгонаголл.

Молча они прошествовали за угол и остановились перед большой, на редкость уродливой каменной горгульей.

– «Лимонный леденец»! – сказала профессор Макгонаголл.

Очевидно, это был пароль: горгулья внезапно ожила и отпрыгнула, а стена за ней расступилась. Гарри, несмотря на ужасные предчувствия, поневоле восхитился. За стеной открылась винтовая лестница — она ехала вверх наподобие эскалатора. Гарри с профессором Макгонаголл ступили туда, и стена с шумом захлопнулась за ними. Лестница поднималась штопором, выше и выше, пока Гарри, у которого немного закружилась голова, не увидел впереди полированную дубовую дверь с медным дверным молотком в виде грифона.

Он догадался, куда его ведут. Здесь-то, видимо, и обитал Думбльдор.

Глава двенадцатая

Всеэссенция

На вершине они сошли с каменного эскалатора, и профессор Макгонаголл постучала в дверь. Та бесшумно отворилась, и они вошли. Профессор Макгонаголл велела Гарри подождать и оставила его одного.

Гарри огляделся. Одно можно было сказать наверняка: из всех кабинетов, где он успел побывать за год, этот был самым интересным. Не будь Гарри до смерти напуган, что его вот-вот выкинут из школы, он бы с радостью все тут как следует рассмотрел.

Комната была замечательная – просторная и круглая. Отовсюду то и дело доносились загадочные шорохи. На высоких тонконогих столиках стояли разнообразные серебряные приборы – они вращались и фыркали паром. Стены увешаны обрамленными портретами директоров и директрис прошлых лет – все они дружно посапывали в креслах. Еще – огромный письменный стол с ножками в форме звериных лап, а над ним на полке лежала поношенная залатанная колдовская Шляпа – *Шляпа-Распределница*.

Гарри замер. Он бросил осторожный взгляд на мирно спящих по стенам колдунов и ведьм. Ведь ничего страшного не случится, если он снова примерит Шляпу? Просто проверить... убедиться, что она поместила его в правильный колледж...

Он тихо обошел вокруг стола, снял Шляпу с полки и аккуратно опустил ее себе на голову. Шляпа была ему велика и соскользнула на глаза, как и в прошлый раз. Гарри вперил взгляд в черную изнанку и подождал. Наконец тихий голос шепнул ему в ухо:

– Червячок гложет, да, Гарри?

– Ммм... да, – пробормотал Гарри. – Э-э-э... извините, что беспокою... я хотел спросить...

– Хочешь знать, правильно ли я тебя направила в твой колледж, – перебила догадливая Шляпа. – Да уж... с тобой было особенно сложно

разобраться. Но я отвечаю за свои слова, – тут сердце у Гарри упало, – ты мог бы достичь многого в «Слизерине»...

В животе что-то оборвалось. Гарри сдернул Шляпу с головы за кончик. Она повисла у него в руках, линиялая и засаленная. Гарри пихнул ее обратно на полку. Его мутило.

– Вы не правы, – громко заявил он неподвижной молчащей Шляпе. Она не отреагировала. Гарри попятился, не сводя с нее глаз. Тут за его спиной словно кто-то подавился, и Гарри резко обернулся.

Оказывается, он был не один. На золотом шесте у двери восседала дряхлая птица – какая-то недощипанная индейка. Гарри уставился на нее; она ответила неподвижным мрачным взором и вновь кашлянула. Похоже, птица сильно болела. У нее были скучные глаза, и прямо сейчас из хвоста выпало еще несколько перьев.

Гарри посетила неприятная мысль: не хватало только, чтобы птица Думбльдора умерла, пока он тут с ней один. Стоило ему об этом подумать, как птица загорелась.

От ужаса Гарри закричал и отпрянул к столу. Он отчаянно озирался: нет ли рядом, к примеру, стакана воды, но ничего не нашлось; птица тем временем превратилась в огненный шар, испустила громкий вопль – и спустя миг от нее не осталось ничего, кроме горстки пепла на полу.

Открылась дверь. Вошел очень удрученный Думбльдор.

– Профессор, – залепетал Гарри, – ваша птица... я ничего не мог поделать – она взяла и загорелась...

К вящему изумлению Гарри, Думбльдор улыбнулся:

– И самое время, надо сказать. Он давным-давно плохо выглядел. Я уж намекал ему, чтобы поторапливался.

Думбльдор хохотнул, глядя в ошарашенное лицо мальчика.

– Янгус – феникс, Гарри. Фениксы, когда им приходит пора умереть, загораются, а потом возрождаются из пепла. Смотри...

Гарри посмотрел как раз вовремя – крошечный, сморщенный, новорожденный птенец высовывал головку из кучки пепла. На вид, правда, он был ничем не краше, если не гаже, сгоревшей птицы.

– Жаль, что тебе довелось познакомиться с ним в день горения, – сказал Думбльдор, усаживаясь за стол. – Обычно он необыкновенно красив, у него роскошное оперение, красное с золотом. Восхитительные создания эти фениксы. Способны носить невероятно

тяжелые грузы, их слезы обладают целебной силой, а еще они очень *преданные* домашние животные.

Когда Янгус загорелся, Гарри от испуга забыл, зачем он здесь, но память немедленно вернулась к нему при виде Думбльдора, царственно восседавшего в высоком кресле за письменным столом. Светло-голубой взор пронзал Гарри насквозь.

Но не успел Думблдор произнести хоть слово, дверь кабинета с могучим грохотом распахнулась, и внутрь ворвался обезумевший Огрид. На лохматой черной макушке был нахлобучен шлем. В руке болтался дохлый петух.

– Это не Гарри, профессор Думблдор! – заголосил Огрид. – Мы с ним только-только поговорили – секундочки не прошло, как на того паренька напали! Откуда ему успеть, Гарри-то? Сэр...

Думблдор открыл было рот, но Огрид безостановочно, взхлеб, говорил, в ажитации размахивая петухом и посыпая пол перьями.

– ...ну не он это, ежели надо, я в министерстве магии чем хошь поклянусь...

– Огрид, я...

– ...не того вы взяли, сэр, я уж *знаю*, Гарри б ни в жисть...

– *Огрид!* – прикрикнул Думблдор. – Я и *не думаю* на Гарри.

– Ох... – Огрид замер, и петух вяло повис. – Хорошо. Тогда я снаружи обожду.

И смущенно зашагал к выходу.

– Вы и не думали, что это я, профессор? – с проснувшейся надеждой переспросил Гарри.

Думблдор смахивал петушиные перья со стола.

– Нет, Гарри, не думал, – ответил Думблдор, однако снова помрачнел. – Но мне все же надо побеседовать с тобой.

Гарри с волнением ожидал, что скажет Думблдор, а тот молча рассматривал его, сложив длинные пальцы домиком.

– Я должен спросить тебя, Гарри, не хочешь ли ты о чем-нибудь мне рассказать, – мягко проговорил Думблдор. – Не важно, о чем. О чем угодно.

Гарри не знал, что и ответить. Он вспомнил, как Малфой кричал: «Мугродьё – очередь за вами!» Он подумал о всеэссенции, тихо булькающей на унитазе. Потом подумал о бестелесном голосе, который слышал уже дважды, и припомнил слова Рона: «Когда

человек слышит голоса, которых больше никто не слышит, это плохой признак, даже в колдовском мире». Он вспомнил слухи, которые ходят о нем самом, и свои крепнувшие опасения, что между ним и Салазаром Слизерином существует какая-то связь...

– Нет, профессор, – сказал Гарри. – Ничего такого нет...

После двойного преступления всеобщее неопределенное беспокойство мгновенно вскипело настоящей паникой. Как ни странно, сильнее всего потрясала судьба Почти Безголового Ника. «*Что* же могло сотворить такое с призраком? – спрашивали себя люди. – Какая ужасная сила могла повредить тому, кто и так уже мертв?» Начался чуть ли не массовый исход – народ торопился зарезервировать места в «Хогварц-экспрессе», на Рождество учащиеся с облегчением разъезжались по домам.

– Если так дело пойдет, только мы одни и останемся, – сказал Рон. – Мы, Малфой, Краббе и Гойл. То-то выйдет веселое Рождество.

Краббе с Гойлом, всегда делавшие то же, что и Малфой, записались в свиток остающихся. Гарри вообще-то был рад, что на Рождество почти никого в школе не будет. Он ужасно от всего устал: и от того, что все его сторонятся, будто у него в любую минуту могут вырасти клыки или он станет плевать ядом; и от перешептываний, и от показывания пальцами, от шипения и бормотания, что повсюду его преследовали.

А вот Фреду с Джорджем это очень даже нравилось. Они радостно маршировали по коридорам впереди Гарри с криками:

– Пропустите! Идет Наследник Слизерина, он вооружен и очень опасен!..

Перси их поведение в высшей степени не одобрял.

– В этом нет *ничего* смешного, – процедил он сквозь зубы.

– Эй, прочь с дороги, Перси, – с притворным высокомерием бросил Фред. – Поттер поторапливается.

– Ага, спешит в Тайную комнату, выпить чаю со своим верным зубастым слугой, – загоготал Джордж.

Джинни расстраивалась от братниных шуточек.

– Ой, *не надо*, – пищала она всякий раз, когда Фред через всю гостиную спрашивал Гарри, кто у него на очереди в покойнички, или когда Джордж при встречах с Гарри притворялся, будто отпугивает его большой головкой чеснока.

Гарри вовсе не возражал, ему становилось легче: хотя бы Фред с Джорджем считают, что его наследование Слизерину – это попросту смешно. Зато выходки близнецов сильно действовали на Драко Малфоя – тот раз от разу все больше мрачнел.

– Малфою до смерти охота объявить, что на самом деле Наследник – он, – проницательно заявил Рон. – Сами знаете, как он не любит, когда кому-то удастся его обставить. Малфой делает грязную работу, а вся слава достается Гарри.

– Недолго ему осталось, – удовлетворенно изрекла Гермиона. – Всеэссенция почти готова. Скоро мы вырвем у него признание.

Наконец семестр завершился, и в замке воцарилась тишина, глубокая, как снег во дворе. Гарри находил ее покойной, а не удручающей, и наслаждался тем, что он сам, Гермиона и братья Уизли безраздельно царят в гриффиндорской башне. Можно, никого не тревожа, взрывать хлопушки и практиковаться в дуэльном искусстве. Близнецы и Джинни решили остаться на Рождество в школе и не ездить в Египет к Биллу с мистером и миссис Уизли. Перси, который не одобрял ребячеств, в общей гостиной «Гриффиндора» появлялся редко и величественно объявил, что лично он остался на Рождество лишь потому, что в такое непростое время долг старосты – поддержать преподавательский состав.

Пришло рождественское утро, белое и холодное. Гарри и Рон – в их спальне больше никого не осталось – проснулись очень рано. Их разбудила Гермиона – она ворвалась в комнату совсем одетая и с подарками.

– Просыпайтесь, – громко сказала она, открывая шторы на окнах.

– Гермиона, тебе сюда нельзя, ты что... – Рон загородился рукой от света.

– И тебе счастливого Рождества, – рассердилась Гермиона и швырнула ему подарок. – Я уже час как встала, ходила положить в наше варево еще немного златоглазок. Все готово.

Гарри сел на постели, сна как не бывало.

– Ты уверена?

– Абсолютно, – сказала Гермиона. Она отодвинула крысу Струпики и села у Рона в ногах. – Если мы вообще собираемся им воспользоваться, то сегодня.

Тут в спальню шумно влетела Хедвига. В клюве у нее болтался крохотный пакетик.

– Привет, – обрадовался Гарри. – Ты уже опять со мной разговариваешь?

Хедвига любовно пощипала хозяина за ухо, и этот подарок был куда приятнее, чем тот, который она доставила. Пакетик оказался от Дурслеев. Они прислали зубочистку и коротенькое письмецо с требованием выяснить, сможет ли Гарри остаться в «Хогварце» и на летние каникулы.

Прочие подарки принесли гораздо больше радости. Огрид прислал объемистую банку паточных ирисок – прежде чем положить в рот, Гарри разогревал их над огнем; Рон подарил книжку под названием «Полеты с “Пушками”» – сборник интересных историй о его любимой квидишной команде, – а Гермиона купила для Гарри роскошное орлиное перо. В последнем свертке, от миссис Уизли, Гарри обнаружил очередной вязаный свитер и большой сливовый пирог. Ласковую открытку от нее Гарри прочел со свежим приливом чувства вины – задумавшись об автомобиле мистера Уизли (который никто не видел со дня падения на Дракучую иву) и об очередной серии нарушения всевозможных правил, которую они с Роном только еще затевали.

Ни одно живое существо, даже с ужасом предвкушая прием всеэссенции, не могло не насладиться рождественским пиром в «Хогварце».

Большой зал предстал во всем своем блистательном великолепии. Здесь, как всегда, стояла дюжина заиндевевших елей, над ними перекрещивались пушистые гирлянды из омелы и остролиста, а с потолка падали заколдованные снежинки, теплые и сухие. Думбльдор дирижировал, народ дружным хором пел его любимые рождественские гимны, и голосище Огрида бубухал громче с каждым следующим кубком эгнога. Перси, не заметивший, что Фред заколдовал его значок «Староста», так что теперь надпись на нем гласила «Старость-то», у всех спрашивал, над чем это они смеются. Гарри был настроен до того благостно, что даже не обращал внимания на доносившиеся от слизеринского стола громкие, ядовитые замечания Малфоя по поводу нового свитера. Если повезет, через пару часов Малфой получит сполна все, что заслужил.

Гарри с Роном едва успели расправиться с третьей порцией рождественского пудинга, и тут Гермиона вытащила их из зала, чтобы в последний раз обсудить план.

– Нам ведь еще нужно добыть кусочки людей, в которых мы превращаемся, – преспокойно сказала она, будто посылая их в супермаркет за стиральным порошком. – Ясно, что лучше всего достать что-нибудь от Краббе и Гойла: они лучшие друзья Малфоя, им он наверняка все рассказывает. Кроме того, надо устроить так, чтобы настоящие Краббе и Гойл не помешали, пока мы допрашиваем Малфоя... У меня уже все проработано, – невозмутимо продолжала она, делая вид, что не замечает ошеломления Гарри и Рона. И достала два больших шоколадных кекса. – Я их наполнила обыкновенным сонным зельем. Ваша задача – сделать так, чтобы Краббе с Гойлом их нашли. Они ведь жадные, умнут за милую душу. Едва они заснут, вырвите у них по паре волосков, а их самих запирайте в чулане для метел.

Гарри с Роном потрясенно переглянулись.

– Гермиона, мне кажется...

– А вдруг что-нибудь?..

Но у Гермионы в глазах появился стальной блеск – сейчас она напоминала профессора Макгонагалл.

– Без волос Краббе и Гойла от зелья не будет проку, – сурово заявила она. – Вы *хотите* допросить Малфоя или нет?

– Ну ладно, ладно, – сказал Гарри. – А сама-то? У кого патлы навывиришь?

– Уже! – радостно воскликнула Гермиона и достала из кармана крошечный пузырек. В пузырьке трепетал один-единственный волосок. – Помните, мы дрались с Миллисент Балстроуд в Клубе дуэлянтов? Это осталось у меня на мантии, когда она меня душила! И она уехала домой на Рождество – скажу слизеринцам, что просто вдруг решила вернуться.

После этого Гермиона убежала в последний раз проверить всеэссенцию. Рон обреченно повернулся к Гарри:

– Не план, а какая-то авантюра. На каждом шагу рискуем облажаться.

Однако, к великому удивлению мальчиков, первый этап операции прошел гладко, точно по расчетам Гермионы. После чая они

прошмыгнули в безлюдный вестибюль и стали ждать Краббе и Гойла, которые одни задержались в Большом зале, набивая рты оставшимися бисквитными пирожными. Гарри пристроил шоколадные кексы на закругление перил. Увидев, что Краббе и Гойл выходят из Большого зала, Гарри с Роном шмыгнули за рыцарские доспехи у парадных дверей.

– Надо ж быть такими тупицами! – в восторге прошептал Рон, увидев, как Краббе, просияв, показал Гойлу на кексы. Бессмысленно ухмыляясь, они целиком запихали кексы в огромные пасти и жадно заработали челюстями. На тупых физиономиях отразился триумф. Затем, все с теми же гримасами, оба бухнулись навзничь.

На данном этапе операции труднее всего было запихнуть Краббе и Гойла в чулан. Когда обездвиженные туши оказались наконец надежно размещены между ведрами и швабрами, Гарри выдернул несколько щетинок, которыми порос низкий лоб Гойла, а Рон вырвал пару волосинок у Краббе. Пришлось также украсть у них ботинки – обувь Рона и Гарри была маловата для огромных лап Малфоевых оруженосцев. Все еще ошеломленные достигнутым успехом, мальчики помчались к туалету Меланхольной Миртл.

Внутри было не продохнуть от густого черного дыма, валившего из кабинки, где Гермиона мешала варево в котле. Закрыв носы мантиями, Гарри с Роном тихо постучали в дверь.

– Гермиона?

Заскрежетал замок, и показалась встревоженная Гермиона, вся в испарине. За ее спиной раздавалось глуховатое «гулп-гулп» пузырящейся вязкой жидкости. На унитазах стояли наготове три стакана.

– Достали? – отдуваясь, спросила Гермиона.

Гарри показал ей волосы Гойла.

– Отлично. А я еще стащила мантии из прачечной, – похвасталась она и показала на мешок. – Вам ведь понадобится одежда побольше.

Все трое уставились в котел. Вблизи зелье выглядело как густая, темная грязь – оно бугрилось и вяло побулькивало.

– Я уверена, что все сделала правильно. – Гермиона нервно перелистывала и перечитывала забрызганную страницу «Всесильнейших зелий». – Оно выглядит так, как сказано в книге...

когда выпьем, у нас будет ровно час, после этого мы превратимся обратно.

– А теперь что? – прошептал Рон.

– Разольем по стаканам и добавим волосы.

Гермиона зачерпнула и щедро разлила зелье по стаканам. Затем дрожащей рукой вытрясла из пузырька волос Миллисент Балстроуд в первый стакан.

Зелье громко зашипело, пошел пар. Через секунду отвар стал тошнотворно-желтым.

– Бррр – миллисентия балстроуд, – сказал Рон с отвращением. – Спорим, отравя.

– Давайте же, кладите волосы, – поторопила Гермиона.

Гарри бросил щетину Гойла в средний стакан, а Рон положил волосы Краббе в последний. Оба стакана зашипели, испуская пар: Гойл приобрел своеобразный цвет хаки, присущий так называемым зеленым соплям, а Краббе – темно-коричневый.

– Подождите-ка, – сказал Гарри, когда Рон и Гермиона потянулись к стаканам. – Лучше не будем пить здесь втроем... Когда превратимся в Краббе и Гойла, перестанем сюда вмещаться. Да и Миллисент тоже не Дюймовочка.

– Верно мыслишь, – заметил Рон, отпирая дверь. – Расходимся по кабинкам.

Осторожно, чтобы не пролить ни капли всеэссенции, Гарри проскользнул в среднюю кабину.

– Готовы? – крикнул он.

– Готовы, – слышались голоса друзей.

– Раз... два... три!

Зажав нос, Гарри в два глотка выпил зелье. На вкус – как переваренная капуста.

В животе сразу все заворочалось, словно он проглотил клубок живых змей. Он согнулся пополам, гадая, стошнит его или нет; затем жжение распространилось из живота по всему телу до кончиков пальцев; потом (отчего он, задохнувшись, рухнул на четвереньки) пришло ощущение, будто тело плавится, а кожа пузырится, как горячий воск; он смотрел, как его руки начали расти, пальцы утолщаться, ногти – увеличиваться, костяшки сделались как болты; плечи расширились, и это было очень болезненно; лоб пощипывало, и

Гарри догадался, что волосы прорастают до самых бровей; мантия треснула на груди, внезапно раздавшейся как бочка, у которой лопнули обручи; ногам сделалось мучительно тесно в ботинках на четыре размера меньше...

Кончилось это так же неожиданно, как и началось. Гарри обнаружил, что лежит ничком на холодном каменном полу и слушает, как Миртл угрюмо булькает в крайнем унитазе. Он с трудом снял ботинки и встал. Так вот каково оно, быть Гойлом. Большими трясущимися руками он стянул через голову мантию, которая теперь доходила ему только до коленок, надел ту, что принесла из прачечной Гермиона, и зашнуровал огромные, как лодки, башмаки Гойла. По привычке потянулся убрать волосы со лба, но рука нащупала щетинистый, низко растущий ежик. Тут он понял, что в очках плохо видит – ведь у Гойла нормальное зрение. Он снял очки и крикнул:

– Вы там как, нормально? – хриплым низким голосом Гойла.

– Ага, – донеслось справа ворчание Краббе.

Гарри открыл дверь, вышел и встал перед треснутым зеркалом. Оттуда на него щурил глубоко посаженные глазки Гойл. Гарри почесал ухо. Гойл сделал то же самое.

Открылась дверь кабинки Рона. Они уставились друг на друга. Если не считать бледности и испуга на лице, Рон был неотличим от Краббе – начиная от стрижки под горшок и кончая длинными гориллоподобными руками.

– Потрясающе, – прошептал Рон, подходя к зеркалу и тыча пальцем себе в плоский нос, – просто *потрясающе*.

– Пожалуй, надо идти, – сказал Гарри, ослабляя ремешок часов, глубоко врезавшийся в жирное запястье Гойла. – Нам еще надо выяснить, где общая гостиная «Слизерина». Надеюсь, нам встретится кто-нибудь, за кем можно будет проследить...

Рон, который во все время этой речи удивленно таращился на Гарри, сказал:

– Ты не представляешь, до чего странно видеть, как Гойл *думает*. – Он забарабанил в дверь Гермионовой кабинки. – Эй, пора!

Ему ответил тоненький голосок:

– Я... наверное, я не пойду. Идите сами.

– Гермиона, мы отлично знаем, что Миллисент уродина, нечего стесняться... И потом, никто же не узнает, что это на самом деле ты.

– Нет... правда... я, кажется, не могу. А вы поторопитесь, время уходит...

Гарри, ничего не понимая, посмотрел на Рона.

– Вот *это* больше похоже на Гойла, – прокомментировал тот. – У него такое лицо каждый раз, когда учитель задает ему вопрос.

– Гермиона, что с тобой? – спросил Гарри через дверь.

– Все нормально, нормально, идите...

Гарри взглянул на часы. Прошло уже пять драгоценных минут.

– Мы тогда вернемся за тобой сюда, ладно? – сказал он.

Мальчики осторожно выглянули за дверь туалета, убедились, что никого нет, и вышли.

– Не размахивай так руками, – шепнул Гарри Рону.

– А что?

– У Краббе они как примороженные...

– Вот так?

– Да, так лучше...

Они спустились по мраморной лестнице. Оставалось только встретить какого-нибудь слизеринца, чтобы пойти за ним в слизеринскую гостиную, но никто не попадался.

– Есть идеи? – пробормотал Гарри.

– Слизеринцы приходят на завтрак оттуда, – сказал Рон, кивнув на вход в подземелье.

Стоило ему это сказать, как из подземелья появилась девочка с длинными кудрявыми волосами.

– Извините, – сказал Рон, кинувшись к ней. – Мы забыли, как пройти в нашу гостиную.

– Прошу прощения? – холодно произнесла девочка. – В *нашу* гостиную? Я – из «Вранзора».

Она удалилась, с подозрением оглядываясь.

Гарри и Рон торопливо спустились по каменным ступеням в темноту подземелья, и их шаги отдавались особенно гулко, когда великанские ноги Краббе и Гойла тяжело опускались на камень. Оба уже заподозрили, что в конечном итоге все окажется не так-то просто.

Лабиринты переходов были пустынными. Они спускались все глубже и глубже в недра замка, то и дело проверяя, сколько осталось времени. Через пятнадцать минут, как раз когда они начали терять надежду, впереди что-то послышалось.

– Ха! – радостно выкрикнул Рон. – Вот кто-то из них!

Из боковой комнаты вышел некто. Но едва Гарри с Роном приблизились, сердце у них упало. Это оказался не слизеринец, а Перси.

– А ты что здесь делаешь? – удивился Рон.

Перси возмутился.

– А это, – сухо ответил он, – тебя не касается. Тебя зовут Краббе, верно?

– Как... А! Да, – сказал Рон.

– Что ж, отправляйтесь к себе в спальню, – сурово приказал Перси. – Сейчас опасно бродить по темным коридорам.

– Ты же бродишь, – заметил Рон.

– Я, – важно сказал Перси и приосанился, – староста. На *меня* никто не нападет.

За спинами у Гарри и Рона раздался чей-то голос. К ним стремительно приближался Драко Малфой, и первый раз в жизни Гарри ему обрадовался.

– Вот вы где, – протянул он. – Что, опять жрали как хрюшки? Я вас искал: хочу показать кое-что забавное.

Малфой бросил уничтожающий взгляд на Перси.

– Что ты здесь забыл, Уизли? – процедил он.

Перси разъярился.

– Попрошу больше уважения к школьному старосте! – крикнул он. – Мне не нравится твое отношение!

Малфой хмыкнул и поманил Гарри и Рона за собой. Гарри чуть было не извинился перед Перси, но вовремя опомнился. Они с Роном поспешили за Малфоем; на следующем лестничном марше тот обернулся и бросил:

– Этот Петер Уизли...

– Перси, – автоматически поправил Рон.

– Какая разница, – отмахнулся Малфой. – Что-то он зачастил сюда. И, кажется, я знаю зачем. Хочет голыми руками самостоятельно поймать Наследника Слизерина.

Он коротко, презрительно хохотнул. Гарри с Роном в надежде переглянулись.

Малфой притормозил у голой, сырой каменной стены.

– Как там этот новый пароль? – спросил он у Гарри.

– Э-э-э... – сказал тот.

– Ах да – *«чистая кровь»!* – вспомнил Малфой, не слушая, и каменная дверь, замаскированная в стене, скользнула в сторону. Малфой вошел, Гарри и Рон последовали за ним.

Общая гостиная «Слизерина» располагалась в длинном подземелье: стены неотделанного камня и низкий потолок, откуда на цепях свисали круглые зеленоватые светильники. Под каминной доской, украшенной замысловатой резьбой, в очаге потрескивал огонь; на фоне светового пятна силуэтами вырисовывались фигуры нескольких слизеринцев, сидевших в креслах с высокими спинками.

– Подождите здесь, – приказал Малфой Гарри и Рону, показав им на стулья в стороне от огня. – Пойду принесу – отец только что прислал...

Гадая, что же такое собирается показать Малфой, Гарри с Роном сели, изо всех сил изображая непринужденность.

Малфой вернулся через минуту с какой-то, по всей видимости, газетной вырезкой. Он ткнул ее Рону под нос.

– Вот, посмеетесь, – сказал он.

Гарри увидел, как глаза Рона в шоке расширились. Рон быстро пробежал глазами заметку, издал весьма натянутый смешок и протянул вырезку Гарри.

Это оказалась статья из «Оракула». В ней говорилось:

СЛУЖЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

В МИНИСТЕРСТВЕ МАГИИ

Артур Уизли, начальник отдела неправомочного использования мугл-артефактов, сегодня был оштрафован на пятьдесят галлеонов за околдовывание муглового автомобиля.

Мистер Люциус Малфой, член правления школы колдовства и ведьминских искусств «Хогварц», где околдованный автомобиль потерпел крушение ранее в этом году, выступил сегодня за отставку мистера Уизли.

«Уизли подрывает репутацию министерства, – сказал мистер Малфой нашему корреспонденту. – Он явно не в состоянии нести ответственность за разработку нашего законодательства, а его Закон о защите муглов должен быть немедленно отменен».

Мистер Уизли был недоступен и не смог дать комментарии по этому поводу, однако его супруга велела репортерам выметаться, пока она не спустила на них домашнего упыря.

– Ну? – нетерпеливо спросил Малфой, когда Гарри вернул ему вырезку. – Тебе не смешно?

– Ха, ха, – вяло сказал Гарри.

– Артур Уизли так обожает муглов – пора ему сломать свою палочку и пойти жить с ними, – пренебрежительно бросил Малфой. – Посмотреть, как эти Уизли себя ведут, – никогда не скажешь, что чистокровки.

Лицо Рона – точнее, Краббе – исказилось от негодования.

– Что это с тобой, Краббе? – резко спросил Малфой.

– Живот болит, – промычал Рон.

– Тогда пойдешь в лазарет и дай там мугродью хорошего пинка от моего имени, – хихикнул Малфой. – Знаете, я удивляюсь, что в «Оракуле» до сих пор ничего не написали о преступлениях, – задумчиво продолжил он. – Наверное, Думбльдор старается замолчать эту историю. Его уволят, если это вскоре не прекратится. Папа говорит, что сам Думбльдор – худшее, что могло приключиться в школе. Обожает муглокровок. А нормальный директор и близко не подпустил бы сюда всякую мразь вроде Криви. – Малфой защелкал воображаемым фотоаппаратом и издевательски, но очень точно изобразил Колина: – «Ах, Поттер, можно я тебя сфотографирую? Дай мне автограф, Поттер! Можно я вылижу тебе ботинки, пожалуйста, Поттер?» – Он уронил руки и посмотрел на Гарри и Рона: – Да что с вами *происходит*?

Гарри и Рон запоздало выдавили неубедительные смешки, но это, кажется, удовлетворило Малфоя; возможно, до Краббе и Гойла всегда доходило как до жирафов.

– Святой Поттер, покровитель мугродья, – медленно произнес Малфой. – Вот еще один, кто не имеет колдовской гордости, а то бы не таскался повсюду с этой воображалой Мугрейнджер. И ведь все думают, что *он* – Наследник Слизерина!

Гарри с Роном затаили дыхание: ясно, что Малфой сейчас признается – мол, на самом деле Наследник – он... Но тут...

– Хотел бы я знать, *кто же* этот Наследник, – раздраженно сказал Малфой, – я бы ему помог...

Рон открыл рот, так что Краббе стал выглядеть тупее обычного. К счастью, Малфой не обратил внимания, а Гарри поспешно спросил:

– Ты же, наверное, кого-то подозреваешь? Есть догадки?

– Сам ведь знаешь, что нет, Гойл, сколько можно говорить? – обозлился Малфой. – Отец *ничего* не рассказывает о том, как Комната была открыта в прошлый раз. Конечно, это случилось пятьдесят лет назад, еще до него, но ему все известно. Он говорит, все держалось в большом секрете и будет очень подозрительно, если вдруг выяснится, что я знаю слишком много. А я знаю только одно: в прошлый раз, когда Тайная комната была открыта, погиб кто-то из мугродья. Значит, и сейчас кто-нибудь из мугродов умрет... но когда – вопрос времени... надеюсь, это будет Грейнджер, – добавил он со вкусом.

Краббе-Рон сжал огромные кулаки. Если Рон стукнет Малфоя, это, пожалуй, их выдаст... Гарри многозначительно покосился на Рона и спросил:

– А ты случайно не знаешь, поймали того, кто открыл Комнату в прошлый раз?

– Да, конечно... кто он там был, не знаю, но его исключили, – ответил Малфой. – Наверно, до сих пор в Азкабане.

– Азкабане? – не понял Гарри.

– Да, в Азкабане – в *колдовской тюрьме*, – ответил Малфой, уставившись на него в изумлении. – В самом деле, Гойл, если и дальше будешь так тормозить, скоро поедешь назад. – Он раздраженно поерзал в кресле. – Отец говорит, надо затаиться и ждать, а Наследник Слизерина пусть себе действует. Он говорит, что из «Хогварца» давно пора вымести весь мусор, все мугродье, но нам самим лучше не мараться. У него, конечно, сейчас своих забот полон рот. Знаете, что в нашем особняке на той неделе был обыск?

Гарри как мог состроил из маловыразительных черт Гойла встревоженную гримасу.

– Вот-вот... – сказал Малфой. – К счастью, им мало что удалось найти. А ведь у папы есть *очень* ценные предметы черной магии. Так удачно, что у нас под гостиной своя секретная комната...

– Хо! – выпалил Рон.

Малфой повернулся к нему. И Гарри тоже. Рон весь залился краской. Даже волосы покраснели. И нос постепенно удлинялся – час

прошел, Рон превращался в самого себя, и, судя по его паническому взгляду, Гарри, видимо, тоже.

Оба вскочили.

– Мне нужно что-нибудь от живота, – бухнул Рон.

Без дальнейших промедлений они рванули из слизеринской гостиной, чуть не проломив по пути каменную стену, и понеслись по коридору, от души надеясь, что Малфой ни о чем не догадался. Гарри почувствовал, как съеживаются его ноги в гигантской обуви Гойла. Ему пришлось подобрать полы мантии, потому что стремительно уменьшался рост. Перепрыгивая через несколько ступеней, они промчались по лестнице в неосвещенный вестибюль. Из чулана, где были заперты настоящие Краббе и Гойл, доносились равномерные глухие удары. Ребята поставили позаимствованные ботинки у двери и в носках побежали по мраморной лестнице к туалету Меланхольной Миртл.

– Что ж, нельзя сказать, что мы даром потратили время, – пропыхтел Рон, закрывая за собой дверь туалета. – Мы, конечно, так и не узнали, кто у нас тут бесчинствует, зато я завтра же напишу папе и скажу, что надо получше поискать под гостиной Малфоев.

В треснувшем зеркале Гарри оглядел свое лицо. Он снова стал собой. Гарри надел очки, а Рон забарабанил в кабинку Гермионы.

– Гермиона, выходи, нам столько всего надо тебе рассказать!..

– Уйдите! – пронзительно взвизгнула она.

Гарри с Роном переглянулись.

– Что с тобой? – удивился Рон. – Ты ведь уже должна была превратиться обратно – мы, например, уже...

Сквозь дверь из кабинки неожиданно выскользнула Меланхольная Миртл. Гарри еще ни разу не видал ее в таком воодушевлении.

– О-о-о-о-о, сейчас узнаете! – воскликнула она. – Это так *ужасно*!..

Они услышали, как задвижка скользнула в сторону, и появилась Гермиона. Она всхлипывала и закрывала голову подолом.

– Да в чем дело? – неуверенно спросил Рон. – У тебя остался нос Миллисент? Или что?

Гермиона опустила подол. Рон отшатнулся и сел на раковину.

Лицо Гермионы покрывал густой черный мех. Глаза стали ярко-желтыми, из волос торчали длинные, острые ушки.

— Это был к-кошачий в-волос, — зарыдала она. — Наверно, у М-миллисент Балстроуд есть к-кошка! А всеэссенция не п-предназначена д-для превращения в животных!

— Ой, мама, — сказал Рон.

— Тебя будут дразнить как-нибудь *чудовищно!* — плотоядно пообещала Миртл.

— Не волнуйся, Гермiona, — сказал Гарри. — Мы отведем тебя в лазарет. Мадам Помфри никогда не задает слишком много вопросов...

Уговаривать Гермionу покинуть туалет пришлось очень долго. Меланхоличная Миртл провожала их до двери утробным гоготом:

— погоди, пока все узнают, что у тебя есть *хвост!*

Глава тринадцатая

Засекреченный дневник

Гермиона лежала в лазарете уже несколько недель. Когда закончились каникулы и учащиеся вернулись в школу, по поводу ее исчезновения поползли нехорошие слухи – все, разумеется, решили, что она тоже окаменела. Вокруг больничного отделения шаталось столько народу, жаждавшего выведать, как же на самом деле обстоят дела, что мадам Помфри была вынуждена огородить койку Гермионы ширмой, дабы скрыть от нескромных взглядов ее мохнатое лицо.

Гарри с Роном навещали Гермиону каждый вечер. Как только начался семестр, они стали приносить ей домашние задания.

– Если б у меня отросли кошачьи усы, я бы воспользовался случаем и ничего бы не делал, – сказал как-то Рон, уронив стопку книг с тумбочки.

– С ума сошел, мне нельзя отставать! – живо ответила Гермиона. Настроение у нее значительно улучшилось: с лица уже сошла практически вся шерсть, а глаза медленно, но верно становились карими. – А у вас как дела? Не появилось новых версий? – добавила она шепотом, чтобы не услышала мадам Помфри.

– Не-а, – хмуро ответил Гарри.

– Я был *на все сто* уверен, что это Малфой, – повторил Рон, уже, наверное, в сотый раз.

– А это что такое? – Гарри ткнул пальцем во что-то золотое – оно краешком высывалось из-под подушки.

– Это? Открытка с пожеланием выздоровления, – буркнула Гермиона, отводя глаза и стараясь засунуть блестящее послание поглубже, но Рон ее опередил. Он выхватил открытку, раскрыл и громко зачитал:

– «Милой мисс Грейнджер, с пожеланиями скорейшего выздоровления, от обеспокоенного преподавателя, профессора Сверкароля Чаруальда, кавалера ордена Мерлина третьей степени, почетного члена Лиги защиты от сил зла, а также пятикратного

лауреата премии журнала “Ведьмополитен” за самую обаятельную улыбку».

Рон с отвращением посмотрел на Гермиону:

– И ты спишь с этим *под подушкой?!*

К счастью, Гермиона была избавлена от необходимости отвечать: пришла мадам Помфри и принесла лекарство.

– Второго такого прилипалы, как Чаруальд, днем с огнем не сыщешь, скажи? – спросил Рон у Гарри по дороге из лазарета в башню «Гриффиндора». Злей задал столько работы, что, подозревал Гарри, все доделать удастся только к шестому классу. Рон начал было сокрушаться, что не спросил у Гермионы, сколько крысиных хвостов надо класть в волосодыбельное зелье, но тут этажом выше раздался яростный вопль.

– Филч, – пробормотал Гарри.

Они взбежали наверх, спрятались за углом и прислушались.

– Это ведь не очередное преступление, как думаешь? – напряженно спросил Рон.

Они постояли, затаив дыхание, склонив головы туда, откуда доносились истерические крики Филча:

– ...*Опять убирать! Да здесь же работы на всю ночь, как будто у меня и без того забот не хватает! Нет, это последняя капля, я пойду к Думбльдору...*

Его шаги постепенно затихли – Филч удалился по невидимому для друзей коридору. Далеко-далеко с силой хлопнула дверь.

Ребята осторожно высунули носы в этот самый коридор и поняли, что Филч, как всегда, дежурил на своем добровольном посту: они снова оказались там, где была атакована миссис Норрис. Сразу было понятно, отчего вопил Филч. Огромная лужа затопила полкоридора – кажется, вода еще сочилась из-под двери туалета Меланхольной Миртл. Теперь, когда Филч прекратил орать, стали слышны рыдания Миртл, эхом отдававшиеся от стен туалета.

– Ну что *опять* с ней такое? – спросил Рон.

– Пойдем посмотрим, – предложил Гарри.

Подобрав мантии до колен, они зашагали через лужу к вывеске «НЕ РАБОТАЕТ» и, привычно проигнорировав ее, открыли дверь.

Меланхольная Миртл рыдала, если такое возможно, сильнее и громче обычного. Похоже было, что она прячется в своем любимом

унитазе. В туалете стояла темень, свечи потухли – от мощного потока воды стены и пол буквально пропитались влагой.

– В чем дело, Миртл? – спросил Гарри.

– Кто здесь? – гнусаво булькнула несчастная Миртл. – Пришли еще чем-нибудь в меня бросаться?

По воде Гарри добрал до ее кабинки и спросил:

– С какой стати мне в тебя бросаться?

– Откуда я знаю? – завопила Миртл и вынырнула, плеща новой волной на и без того уже мокрый пол. – Я тут сижу, никого не трогаю, а кто-то приходит и швыряет в меня блокнотом! Хороши шуточки!

– Но ведь тебе же не больно, – резонно заметил Гарри. – В смысле он ведь прошел сквозь тебя, правильно?

Это он зря сказал. Миртл набрала побольше воздуха и заголосила:

– Ну и давайте теперь кидаться в Миртл блокнотами – ей ведь не больно! Она ничего не чувствует! Десять очков тому, кто попадет в живот! Пятьдесят – если в голову! Что ж, ха-ха-ха! Веселая игра! Как мы раньше до этого не додумались?

– А кто кинул в тебя блокнот? – поинтересовался Гарри.

– Откуда я знаю... Я сидела в сифоне, размышляла о смерти, а он упал мне прямо сквозь макушку, – ответила Миртл, сверля ребят гневным взглядом. – Да вон он, его обратно вынесло...

Гарри с Роном заглянули под раковину. Там лежал тоненький блокнотик с вытертой черной обложкой, мокрый, как и все остальное здесь. Гарри шагнул к нему и хотел уже подобрать, но Рон неожиданно его удержал.

– Что? – спросил Гарри.

– С ума сошел? – сказал Рон. – Вдруг опасно.

– *Опасно?* – засмеялся Гарри. – Я тебя умоляю, с какой стати это опасно?

– Ты не поверишь, – сказал Рон, подозрительно покосившись на блокнот. – Некоторые книжки, конфискованные министерством... Мне папа рассказывал – была одна, которая сразу выжигала глаза тому, кто в нее заглянет. А «Сонеты алхимика»? Кто их читал, потом до конца дней своих разговаривал лимериками. А у одной ведьмы в Бате нашли такую книжку – начинаешь ее читать и *уже не можешь остановиться!* Так и ходишь повсюду, сунув в нее нос, и делаешь все одной рукой! А еще...

– Ладно, ладно, я понял, – оборвал его Гарри.

Блокнотик лежал на полу, мокрый и ничем не примечательный.

– Все равно нет другого способа узнать, что это такое, – сказал Гарри, ловко обогнул Рона и поднял блокнот.

Гарри сразу увидел, что это ежедневник, которому, согласно полустершейся дате на обложке, было уже пятьдесят с лишним лет. Гарри поспешно его раскрыл. На первой странице различил надпись: «Т. Я. Реддль». Чернила немного расплылись.

– Постой-ка, – сказал Рон, осторожно приблизившись и заглянув Гарри через плечо, – я знаю это имя... Т. Я. Реддль получил Приз за служение идеалам «Хогварца» пятьдесят лет назад.

– Откуда такие сведения? – поразился Гарри.

– Оттуда! Я этот самый приз раз пятьдесят чистил – помнишь, когда отбывал наказание у Филча? – с незабытой обидой в голосе объяснил Рон. – На него меня и вырвало слизняками. Если б ты с чьего-нибудь имени оттирал слизь, тоже бы запомнил.

Гарри стал разлеплять мокрые страницы. Они были совершенно чистые, ни малейшего следа чернил, ни единой записи, никакого «день рождения тети Мейбл» или «14:30 к зубному».

– Он ничего здесь не записывал, – разочарованно произнес Гарри.

– Почему же тогда кто-то захотел от него избавиться? – удивился Рон.

Гарри посмотрел на заднюю сторону обложки и увидел название универсального магазина на Воксхолл-роуд в Лондоне.

– Судя по всему, он был из муглорожденных, – задумчиво сказал Гарри, – раз уж купил это на Воксхолл-роуд...

– Ладно, брось ты его, какой в нем толк, – сказал Рон. И понизил голос: – Пятьдесят очков, если попадешь Миртл в нос.

Но Гарри спрятал ежедневник в карман.

Гермиона, без усов, без хвоста, без шерсти, вышла из лазарета в начале февраля. В первый же ее вечер в гриффиндорской башне Гарри показал ей ежедневник Т. Я. Реддля и рассказал, как он попал к ним в руки.

– О-о-о-о-о, может, в нем скрываются таинственные силы, – разволновалась Гермиона и принялась внимательно его разглядывать.

– Если и так, он скрывает их очень тщательно, – махнул рукой Рон. – Стеснительный, наверное. Не знаю, почему ты не спустил его в

унитаз, Гарри.

– Наоборот, мне интересно, почему кто-то хотел спустить его в унитаз, – возразил Гарри. – И я бы не отказался узнать, за что Реддль получил свой приз.

– Да за что угодно, – небрежно бросил Рон. – Получил С.О.В.У. 30 или спас преподавателя от гигантского кальмара. А может, убил Миртл и все так обрадовались...

Но по застывшему лицу Гермионы Гарри догадался, что они думают об одном и том же.

– Что? – спросил Рон, переводя взгляд с одного на другую.

– Понимаешь, Тайная комната в прошлый раз открывалась пятьдесят лет на-зад, – ответил Гарри. – Так сказал Малфой.

– Да-а-а, – протянул Рон.

– И этому ежедневнику пятьдесят лет, – сказала Гермиона, возбужденно барабанила по обложке пальцами.

– И что?

– Рон, проснись, – прикрикнула она. – Нам известно, что того, кто открыл Комнату прошлый раз, исключили *пятьдесят лет назад*. Нам известно, что Т. Я. Реддль получил Приз за служение идеалам «Хогварца» *пятьдесят лет назад*. Что, если Реддль получил приз за поимку *Наследника Слизерина*? Может, мы всё узнаем из его дневника: где находится Комната, как ее открыть, что за чудовище в ней живет? Я думаю, от такой вещицы нынешний преступник захотел бы избавиться в первую очередь.

– *Великолепная версия*, Гермиона, – сказал Рон, – только в ней есть малю-у-у-усенький изъян. *В дневнике ничего не написано!*

Но Гермиона уже доставала из рюкзака волшебную палочку.

– Может, это невидимые чернила! – шепнула она. И, трижды стукнув по обложке, произнесла: – Апарециум!

Ничего не случилось. Нимало не обескураженная, девочка пихнула палочку обратно в рюкзак и достала оттуда ярко-красный ластик.

– Разоблачитель, на Диагон-аллее купила, – пояснила она.

Она сильно потерла на первом января. Ничего не произошло.

– Говорю вам, там пусто, – сказал Рон. – Реддль получил ежедневник в подарок на Рождество и забыл про него напрочь.

Даже самому себе Гарри не мог объяснить, почему не выбросил ежедневник Реддля. Наоборот, хотя он *знал*, что там нет записей, все

равно то и дело рассеянно брал блокнотик и перелистывал страницы, будто в нем содержалась история, которую хотелось дочитать. Гарри был уверен, что никогда не слышал имени Т. Я. Реддля, и все-таки оно что-то значило для него, будто Реддль был полузабытым приятелем младенческих лет. Но это абсурд. Никаких друзей у него до «Хогварца» не водилось, уж об этом Дудли позаботился.

Тем не менее Гарри твердо решил разузнать о Реддле сколько получится и на завтра на перемене пошел в трофейную как следует рассмотреть Приз. С ним пошли заинтересованная Гермиона и скептически настроенный Рон, который заявил, что трофеев насмотрелся на всю оставшуюся жизнь и даже больше.

Отполированный золотой Приз Реддля прятался в угловом шкафу. О том, за что была выдана награда, на Призе не было ни слова («И очень хорошо, а то бы он был гораздо крупнее, и я бы все еще его чистил», – сказал Рон.) Однако они обнаружили имя Реддля на старой медали «За магическое мастерство», а также в списке старших старост прошлых лет.

– Он вроде Перси, – сморщил нос Рон. – Староста, старший староста... наверняка еще отличник по всем предметам...

– Ты так говоришь, будто это что-то неприличное, – слегка обиделась Гермиона.

Снаружи слабые лучи солнца вновь согревали стены «Хогварца». Внутри тоже повеяло теплом. После Джастина и Почти Безголового Ника жертв больше не было, а мадам Помфри с радостью известила, что мандрагошки сделались хмурыми и скрытными – значит, детство заканчивается. Гарри однажды подслушал, как она доброжелательно говорила Филчу:

– Как только у них пройдут прыщи, можно будет пересадить. А вскоре уже срежем и приготовим настой. Оглянуться не успеете, как получите миссис Норрис назад живой и здоровой.

Может быть, Наследник Слизерина потерял кураж, думал Гарри. Наверное, с каждым разом открывать Тайную комнату рискованнее – вся школа постоянно начеку. Или монстр, кем бы он ни был, готовился впасть в очередную полувекую спячку...

Хуффлупффец Эрни Макмиллан не разделял подобного оптимизма. Он по-прежнему был убежден, что преступник – Гарри, что тот «выдал себя» в Клубе дуэлянтов. Дрюэг только накалял

обстановку; он появлялся повсюду со своей дурацкой песенкой «Ах, Поттер-грязноттер», придумав к ней не менее дурацкий танец, который всякий раз исполнял.

Сверкароль Чаруальд, кажется, считал, что это он остановил лавину преступлений. Гарри однажды услышал, как тот сообщил об этом профессору Макгонаголл, когда гриффиндорцы гуськом заходили на урок превращений.

– Вряд ли нас ждут еще какие-то неприятности, Минерва, – сказал он, многозначительно постучал себя по носу и подмигнул. – Я думаю, Тайная комната закрылась навсегда. Преступник понял, что я обязательно его поймаю, что это лишь вопрос времени. Весьма разумно с его стороны остановиться сейчас, пока я не рассердился всерьез... Знаете, на мой взгляд, школе отчаянно нужен моральный стимул. Смыть, знаете, воспоминания о прошлом семестре. Пока ничего не скажу, но, мне кажется, я кое-что придумал...

Он снова постучал себя по носу и важно удалился.

Каковы были представления Чаруальда о моральном стимуле, стало ясно за завтраком четырнадцатого февраля. Из-за квиддишной тренировки накануне Гарри плохо выспался и сейчас прибежал в Большой зал, немного опоздав. Поначалу он решил, что ошибся дверью.

Стены были покрыты огромными омерзительно-розовыми цветами. Хуже того, с бледно-голубого потолка сыпались сердечки-конфетти. Гарри прошел к гриффиндорскому столу, где Рон сидел с таким видом, будто его вот-вот стошнит. Гермiona глупо и неудержимо хихикала.

– Что тут происходит? – спросил Гарри, усаживаясь и отряхивая конфетти с бекона.

Рон молча указал на учительский стол – видимо, от возмущения он не находил слов. Чаруальд, в ярчайше-розовом, под цвет украшений на стене, облачении махал рукой, прося тишины. По обе стороны от него восседали учителя с каменными лицами. Гарри заметил, как на щеке у профессора Макгонаголл бьется жилка. У Злея был такой вид, словно его только что заставили проглотить целый половник «СкелеРоста».

– Поздравляю с Днем святого Валентина! – крикнул Чаруальд. – Хочу поблагодарить тех, кто прислал мне открытки! Сорок шесть штук

на данный момент! Как видите, я взял на себя смелость устроить вам маленький сюрприз... но есть еще кое-что.

Чаруальд хлопнул в ладоши, и в дверь из вестибюля строем вошли двенадцать гномов весьма суровой наружности. Гномов не обычных: Чаруальд прицепил им золотые крылышки, а под мышкой у каждого торчала арфа.

– Наши милые купидоны! Они будут разносить валентинки! Но и это еще не все! Я уверен, что мои дорогие коллеги захотят внести свой вклад в атмосферу всеобщего праздника! Давайте попросим профессора Злея показать, как готовят любовное зелье! А пока он будет этим заниматься, мы поговорим с профессором Флитвиком! Кто знает об упоительных чарах больше, чем он, хитрый старый лис!

Профессор Флитвик закрыл лицо руками. Лицо Злея ясно говорило: первому, кто обратится ко мне за любовным зельем, затолкаю в глотку яд!

– Гермiona, умоляю, скажи, что тебя не было среди этих сорока шести! – сказал Рон, когда они вышли из Большого зала и отправились на первый урок.

Но тут Гермione срочно понадобилось что-то найти в рюкзаке, и она не ответила.

Весь день, к крайнему неудовольствию учителей, гномы врывались на занятия и раздавали валентинки. Во второй половине дня, когда гриффиндорцы шли на урок по заклинаниям, один особенно свирепый на вид гном нагнал Гарри.

– Эй, ты! ‘Арри Поттер! – крикнул он, распахивая локтями тех, кто мешал ему подобраться к адресату.

Весь вспотев и побагровев от ужаса – сейчас ему всучат валентинку на глазах у целой толпы первоклашек, среди которых по случайности оказалась и Джинни Уизли, – Гарри попытался удрать. Гном, однако, бросился ему наперерез прямо сквозь толпу, сокращая себе путь посредством пинков по лодыжкам, и настиг Гарри, не успев тот сделать и двух шагов.

– Я должен доставить музыкальную открытку ‘Арри Поттеру лично, – заявил гном, угрожая блямкнув арфой.

– *Только не здесь*, – прошипел Гарри и рванулся прочь.

– *Смирно!* – рявкнул гном и потащил его назад за лямку рюкзака.

– Пусти! – затравленно огрызнулся Гарри и потянул рюкзак на себя.

С ужасающим треском рюкзак разорвал-ся пополам. Книжки, палочка, пергамент, перо попадали на пол. Последней выпала чернильница и щедро оросила чернилами все вокруг.

Гарри судорожно зашарил по полу, стараясь подобрать вещи раньше, чем гном запоет. В коридоре образовался затор.

– Что тут? – раздался презрительный голос.

Гарри залихорадило: надо было собрать все как можно скорее, чтобы Малфой не услышал его валентинку.

– Что за беспорядок? – произнес еще один знакомый голос. Прибыл озабоченный Перси Уизли.

Совершенно потеряв голову, Гарри предпринял последнюю попытку убежать, но гном обхватил его за ноги и ловко завалил на пол.

– Так, – деловито буркнул он, оседлав его лодыжки. – Получите валентинку:

*Глаза зелены, как лягушковы́й торт,
А челка черна, как пиратский ботфорт.
Пусть он будет моим, он непобедим,
Герой, с кем не сладил Злой Лорд.*

Гарри отдал бы все золото «Гринготтса» за возможность немедленно провалиться на месте. Призвав на помощь остатки мужества, он засмеялся вместе с остальными и поднялся на ноги, онемевшие под тяжестью гнома. Перси Уизли между тем разгонял толпу, где многие от хохота рыдали.

– Расходитесь, расходитесь, колокол прозвонил пять минут назад, расходитесь по классам, – говорил он, расшугивая самых младших, как цыплят. – Тебя это тоже касается, Малфой...

Гарри, бросив взгляд на Малфоя, заметил, как тот остановился и что-то подобрал. С хитрым видом он показал найденное Краббе и Гойлу, и тут Гарри сообразил, что это ежедневник Реддля.

– Отдай, – тихо сказал Гарри.

– Интересно, что тут пишет наш Поттер? – протянул Малфой. Он, очевидно, не обратил внимания, какой год указан на обложке, и подумал, что держит в руках личный дневник самого Гарри.

Зеваки притихли. Джинни с ужасом переводила взгляд с блокнота на Гарри.

– Дай сюда, Малфой, – строго сказал Перси.

– Когда посмотрю, что внутри, – ответил Малфой и помахал блокнотом у Гарри перед носом.

Перси сказал:

– Как школьный староста...

Но тут Гарри потерял терпение. Он выхватил волшебную палочку, крикнул:

– Экспеллиармус! – и, как в тот раз, когда Злей разоружил Чаруальда, ежедневник вылетел из рук Малфоя. Рон, широко ухмыляясь, его поймал.

– Гарри! – громко укорил Перси. – В коридорах колдовать нельзя. Мне придется доложить об этом!

Да пожалуйста! Гарри удалось посчитаться с Малфоем, и за это не жалко было даже пяти гриффиндорских баллов. Малфой кипел от ярости. Заметив Джинни, он злобно выкрикнул ей в спину:

– По-моему, Поттеру твоя валентинка не понравилась!

Джинни закрыла лицо руками и помчалась в класс. Рон вспыхнул и тоже выхватил палочку, но Гарри успел его оттащить. Не хватало, чтобы на заклинаниях Рона опять рвало слизняками.

И лишь на уроке Гарри заметил очень странную вещь. Все его вещи были залиты малиновыми чернилами. Однако ежедневник Реддля оставался чистым, словно никакая чернильница на него и не падала. Гарри хотел сказать об этом Рону, но того опять одолели проблемы с палочкой: она снова и снова расцветала пурпурными пузырями, и Рон был не в силах сосредоточиться ни на чем больше.

В этот день Гарри отправился спать раньше всех. Виной тому отчасти были Фред с Джорджем, весь вечер распевавшие «глаза зелены, как лягушковый торт», – еще одного исполнения Гарри просто не вынес бы; к тому же он хотел внимательно изучить ежедневник, пусть Рон и считал это напрасной тратой времени.

Гарри сидел на кровати и листал пустые страницы. Ни следа малиновых чернил. Он достал из тумбочки новую чернильницу, как следует обмакнул перо и уронил большую кляксу на первую страницу.

Какую-то секунду клякса ярко сияла на бумаге, а затем исчезла – страница словно впитала ее в себя. В восторге Гарри снова окунул

перо и написал: «Меня зовут Гарри Поттер».

Фраза тоже посверкала мгновение и исчезла без следа. И тут наконецто случилось *нечто*.

На страницу стали просачиваться слова, написанные теми же чернилами. Но Гарри этих слов не писал.

«Привет, Гарри Поттер. Меня зовут Том Реддль. Как ты нашел мой дневник?»

Эти слова тоже поблекли и исчезли, однако не раньше чем Гарри начал писать ответ.

«Кто-то хотел спустить его в унитаз».

Он с нетерпением ждал ответа.

«Как хорошо, что записи моих воспоминаний долговечнее чернил. Но я всегда знал, что кое-кому не захочется, чтобы содержание этого дневника увидело свет».

«Что ты имеешь в виду?» – нацарапал Гарри, наставив от волнения клякс.

«Я имею в виду, что в дневнике содержатся воспоминания об ужасных событиях. О них не принято говорить. Их замалчивают. Они произошли в “Хогварце”, школе колдовства и ведьминских искусств».

«Я как раз в ней и нахожусь, – торопливо написал Гарри. – Я в “Хогварце”, и тут опять происходят ужасные вещи. Знаешь ли ты что-нибудь о Тайной комнате?»

Сердце стучало как молот. Ответ Реддлю появился очень быстро, почерк сделался небрежнее, будто Реддль спешил вывалить все, что ему известно.

«Разумеется, я знаю о Тайной комнате. В мое время утверждали, что это легенда, что Комнаты не существует. Но это ложь. Когда я был в пятом классе, Комнату открыли, монстр напал на нескольких учеников и в конце концов одного убил. Я поймал того, кто открыл Комнату, и его исключили. Однако директор, профессор Диннет, очень стыдился, что подобное могло случиться в “Хогварце”, и запретил мне говорить правду. Якобы девочка погибла в результате странного несчастного случая, и все. За заслуги мне дали красивый блестящий Приз с гравировкой и велели держать рот на замке. Но я всегда знал, что история может повториться. Монстр остался жив, а тот, кто мог выпустить его на свободу, не сел в тюрьму».

Гарри так спешил ответить, что едва не опрокинул чернильницу:

«Это сейчас и происходит. Уже три жертвы, и никто не знает, кто за этим стоит. Кто это был в прошлый раз?»

«Если хочешь, могу показать, – ответил дневник Реддля. – Не обязательно верить мне на слово. Я могу провести тебя по своим воспоминаниям о той ночи, когда я схватил преступника».

Гарри растерянно занес перо над пергаментом. О чем это Реддль? Как это – провести по воспоминаниям? Гарри испуганно глянул на дверь в спальню. Уже темнело. Когда он снова перевел глаза на страницу дневника, там проступила новая запись:

«Показать тебе?»

Гарри подумал еще долю секунды, а затем написал две буквы:

«Да».

Страницы начали сами собой перелистываться, словно под ветром, и раскрылись на июне месяце. С разинутым ртом Гарри наблюдал, как квадратик с датой «13 июня» превращается в миниатюрный телевизионный экран. Руки у мальчика задрожали, он поднес дневник к лицу и прижался глазом к крохотному окошку. Не успел он сообразить, что происходит, его уже втягивало в экран и тот все увеличивался; Гарри почувствовал, как его отрывает от кровати; в вихре ярких красок и теней он влетел в окошко на странице головой вперед.

Наконец он почувствовал твердую почву под ногами и встал, дрожа, а размытые пятна вокруг внезапно обрели фокус.

Он сразу же догадался, где находится. Круглая комната со спящими портретами на стенах – да это же кабинет Думбльдора! Но за столом сидел вовсе не Думбльдор. Сморщенный, хрупкий старичок колдун, лысый, если не считать пары седых вихров, читал письмо при свече. Гарри никогда раньше не видел этого человека.

– Извините, – пролепетал он. – Я не хотел так врываться...

Но колдун даже не поднял глаз от письма. Он продолжал читать, слегка хмурясь. Гарри подошел ближе и, заикаясь, спросил:

– Э-э-э... я тогда пойду, можно?

Колдун по-прежнему не обращал на него внимания. Казалось, он даже не слышит. Решив, что старичок, должно быть, глух, Гарри повысил голос.

– Извините, что помешал. Я сейчас уйду, – почти закричал он.

Колдун со вздохом свернул письмо, встал и, даже не взглянув на Гарри, пошел к окну закрыть шторы.

Небо за окном было рубиновым – наверное, закат. Колдун вернулся к столу, сел, сцепил руки и завертел большими пальцами, неотрывно глядя на дверь.

Гарри осмотрелся. Янгуса не было – как и серебряных приборов. Это «Хогварц» времен Реддля, и, значит, неизвестный колдун – тогдашний директор, а он, Гарри, не более чем фантом, абсолютно невидимый для людей из прошлого.

Постучали в дверь.

– Войдите, – произнес колдун дрожащим старческим голосом.

На ходу снимая остроконечную шляпу, вошел юноша лет шестнадцати. На груди блестел серебряный значок старосты. Ростом он был значительно выше Гарри, но с такими же черными волосами.

– А, это ты, Реддль, – сказал директор.

– Вы хотели меня видеть, профессор Диппет? – спросил Реддль. Он, кажется, волновался.

– Садись, – сказал Диппет. – Я как раз прочел твое письмо.

– О, – произнес Реддль. Он сел и крепко сцепил ладони.

– Мой дорогой мальчик, – благожелательно начал Диппет. – Я никак не могу позволить тебе остаться в школе на лето. Но ты ведь и сам хочешь поехать домой на каникулы?

– Нет, – не задумываясь, ответил Реддль. – Я с гораздо большим удовольствием останусь в «Хогварце», чем возвращусь в этот... в этот...

– Ты, кажется, на каникулах живешь в сиротском приюте у муглов? – осведомился Диппет.

– Да, сэр, – ответил Реддль и слегка покраснел.

– Ты муглорожденный?

– Полукровка, сэр, – сказал Реддль. – Отец мугл, мать ведьма.

– И твои родители оба?..

– Мать умерла сразу после моего рождения, сэр. В приюте мне рассказали, сэр, что она успела лишь дать мне имя – Том, в честь отца, и Ярволо, в честь деда.

Диппет сочувственно поцокал языком.

– Понимаешь, Том, – вздохнул он, – мы могли бы сделать для тебя исключение, но, учитывая обстоятельства...

– Вы имеете в виду преступления, сэр? – спросил Реддль, и у Гарри сжалось сердце. Он подошел ближе, боясь упустить хоть слово.

– Совершенно верно, – ответил директор. – Мой дорогой мальчик, ты и сам понимаешь, как неосмотрительно с моей стороны было бы позволить тебе оставаться в замке после окончания семестра. Особенно в свете недавней трагедии... смерть этой несчастной девочки... Приют сейчас гораздо безопаснее. К слову сказать, в министерстве магии поговаривают о том, чтобы закрыть школу. Мы так и не приблизились к разгадке, кто же... ммм... несет ответственность за наши невзгоды...

Реддль расширил глаза:

– Сэр, а если преступника поймают? Если нападения прекратятся?..

– Что ты хочешь сказать? – Голос у Диппета дрогнул. – Реддль, тебе что-то известно?

– Нет, сэр, – поспешно ответил Реддль.

Но Гарри сразу понял, что это было такое же «нет», каким он сам ответил Думбльдору.

Диппет в некотором разочаровании погрузился глубже в кресло.

– Можешь идти, Том...

Реддль соскользнул со стула и, ссутулившись, вышел из кабинета. Гарри направился за ним.

Они спустились на каменном винтовом эскалаторе, вышли из стены возле горгульи и оказались в коридоре, где уже почти стемнело. Гарри видел, что Реддль напряженно размышляет. Тот кусал губы и хмурил лоб.

Затем, вдруг придя к какому-то решению, Реддль быстро зашагал прочь. Гарри неслышно скользил за ним. По дороге им никто не попадался, пока они не вышли в вестибюль. Там с мраморной лестницы Реддля окликнул высокий бородатый колдун с длинной золотисто-каштановой гривой.

– Почему ты ходишь здесь в такое время, Том?

Гарри в изумлении уставился на колдуна. То был не кто иной, как Думбльдор, только на пятьдесят лет моложе.

– Я ходил к директору, сэр, – ответил Реддль.

– Что ж, тогда поскорее иди спать, – сказал Думбльдор, пронзив Реддля знакомым рентгеновским взглядом. – Сейчас лучше не бродить

одному по темным коридорам. После того как...

Он тяжело вздохнул, пожелал Реддлю спокойной ночи и удалился. Реддль понаблюдал, как Думбльдор скрывается из виду, и ринулся к входу в подземелье; сгорая от любопытства, Гарри следовал за ним по пятам.

Однако, к его глубокому разочарованию, Реддль привел его не в скрытый переход и не в секретный тоннель, а в то самое подземелье, где проходили занятия по зельеделию. Факелы не горели, и, когда Реддль почти совсем закрыл дверь, Гарри с трудом различал его в темноте – Реддль стоял неподвижно и зорко наблюдал за коридором.

Миновал целый час – по крайней мере, Гарри так показалось. Видел он только неподвижную как статуя фигуру Реддля, глядевшего в щелочку. Как раз в ту минуту, когда Гарри окончательно перестал чего-то ждать и захотел вернуться в настоящее, за дверью послышалось движение.

Кто-то крался по коридору. Кто бы это ни был, он прошел мимо подземелья, где скрывались Реддль и Гарри. Реддль беззвучной тенью выскользнул в щель и на цыпочках направился следом. Гарри шел за ним – тоже на цыпочках, забыв, что его никто не может слышать.

Минут пять они преследовали неизвестного. Потом Реддль вдруг остановился и, склонив голову, прислушался к новым звукам. Гарри слышал, как со скрипом открывается дверь. Кто-то хрипло зашептал:

– Давай-ка, дружок... давай... сюда... в ящичек...

Было что-то до боли знакомое в этом голосе...

Реддль внезапно выпрыгнул из-за угла. Гарри вышел за ним. Он увидел черный силуэт огромного парня, согнувшегося перед открытой дверью с огромным ящиком в руках.

– Добрый вечер, Рубеус, – отрывисто произнес Реддль.

Парень, подскочив, захлопнул дверь.

– Чего тебе надо, Том?

Реддль подошел ближе.

– Игра окончена, – сказал он. – Я собираюсь тебя сдать, Рубеус. Они уже хотят закрыть «Хогварц» – если не прекратятся преступления.

– Чего это ты го...

– Я не думаю, что ты хотел кого-то убивать. Но из чудовищ не получаются смирные ручные зверушки. Видимо, ты выпустил его

поразмяться, и...

– Никого он не убивал! – выкрикнул гигант, загораживая своим телом дверь. За дверью что-то клацало и шуршало.

– Перестань, Рубеус, – сказал Реддль, подходя еще ближе. – Завтра приедут родители убитой девочки. Самое меньшее, что может сделать школа, – позаботиться, чтобы монстр, убивший ее, был уничтожен...

– Это не он! – в панике заорал парень, и его голос эхом отозвался в длинном коридоре. – Не он! Он бы ни в жисть!..

– Отойди, – приказал Реддль, доставая палочку.

От его заклинания в коридоре внезапно вспыхнул ярчайший свет. Дверь за огромным парнем распахнулась с такой силой, что гигант отлетел к стене. Из-за двери вырвалось нечто, и Гарри отчаянно, пронзительно завопил – чего, разумеется, никто не услышал.

Необъятных размеров низко висящее тело и путаница черных ног; сверкание множества глаз и пара острых как бритва ротовых клешней – Реддль снова поднял палочку, но опоздал. Жуткое создание опрокинуло его, покатилося прочь по коридору и скрылось из виду. Реддль с трудом поднялся, поглядел ему вслед, взмахнул палочкой, но тут огромный парень прыгнул на него, выхватил палочку у него из рук и швырнул Реддля на пол с воплем:

– НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

Все вдруг закружилось, тьма стала непроницаемой; Гарри почувствовал, что падает, и с грохотом, разбросав руки-ноги, приземлился на собственную постель в спальне «Гриффиндора». Дневник Реддля лежал у него на животе.

Он не успел даже перевести дыхание, как отворилась дверь и вошел Рон.

– Вот ты где, – сказал он.

Гарри сел. Он вспотел и сильно дрожал.

– Что случилось? – забеспокоился Рон.

– Это был Огрид, Рон. Огрид открыл Тайную комнату пятьдесят лет назад.

Глава четырнадцатая

Корнелиус Фудж

Гарри, Рон и Гермиона давно знали, что за Огридом водится один грешок – нездоровая привязанность к огромным и опасным тварям. Чего стоил дракон, которого Огрид в прошлом году пытался вырастить в своей бревенчатой избушке, или гигантский трехголовый пес, нареченный Пушком. Можно не сомневаться, что и в юные годы Огрид, узнав о монстре в замке, пошел бы на все, лишь бы увидеть его хоть краешком глаза. Он наверняка пожалел бы сидящее взаперти чудовище и решил бы дать ему размять многочисленные ноги; Гарри прямо видел, как тринадцатилетний Огрид пытается надеть на монстра ошейник с поводком. Но еще Гарри был уверен, что на убийство Огрид не способен – ни в тринадцать лет, ни сейчас.

Гарри почти жалел, что разгадал дневник Реддля. Рон с Гермионой снова и снова заставляли его рассказывать, что он видел; его уже тошнило от этих пересказов и от дальнейших одинаковых обсуждений.

– Реддль *мог* ошибиться, – сказала Гермиона. – А на людей нападал совсем другой монстр...

– У нас тут что, монстропарк? – скучно спросил Рон.

– Но мы всегда знали, что Огрида исключили, – несчастным голосом произнес Гарри. – А преступления, видимо, прекратились, когда его выкинули из школы. Иначе Реддлю не дали бы Приза.

Рон попробовал сменить пластинку:

– Реддль и вправду похож на Перси... Ну кто его заставлял доносить на Огрида?

– Но ведь чудовище кого-то *убило*, – напомнила Гермиона.

– А Реддлю предстояло возвращаться в мугловый детдом, – прибавил Гарри. – Мне, например, понятно, до чего он хотел остаться в школе...

– А ты ведь встретился с Огридом на Дрянналлее, помнишь, Гарри?

– Он покупал средство от плотоядных слизняков! – выпалил тот.

Все трое замолчали. После длительной паузы Гермиона отважилась задать самый щекотливый вопрос:

– Может, стоит спросить самого Огрида, как думаете?

– Ага, нанести ему приятный визит, – съязвил Рон. – Приветик, Огрид. Скажи, ты в последнее время не выпускал в замке кого-нибудь такого страшного, бешеного, мохнатого?

В конце концов было решено ничего не говорить Огриду, если только не произойдет новых несчастий, и, поскольку дни проходили за днями, а бестелесный голос не возвращался, ребята уже стали надеяться, что им никогда не придется спрашивать лесника, за что его исключили из школы. С тех пор как окаменели Джастин и Почти Безголовый Ник, миновало уже почти четыре месяца, и общественное мнение гласило, что маньяк, кто бы он ни был, пропал навсегда. Дрюзгу наконец-то надоела песенка «Ах, Поттер-грязноттер», Эрни Макмиллан однажды на гербологии вполне вежливо попросил Гарри передать ему ведро с прыгучими поганками, а в марте в теплице номер три мандрагошки закатали шумную разудалую вечеринку. Профессор Спарж была вне себя от счастья.

– Как начнут лазить друг к другу в горшки – значит, окончательно созрели, – сообщила она Гарри. – И тогда мы оживим наших бедных пострадавших.

В пасхальные каникулы у второклассников появилась новая тема для размышлений. Пришло время выбирать предметы для изучения в третьем классе. Гермиона в отличие от многих отнеслась к вопросу со всей серьезностью.

– Это повлияет на всю нашу дальнейшую жизнь! – заявила она Гарри и Рону, когда все они читали список предметов и проставляли галочки.

– Я хочу только одного – бросить зельеделание, – сказал Гарри.

– Нельзя, – мрачно буркнул Рон. – Все старые предметы остаются, а то я бросил бы защиту от сил зла.

– Но ведь это же такой важный предмет! – потрясенно возразила Гермиона.

– Только не с Чаруальдом, – сказал Рон. – Меня лично он научил одному: никогда не выпускать эльфеек из клетки.

Невилл Лонгботтом получал многочисленные письма от родственников, и каждый советовал свое. Вконец запутавшийся и

нервный, Невилл водил носом по списку, высунув язык, и допрашивал окружающих, что, по их мнению, труднее: арифмантика или древние руны. Дин Томас, который, как и Гарри, вырос среди муглов, в итоге решил дело так: закрыл глаза, ткнул волшебной палочкой в список и записался на те предметы, которые она указала. Гермiona ничьих советов не спрашивала, просто записалась на все подряд.

Гарри лишь криво усмехнулся, представив себе, как он обсуждал бы свою дальнейшую колдовскую карьеру с дядей Верноном и тетей Петунией. Однако у него не то чтобы вовсе не было советчиков: Перси Уизли с удовольствием делился опытом.

– Все зависит от того, чем ты хочешь *заняться*, Гарри, – изрек он. – Никогда не рано подумать о будущем, так что я рекомендовал бы тебе выбрать прорицание. Потом, насчет мугловедения ходят разговоры, что это, дескать, для дураков, но лично я считаю, что нужно иметь очень четкие представления о неколдовском мире, особенно если собираешься работать в тесном контакте с ним, – посмотри на моего отца, он постоянно при мугл-артефактах. Мой брат Чарли всегда любил проводить время на природе, поэтому выбрал уход за волшебными существами. Надо использовать свои сильные стороны, Гарри.

Но действительно силен Гарри был только в квидише. Кончилось тем, что он выбрал те же предметы, что и Рон, рассудив так: если он окажется полной бездарью, по крайней мере рядом будет друг, который сможет помочь.

В следующем квидишном матче «Гриффиндор» играл против «Хуффльпуффа». Днев настоял, чтобы команда тренировалась каждый день после ужина, и у Гарри, кроме квидиша и домашних заданий, совсем ни на что не оставалось времени. Тем не менее тренировки стали попроще – во всяком случае, посуше, – и вечером перед субботним матчем Гарри направлялся в гриффиндорскую спальню оставить метлу с приятным ощущением, что шансы «Гриффиндора» получить кубок школы весьма и весьма высоки.

Но его хорошее настроение не продлилось долго. На вершине лестницы в спальню он обнаружил Невилла, близкого к отчаянию.

– Гарри... я не знаю, кто это сделал... я только что вошел...

Со страхом на него глядя, Невилл распахнул дверь.

Повсюду были разбросаны вещи из сундука Гарри. Валялся разорванный плащ. Простыни были сдернуты с кровати, все ящики тумбочки выдвинуты, а их содержимое расшвыряно по матрасу.

Раскрыв рот, Гарри медленно подошел к кровати по страницам, вырванным из «Турне с троллями». Невилл помог ему застелить постель. Вошли Рон, Дин и Шеймас. Дин громко ругнулся.

– Кто это тут все раскидал, а, Гарри?

– Понятия не имею, – в расстройстве ответил тот.

Рон в это время глядел на разбросанную одежду. Все карманы были вывернуты наружу.

– Кто-то что-то искал, – сказал Рон. – Посмотри, ничего не пропало?

Гарри стал подбирать вещи и кидать их в сундук. И лишь когда он отправил на место последнюю из Чаруальдовых книг, до него вдруг дошло, чего не хватает.

– Дневник Реддля пропал! – вполголоса сказал он Рону.

– Что?!

Гарри мотнул головой на дверь, и они вышли, быстро спустились в общую гостиную и подсели к Гермионе, читавшей «Адаптированные древние руны».

Узнав новости, Гермиона ужаснулась:

– Но ведь... только кто-то из «Гриффиндора» мог украсть... никто больше не знает пароля...

– О том и речь, – подтвердил Гарри.

Проснувшись на следующий день, они увидели, что на улице ослепительно сияет солнце и дует свежайший ветерок.

– Идеальные условия для квидиша! – радостно сообщил Древ за гриффиндорским столом, нагружая омлетом тарелки игроков. – Гарри, давай-ка сюда, нужно как следует подзаправиться.

Гарри внимательно изучал гриффиндорцев за столом, гадая, не сидит ли новый владелец дневника Реддля прямо у него перед носом. Гермиона настоятельно советовала сообщить о краже, но Гарри такая мысль не нравилась. Тогда пришлось бы рассказать учителям о дневнике все подробности, а ведь, возможно, не каждый из них знает, за что Огрида исключили пятьдесят лет назад. Гарри не хотел сам вытаскивать на свет эту темную историю.

Он вышел из Большого зала вместе с Роном и Гермионой, направился было в спальню за квидишной формой и метлой, и тут еще одно серьезное беспокойство пополнило собой растущий список его забот. Едва он шагнул на мраморную лестницу, как снова услышал:

– ...хочу вонзиться... разорвать... наконец убить...

Он заорал. Рон и Гермиона в ужасе отпрыгнули.

– Опять голос! – воскликнул Гарри, оглядываясь через плечо. – Я только что слышал... А вы?

Рон, с округлившимися глазами, молча потряс головой. Гермиона между тем хлопнула себя по лбу.

– Гарри, мне кажется, я поняла! Мне надо в библиотеку!

И она умчалась вверх по лестнице.

– Что еще она поняла? – рассеянно проговорил Гарри, по-прежнему озираясь: откуда же шел этот голос?

– Не знаю, но явно гораздо больше, чем я. – Рон снова потряс головой.

– А в библиотеку-то ей зачем?

– Гермиона всегда ходит в библиотеку, – пожал плечами Рон. – У нее правило: не знаешь, что делать, – иди в библиотеку.

Гарри стоял в нерешительности и прислушивался, не раздастся ли снова голос, но тут из Большого зала потянулся народ. Все громко разговаривали, направляясь к выходу, – ученики шли смотреть игру.

– Тебе пора, – сказал Рон. – Уже почти одиннадцать – матч...

Гарри кинулся в гриффиндорскую башню, схватил «Нимбус-2000» и влился в толпу, шедшую к полю, но мыслями оставался в замке, рядом с бестелесным голосом. Облачаясь в квидишную форму, он утешал себя тем, что в замке никого нет, все на улице.

Команды вышли на поле под оглушительные аплодисменты. Оливер Древер для разминки облетел кольца; мадам Самогони выпустила мячи. Хуффлупфцы в канареечной форме стояли кружком и в последний раз обсуждали тактику сегодняшней игры.

Гарри как раз собирался сесть на метлу, когда профессор Макгонаголл полушагом-полубегом вылетела на поле. В руках у нее был огромный фиолетовый мегафон.

Сердце у Гарри упало.

– Матч отменяется, – объявила профессор Макгонаголл в мегафон до отказа забитым трибунам.

Понеслись недовольные вопли. Обескураженный Оливер Древер приземлился и побежал к профессору Макгонаголл, забыв слезть с метлы.

– Но, профессор! – кричал он. – Мы должны играть... кубок... *«Гриффиндор»*...

Профессор Макгонаголл не обратила на него никакого внимания и продолжала кричать в мегафон:

– Все учащиеся должны немедленно вернуться в общие гостиные своих колледжей! Там они получают дополнительную информацию от кураторов! Как можно скорее, поторопитесь!

Затем она опустила мегафон и поманила Гарри:

– Поттер, вам, я думаю, лучше пойти со мной...

Не понимая, с какой стати его подозревают на этот раз, Гарри увидел, как от недовольной толпы отделился Рон; он догнал их на полпути к замку. К удивлению Гарри, профессор Макгонаголл не возражала:

– Да, пожалуй, вам тоже лучше пойти с нами, Уизли...

Кто-то, проходя мимо, негодовал из-за отмены матча; кто-то испуганно молчал. Гарри с Роном вслед за профессором Макгонаголл вошли в замок и поднялись по мраморной лестнице. Но повели их не в кабинет.

– Для вас это будет потрясение, – предупредила профессор Макгонаголл неожиданно мягко, когда они подошли к лазарету. – Произошло еще одно преступление... *двойное*.

Внутренности у Гарри исполнили сальто-мортале. Профессор Макгонаголл распахнула дверь.

Мадам Помфри склонилась над длинноволосой кудрявой пятиклассницей. Гарри узнал эту девочку – она была из «Вранзора», это у нее они спрашивали дорогу в общую гостиную «Слизерина». А на соседней койке...

– *Гермиона!* – простонал Рон.

Гермиона лежала неподвижно, глядя в потолок стеклянными глазами.

– Их обнаружили у библиотеки, – сообщила профессор Макгонаголл. – Видимо, у вас нет объяснений? Возле них на полу нашли вот это...

И она показала круглое зеркальце.

Гарри с Роном покачали головами, не отрывая взглядов от Гермионы.

– Я провожу вас в гриффиндорскую башню, – печально сказала профессор Макгонаголл. – Мне в любом случае нужно выступить перед учениками.

– Все учащиеся возвращаются в свои гостиные к шести часам вечера. После этого никто не выходит. В классы, а также в туалет вас будут сопровождать учителя. Квидишные тренировки и матчи временно отменяются. Также – никаких других мероприятий в вечернее время.

Гриффиндорцы, набившиеся в общую гостиную, безмолвно слушали профессора Макгонаголл.

Она скатала свиток с текстом объявления и произнесла сдавленным голосом:

– Вряд ли нужно объяснять, до чего я обеспокоена. Весьма вероятно, что школу закроют, если преступник не будет пойман. Я убедительно прошу тех из вас, кто может сообщить по этому поводу хоть что-то, незамедлительно так и поступить.

И она не очень ловко выбралась в дыру за портретом. Гриффиндорцы сразу же загалдели.

– Значит, так: минус двое гриффиндорцев, не считая гриффиндорского привидения, одна из «Вранзора» и один из «Хуффльпуффа», – посчитал по пальцам Ли Джордан, приятель близнецов Уизли. – Интересно, почему *ни до кого* из учителей не доходит, что все слизеринцы целы? Разве не *ясно*, что зло исходит от «Слизерина»? *Наследник* Слизерина, *монстр* тоже слизеринский – может, попросту разогнать колледж? – взревел он под одобрительные кивки и разрозненные аплодисменты.

Перси Уизли сидел в кресле позади Ли Джордана, однако на сей раз почему-то не спешил высказать свое мнение. Он был бледен и растерян.

– Перси в ужасе, – тихонько шепнул Джордж на ухо Гарри. – Эта девочка из «Вранзора», Пенелопа Диамант, – она староста. Мне кажется, Перси не ожидал, что монстр посмеет напасть на *старосту*.

Но Гарри слушал вполуха. Перед глазами его была Гермиона, неподвижной статуей лежавшая на больничной койке. И, помимо всего прочего, если преступника вскоре не поймают, сам он застрянет

у Дурслеев. Том Реддль выдал Огрида из-за того, что не мог вынести и мысли о детдоме. Гарри прекрасно его понимал.

– Что нам делать? – шепнул ему Рон. – Как думаешь, они подозревают Огрида?

– Надо пойти и поговорить с ним, – решил Гарри. – Вряд ли сейчас виноват он, но, если он выпустил монстра в прошлый раз, должен знать, как попасть в Тайную комнату, а это уже кое-что.

– Но Макгонаголл сказала, что из башни можно только на занятия...

– Кажется, – сказал Гарри очень-очень тихо, – пришло время достать папин плащ.

В наследство от отца Гарри досталась одна-единственная вещь: длинный серебристый плащ-невидимка. Этот плащ давал им с Роном шанс тайно, чтоб никто не узнал, выбраться из замка и сходить к Огриду. Ребята отправились в постель, как обычно, подождали, пока Невилл, Дин и Шеймас перестанут обсуждать Тайную комнату и наконец уснут, затем встали, снова оделись и укрылись плащом.

В путешествии по мрачному, темному замку не было ничего приятного. Гарри, который и раньше выбирался из гриффиндорской башни по ночам, никогда еще не видал таких толп в коридорах после заката. Преподаватели, старосты, привидения дежурили парами, зорко оглядываясь по сторонам – нет ли чего подозрительного. Плащ-невидимка не скрывал звуков, и Гарри с Роном пережили несколько неприятных мгновений, когда Рон ушиб палец на ноге буквально в нескольких ярдах от профессора Злея, стоявшего на посту. К счастью, как раз когда Рон ругнулся, Злей чихнул. Словом, мальчики испытали огромное облегчение, когда наконец добрались до дубовых дверей и незаметно выскользнули наружу.

Ночь была ясная, звездная. Они поскорей побежали к освещенным окошкам хижины, где жил Огрид. Плащ сняли уже на пороге и постучали.

Спустя секунду Огрид распахнул дверь. На мальчиков уставилась стрела – Огрид вышел с арбалетом. Клык громко лаял за спиной хозяина.

– Ой, – сказал Огрид, опуская оружие и недоуменно глядя на гостей. – Вы чего тут?

– А это зачем? – входя в дом, спросил Гарри и показал на арбалет.

– Так, ерунда... низачем, – проворчал Огрид. – Жду койкого... не важно... садитесь... чайку сварганю...

Было видно, что он с трудом соображает, что делает. Водой из чайника чуть не залил огонь в очаге и тут же лапищей неосторожно сшиб со стола заварочный чайник.

– Что с тобой? – спросил Гарри. – Ты знаешь про Гермиону?

– Ага, знаю, слышал, – ответил Огрид слегка дрогнувшим голосом.

Он то и дело поглядывал на дверь. Налил мальчикам по огромной кружке кипятку (пакетики с чаем положить забыл) и как раз выкладывал на тарелку твердый ломоть фруктового кекса, когда раздался требовательный стук в дверь.

Огрид уронил кекс. Гарри с Роном панически переглянулись, набросили на себя плащ-невидимку и отползли в угол. Огрид убедился, что ребят не видно, и снова распахнул дверь.

– Добрый вечер, Огрид.

Вошел Думбльдор – серьезный, почти суровый. Следом порог перешагнул очень странный человек.

У незнакомца были седые взъерошенные волосы и озабоченное лицо. Одет он был пестро: костюм в полоску, малиновый галстук, длинная черная мантия и пурпурные остроносые сапоги. Под мышкой – лаймово-зеленый котелок.

– Это папин начальник! – выдохнул Рон. – Корнелиус Фудж, министр магии!

Гарри ткнул Рона в бок, чтоб замолчал.

Огрид побледнел и покрылся испариной. Он рухнул на стул и посмотрел сначала на Думбльдора, потом на Корнелиуса Фуджа.

– Плохи дела, Огрид, – отрывисто проговорил Фудж, – очень плохи. Пришлось приехать. Четыре нападения на муглорожденных. Дело зашло слишком далеко. Министерство вынуждено принимать меры.

– Я б ни в жисть, – пролепетал Огрид, умоляюще глядя на Думбльдора, – вы ж знаете, я б ни в жисть, профессор Думбльдор, сэр...

– Я хотел бы довести до вашего сведения, Корнелиус, что я целиком и полностью доверяю Огриду, – нахмурился Думбльдор, глядя на Фуджа.

– Послушайте, Альбус, – неловко проговорил Фудж. – Прошное Огрида работает против него. Министерство вынуждено действовать – к нам поступили сигналы от членов правления школы...

– Я еще раз повторяю, Корнелиус, что устранение Огрида не даст ни малейшего результата, – сказал Думбльдор. В его голубых глазах горел огонь, какого Гарри еще не видел.

– Посмотрите на дело с моей стороны, – пробормотал Фудж, вертя в руках котелок. – На меня давят. Люди должны видеть, что я принимаю меры. Если выяснится, что это не Огрид, он просто вернется в школу, никто и слова не скажет. Но я обязан его забрать. Обязан. Я бы не выполнил свой долг, если бы...

– Забрать? – спросил Огрид. Он дрожал с головы до ног. – Куда забрать?

– Совсем ненадолго, – ответил Фудж, избегая его взгляда. – Это не наказание, Огрид, скорее мера предосторожности. Если поймут кого-то другого, тебя сразу же отпустят с надлежащими извинениями...

– Не в Азкабан? – хрипло простонал Огрид.

Не успел Фудж ответить, в дверь опять громко постучали.

Думбльдор открыл. На этот раз локтем в бок получил Гарри: он явственно ахнул.

В хижину, укутанный в длинную черную дорожную мантию, уверенно вошел мистер Люциус Малфой. На лице его играла холодная, удовлетворенная улыбка. Клык заворчал.

– Уже здесь, Фудж, – одобрительно кивнул Малфой. – Молодец, молодец...

– Тебе чего тут? – яростно вскинулся Огрид. – Вон из моего дому!

– Дорогой вы мой, поверьте, я не испытываю ни малейшего удовольствия от пребывания в вашем... ммм... вы называете это домом? – проговорил Люциус Малфой, окидывая презрительным взглядом маленькую хижину. – Просто я прибыл в школу, и мне сообщили, что я найду директора здесь.

– И чего же вы от меня хотите, Люциус? – спросил Думбльдор. Говорил он вежливо, но в голубых глазах по-прежнему полыхал огонь.

– Ужасное известие, Думбльдор, – лениво растягивая слова, сказал Малфой и достал длинный пергаментный свиток, – но правление школы считает, что вам настало время отойти от дел. Вот приказ о

вашем отстранении – за двенадцатью подписями. Боюсь, нам всем кажется, что вы потеряли чутье. Сколько уже произошло нападений? Сегодня еще два? Такими темпами в «Хогварце» совсем не останется муглорожденных, а ведь мы все понимаем, какая это будет *невосполнимая* потеря, не так ли?

– Послушайте, Люциус, – вскинулся Фудж. – Отстранить Думбльдора?! Нет-нет, это последнее, чего бы нам хотелось в настоящий момент...

– Назначение – или отстранение – директора всегда являлось прерогативой правления, Фудж, – ровно сказал мистер Малфой. – И поскольку Думбльдору не удастся остановить маньяка...

– Послушайте, Малфой, если *Думбльдору* не удалось, – над верхней губой у Фуджа выступил пот, – то, я хочу сказать, кому тогда *удастся*?

– Это мы посмотрим, – неприятно улыбнулся мистер Малфой. – Но двенадцать членов правления проголосовали за...

Огрид вскочил и своей косматой головой смел паутину с потолка.

– А скольким ты угрожал, шантажировал их, чтоб согласились, а, Малфой? – проревел он.

– Дорогой Огрид, ваш неумный темперамент однажды, знаете ли, доведет вас до беды, – невозмутимо проговорил мистер Малфой. – Я бы не советовал вам кричать подобным образом на охранников Азкабана. Им это совсем не понравится.

– Нельзя трогать Думбльдора! – завопил Огрид. Клык сжался и заскулил в своей корзине. – Заберете его, так ни один мугленыш не выживет! Будут еще убийства!

– Успокойся, Огрид, – строго приказал Думбльдор и посмотрел на Люциуса Малфоя: – Если правление настаивает, Люциус, я, разумеется, уйду...

– Но... – заикнулся Фудж.

– *Нет!* – взвыл Огрид.

Думбльдор не отводил своих голубых глаз от холодных стальных глаз Люциуса Малфоя.

– Однако, – продолжал Думбльдор очень медленно и отдельно, чтобы никто ничего не пропустил, – я *воистину* покину эту школу, лишь когда здесь не останется ни одного преданного мне человека. Кроме того, в стенах «Хогварца» те, кто просит о помощи, всегда ее получают.

Какую-то долю секунды Гарри был почти уверен, что Думбльдор бросил молниеносный взгляд в угол, где стояли они с Роном.

– Как трогательно! – поклонился ему Малфой. – Нам всем будет не хватать вашего... ммм... в высшей степени своеобразного метода ведения дел, Альбус. Остается лишь надеяться, что ваш преемник сумеет предотвратить любые – как там? – *убийства*.

Он распахнул перед Думбльдором дверь хижины и с поклоном проводил его наружу. Фудж, по-прежнему неловко мявший поля котелка, ждал, пока за порог выйдет Огрид, но тот не двигался. Великан глубоко вдохнул и, тщательно подбирая слова, сказал в пространство:

– Ежели кто хочет чего *выведать*, так ему надо идти за *науками*. Они выведут куда надо! Вот чего я скажу.

Фудж уставился на него в полнейшем недоумении.

– Все, иду, – сказал Огрид, набрасывая на плечи плащ чертовой кожи. Но уже почти на пороге снова остановился и опять громко сказал в пространство: – И кому-то надо кормить Клыка, пока меня нету.

Дверь с грохотом захлопнулась, и Рон вылез из-под плаща.

– Ну мы и вляпались, – хрипло сказал он. – Думбльдора нет. Школу, считай, можно закрывать. Вот увидишь, завтра опять кто-нибудь окаменеет.

Клык завыл и стал скрестись в закрытую дверь.

Глава пятнадцатая

Арагог

Кзамку потихоньку подкрадывалось лето; небо и озеро стали одинакового барвинкового оттенка; огромные, с кочан капусты, цветы распустились в теплицах. Но, как бы хорош ни был вид из окон, без Огрида, что расхаживал бы по двору со своей неизменной тенью – Клыкком, – все казалось не таким, как надо, и не лучше, чем в замке, где дела шли из рук вон плохо.

Гарри с Роном хотели навестить Гермиону, но, как выяснилось, в лазарет теперь не пускали посетителей.

– Мы больше не можем рисковать, – сурово сообщила мадам Помфри, совсем чуть-чуть приоткрыв дверь. – Нет-нет, извините, мы боимся, что преступник проникнет в палаты и прикончит этих несчастных...

Без Думбльдора леденящий ужас парализовал обитателей замка. Создавалось впечатление, что солнечные лучи доходили до стен, но почему-то отказывались проникать в створчатые окна. Не найти было лица, на котором не читались бы страх или тревога; если вдруг и раздавался смех, звучал он пронзительно и ненатурально и вскоре обрывался.

Гарри твердил про себя последние слова Думбльдора: «Я воистину покину эту школу, лишь когда здесь не останется ни одного преданного мне человека. Кроме того, в стенах “Хогварца” те, кто просит о помощи, всегда ее получают». Однако что толку от этих слов? Кого конкретно просить о помощи, если все как один перепуганы до смерти?

Намек Огрида про пауков понять было гораздо легче – беда в том, что в замке их, похоже, не осталось, хотя Гарри искал повсюду и Рон ему помогал (правда, очень неохотно). Разумеется, им сильно мешало то, что теперь они не могли передвигаться по замку самостоятельно, а обязаны были ходить большими группами вместе с другими

гриффиндорцами. Практически все ученики радовались, что их везде сопровождают учителя, но Гарри это крайне досаждало.

И все-таки был один человек, кто откровенно наслаждался атмосферой всеобщего страха и подозрительности. Драко Малфой расхаживал по школе до того гордо, будто его произвели в старшие старосты. Поначалу Гарри не мог взять в толк, чем так доволен Драко, но однажды на зельеделии, через две недели после того, как ушли Думбльдор и Огрид, он, сидя за спиной у Малфоя, подслушал его разговор с Крabbе и Гойлом.

– Я знал, что отец избавит школу от Думбльдора, – упивался восторгом Малфой, даже не понижая голос. – Я же говорил, он считает, что Думбльдор – худший директор за всю историю «Хогварца». Может, теперь мы наконец получим нормального директора. Который *не захочет* закрывать Тайную комнату. Макгонаголл тоже долго не продержится, она так, только замещает...

Злей прошептал мимо Гарри, ни словом не отметив отсутствие Гермионы.

– Сэр, – громко сказал Малфой, – сэр, почему бы вам не стать директором школы?

– Перестаньте, Малфой, – произнес Злей, но его тонкие губы невольно расползлись в улыбке. – Профессор Думбльдор всего-навсего отстранен по решению правления. Осмелюсь предположить, что вскоре он вернется к своим обязанностям.

– Конечно-конечно, – ухмыльнулся Малфой. – Но вы, сэр, вы бы обязательно получили папин голос, если б выставили свою кандидатуру, – я *обязательно* скажу папе, что вы лучший учитель в школе, сэр...

Злей, довольно кривя губы, продолжал расхаживать по классу, к счастью не заметив, как Шеймас Финниган притворился, будто его вырвало в котел.

– Удивляюсь, как это еще не все мугроды собрали свое барахло, – не унимался Малфой. – Спорю на пять галлеонов, что следующая жертва обязательно умрет. Жалко, это будет не Грейнджер...

Тут прозвонил колокол – к счастью: при последних словах Малфоя Рон вскочил, но в общей суматохе окончания урока его попытка треснуть Драко по роже осталась незамеченной.

– Пусти, я его урою, – рычал и рвался Рон, а Гарри и Дин висели у него на руках. – Мне плевать, мне даже палочка не нужна, я его голыми руками удавлю...

– Поторопитесь, я должен отвести вас на гербологию, – рявкнул Злей поверх голов, и класс отправился строем, с Гарри, Роном и Дином в арьергарде. Рон все пытался освободиться. Отпустили его, лишь когда Злей вывел ребят из замка и они через огород зашагали к теплицам.

На гербологии занятия проходили в подавленной атмосфере: из группы выбыли уже двое – Джастин и Гермиона.

Профессор Спарж велела провести обрезку абиссинского фигисмаслома. Гарри пошел выкинуть охапку обрезанных веток в компостную кучу и столкнулся с Эрни Макмилланом. Тот набрал воздуха и очень официальным тоном объявил:

– Я хочу сказать, Гарри: я очень сожалею, что подозревал тебя. Я знаю, ты никогда бы не причинил вреда Гермионе Грейнджер, и приношу извинения за всю ту чушь, которую про тебя говорил. Мы теперь, знаешь, в одной лодке, и, в общем...

Он протянул пухлую руку, и Гарри ее пожал.

Эрни и его подруга Ханна подошли и занялись тем же фигисмасломом, что и Гарри с Роном.

– Этот тип Драко, – сказал Эрни, обламывая сухие сучки, – по моему, ужасно доволен тем, что происходит, вам не кажется? Знаете, что я думаю? Я думаю, он и есть Наследник Слизерина!

– Какой ты умный, – буркнул Рон. В отличие от Гарри он не был готов так легко простить Эрни.

– Ты тоже думаешь, что это Малфой, да, Гарри? – спросил Эрни.

– Нет, – ответил Гарри так твердо, что и Эрни, и Ханна удивленно уставились на него.

И тут Гарри кое-что заметил.

За окном несколько больших пауков ползли вниз по стеклу, вытянувшись неестественно ровной линией, будто направлялись в некое заранее известное место по кратчайшему пути. Гарри ударил Рона по руке секатором.

– Ой! Ты что?..

Гарри показал на пауков, щурясь против яркого солнца.

– Да, – сказал Рон, тщетно изображая радость. – Но мы же не пойдем выслеживать их сейчас...

Эрни и Ханна с любопытством прислушивались.

Гарри щурился все сильнее – пауки удалялись. Если они так и идут в этом направлении, нет никаких сомнений, куда они рано или поздно придут.

– Похоже, они направляются в Запретный лес...

Рон еще больше расстроился.

После урока профессор Спарж проводила класс на защиту от сил зла. Гарри с Роном чуть-чуть отстали, чтобы спокойно поговорить.

– Придется снова взять плащ-невидимку, – сказал Гарри. – А еще, наверно, Клыка. Он привык бывать в Запретном лесу с Огридом, может, он нам чем-то поможет...

– Точно, – согласился Рон. Он вертел в руках волшебную палочку. – А там... в Запретном лесу... вроде оборотни? – спросил Рон, когда они, как обычно на уроках Чаруальда, уселись за заднюю парту.

Предпочитая на этот вопрос не отвечать, Гарри сказал:

– Хорошие существа там тоже есть. Кентавры, например, или единороги...

Рон еще не бывал в Запретном лесу. А Гарри – всего один раз и очень надеялся, что никогда больше туда не попадет.

Чаруальд беззаботной птичкой впорхнул в класс. Все уставились на него с недоумением. У остальных учителей улыбка уже давно не появлялась на лицах, но Чаруальд был до крайности жизнерадостен.

– Эй, народ! – бодро крикнул он, искрясь от счастья. – Что за вытянутые физиономии?

Народ раздраженно переглянулся и ничего не ответил.

– Разве вы, ребята, не понимаете, – заговорил Чаруальд медленно, почти по слогам, так, будто преподавал в школе для умственно отсталых, – что опасность миновала! Виновный пойман...

– Это кто сказал? – громко осведомился Дин Томас.

– Мой милый юноша, министр магии не арестовал бы Огрида, если б не стопроцентная уверенность в его виновности, – сказал Чаруальд тоном человека, который вынужден объяснять, что один плюс один будет два.

– Еще как арестовал бы! – крикнул Рон громче Дина.

– Лышу себя надеждой, что об аресте Огрида знаю чу-у-точку больше вас, мистер Уизли, – самодовольно бросил Чаруальд.

Рон начал было говорить, что он вообще-то в этом сомневается, но осекся: Гарри сильно пнул его под столом.

– Нас там не было, забыл? – прошипел Гарри уголком рта.

Однако отвратительная веселость Чаруальда, его намеки – мол, он всегда подозревал, что в Огриде нет ничего хорошего, – его убежденность, что все несчастья закончились, страшно бесили Гарри, и он всерьез боролся с желанием запулить «Ужином с упырями» Чаруальду в лоб. Но ограничился запиской Рону: «Давай пойдем сегодня ночью».

Рон прочитал, сглотнул и скосил глаза на пустое место рядом – то, где обычно сидела Гермиона. Это, похоже, укрепило его дух, и он кивнул.

Общая гостиная «Гриффиндора» последнее время всегда была переполнена, потому что с шести часов вечера гриффиндорцам никуда не разрешалось отлучаться. Кроме того, имелась неисчерпаемая тема для разговоров, поэтому в гостиной даже после двенадцати обязательно кто-то сидел.

Гарри забрал плащ-невидимку из сундука сразу после ужина и весь вечер просидел на нем в ожидании, пока опустеет гостиная. Фред с Джорджем заставили Гарри и Рона играть в карты-хлопушки, а притихшая Джинни грустно наблюдала за ними из любимого кресла Гермионы. Гарри с Роном нарочно проигрывали, чтобы игра поскорее закончилась, но, несмотря на это, перевалило за полночь, когда близнецы и Джинни наконец-то отправились спать.

Гарри и Рон дождались, когда захлопнутся две двери, схватили плащ, укутались и вылезли в дыру за портретом.

Поход через замок снова оказался трудным – приходилось уворачиваться от учителей. В конце концов они все-таки дошли до вестибюля, открыли засов на дубовых дверях, проскользнули наружу, стараясь не заскрипеть створкой, и вышли на залитый лунным светом двор.

– Конечно, – срывающимся голосом сказал Рон, когда они шли по черной траве, – мы можем дойти до леса и обнаружить, что следить-то нам и не за кем. Может, пауки шли вовсе не туда. Я, конечно, согласен, в принципе они направлялись куда-то туда, но...

Полная надежды фраза повисла в воздухе.

Они добрались до хижины Огрида, печальной и безмолвной. В окнах не было света. Когда Гарри открыл дверь, Клык на радостях запрыгал как сумасшедший. Испугавшись, что своим гулким, как из бочки, лаем он перебудит весь замок, ребята поскорее накормили его ирисками из жестяной банки с каминной полки, и те надежно склеили псине челюсти.

Плащ-невидимку Гарри оставил на столе в хижине. В крошечной тьме Запретного леса он не понадобится.

– Гулять, Клык, гулять, – сказал Гарри и похлопал себя по ноге. Клык радостно выскочил за мальчиками из дома, кинулся к самому краю леса и задрал лапу у большого платана.

Гарри вытащил волшебную палочку, пробормотал: «Люмос!» – и на конце ее зажегся крохотный лучик света. Его хватало, чтобы искать пауков на тропинке.

– Умно, – одобрил Рон. – Я бы свою тоже зажег, но сам знаешь – вдруг взорвется или еще чего похуже...

Гарри тронул Рона за плечо и показал в траву под ногами. Два одиноких паучка поспешно уползли от лучика света в темень под деревьями.

– Ладно, – тяжело вздохнул Рон, словно приготовившись к худшему. – Пошли.

И они пошли. Клык носился вокруг, обнюхивая древесные корни и опавшие листья. В лесу, ведомые светом волшебной палочки, они неотступно следовали за неиссякаемым паучьим ручейком, струившимся вдоль тропинки. Они шли за пауками минут двадцать, молча, не произнося ни слова, постоянно прислушиваясь, однако вокруг лишь трещали ветки и шуршали листья. Затем, когда лес сделался почти непроходимым, звезды над головой исчезли и лишь волшебная палочка Гарри сияла в океане тьмы, они заметили, что паучьи вожак сошли с тропинки.

Гарри задержался, чтобы посмотреть, куда направятся пауки, но вне круга света от палочки абсолютно ничего нельзя было разглядеть. Так далеко в лес Гарри раньше не заходил. Он очень отчетливо вспомнил, как в прошлый раз Огрид велел не покидать тропинки. Но сейчас Огрид находился в сотнях миль отсюда, возможно, в камере Азкабана... и он же просил идти за пауками.

Что-то влажное коснулось руки Гарри, он отпрыгнул назад и наступил Рону на ногу. Впрочем, оказалось, что это был всего лишь холодный песий нос.

– Что делать, как ты считаешь? – спросил Гарри у Рона, чьи глаза с трудом различал в темноте – в них отражался свет волшебной палочки.

– Не уходить же теперь, – сказал Рон.

И вслед за пауками, что мелькали молниями черного на черном, они направились в чащу. Идти быстро стало невозможно: кругом торчали корни и пни, едва заметные в черноте. Рукой Гарри чувствовал горячее дыхание Клыка. Не один раз пришлось останавливаться – Гарри нагибался и лучиком света отыскивал пауков.

Цепляясь мантиями за кусты и низкие сучья, они шли уже добрых полчаса. Через некоторое время им показалось, что они спускаются в овраг, хотя деревья росли все так же густо.

Вдруг Клык оглушительно, гулко гавкнул, отчего мальчишки чуть не выпрыгнули из собственной шкуры.

– Что такое? – громко спросил Рон, испуганно вглядываясь в темноту и крепко схватив Гарри за локоть.

– Там что-то движется... – еле слышно ответил Гарри. – Слышишь?.. Похоже, что-то огромное...

Ребята прислушались. Неподалеку, справа от них, что-то и впрямь *огромное* ломало ветки, прорубая себе путь сквозь чащобу.

– Ой нет, – простонал Рон. – Ой нет, ой нет, ой...

– Тихо, – в панике шикнул Гарри. – Оно тебя услышит.

– Услышит *меня*? – переспросил Рон неестественно тонким голосом. – А Клыка оно что, не слышало?

В ужасе они замерли и стали ждать, что будет. Казалось, тьма давит на глаза. Раздался непонятный рокот, после чего воцарилась тишина.

– Как думаешь, что оно делает? – спросил Гарри.

– Наверно, собирается броситься, – ответил Рон.

Они ждали, дрожа и не отваживаясь пошевелиться.

– Может, ушло? – прошептал Гарри.

– Не знаю...

Вдруг справа вспыхнул мощный луч света, такой ослепительный, что ребята машинально руками прикрыли глаза. Клык взвизгнул и побежал, но застрял в терновнике и завизжал еще громче.

– Гарри! – выкрикнул Рон дрогнувшим от облегчения голосом. – Гарри, это же наша машина!

– Что?

– Иди сюда!

Гарри слепо ринулся за Роном к свету, спотыкаясь и чуть не падая на бегу. Мгновение спустя они выбежали на маленькую прогалину.

Пустая машина мистера Уизли стояла среди толстых деревьев под сенью густой листвы и всю жарила фарами. Рон, разинув рот, медленно пошел к ней, а она тихонько двинулась навстречу, как огромная бирюзовая собака, приветствующая хозяина.

– Она жила здесь все это время! – восхитился Рон, обходя автомобиль кругом. – Ты глянь. Одичала...

Бока машины были поцарапаны и заляпаны грязью. Судя по всему, она действительно приспособилась к одинокой жизни в лесу. У Клыка она доверия не вызвала; пес жался к ногам Гарри, и мальчик чувствовал, как сильно тот дрожит. Сам Гарри между тем слегка успокоился, дышать стал ровнее и убрал волшебную палочку в карман.

– А мы-то боялись, что она на нас нападет! – сказал Рон, прислоняясь к машине и любовно ее поглаживая. – Я все думал, куда она делась?

Гарри, сощурившись, огляделся – не видно ли еще пауков, – но те разбежались от яркого света фар.

– Мы потеряли след, – сказал он. – Пошли поищем.

Рон не ответил. И не пошевелился. Его глаза были прикованы к чему-то футы в десяти над землей, прямо за спиной у Гарри. От ужаса Рон побелел.

У Гарри даже не было времени обернуться. Внезапно раздался громкий щелчок; что-то длинное и волосатое обхватило его за пояс и подняло над землей. Гарри повис лицом вниз. Он забарахтался в панике, снова услышал щелчки и увидел, как отрываются от земли ноги Рона. Клык визжал и скулил, а через секунду что-то уволокло его за деревья.

Повиснув вниз головой, Гарри видел, что агрессор передвигается на шести немыслимо длинных мохнатых ножищах, а его держит двумя передними прямо под парой черных и блестящих ротовых клешней. Гарри слышал, что сзади бежит еще одно такое же существо; оно, без сомнения, тащило Рона. Кроме того, Гарри слышал, как Клык,

отчаянно скуля, вырывается из лап третьего чудовища. Сам Гарри не мог бы закричать, даже если бы захотел, – казалось, голос его остался на полянке возле машины.

Он понятия не имел, сколько времени находится в лапах монстра; он лишь понял, что тьма неожиданно рассеялась, и увидел усыпанную листвой землю, кишмя кишевшую пауками. Изогнув шею, он сумел разглядеть, что его притащили на край огромной лощины, где не росли деревья, и звезды ярко освещали отвратительнейшую сцену, какую ему доводилось видеть.

Пауки. Не крохотные паучки, что снуют туда-сюда под листьями. Пауки размером с ломовую лошадь, с восемью глазами, восемью ногами, черные, мохнатые, гигантские. Массивный представитель этой ужасной породы, тащивший Гарри, спустился по крутому склону к мерцающей куполообразной паутине посреди лощины. Его собратья заполонили все пространство вокруг этого купола, в восторге клацая клешнями при виде добычи.

Паук неожиданно выпустил Гарри, и тот приземлился на четвереньки. Рон и Клык свалились рядом. Клык больше не выл, только испуганно жался к земле. Лицо Рона наглядно отражало все то, что чувствовал сейчас Гарри. Рот у Рона был открыт в немом крике ужаса, глаза вылезли из орбит.

Гарри внезапно сообразил, что паук, сбросивший его на землю, что-то говорит. Разобрать, что именно, было сложно – на каждом слове паук клацал клешнями.

– Арагог! – призывал он. – Арагог!

И вот из-под мерцающего паутинного купола с леденящей душу медлительностью явился паук размером с небольшого слона. Черная шерсть на его теле местами поседела, а глаза на уродливой голове со страшнейшими клешнями были подернуты молочно-белой пленкой. Паук был слеп.

– В чем дело? – спросил он, быстро клацая.

– Люди, – щелкнул паук, притащивший Гарри.

– Огрид? – спросил Арагог и придвинулся ближе, бессмысленно ворочая молочными глазами.

– Незнакомцы, – прощелкал паук, принесший Рона.

– Убейте, – раздражившись, повелел Арагог.

– Мы друзья Огрида! – выкрикнул Гарри. Его сердце выскочило из груди и с силой колотилось в горле.

– Клац, клац, клац, – заходили паучьи клешни по всей лощине.

Арагог помолчал.

– Никогда раньше Огрид не присылал к нам людей, – медленно произнес он.

– Огрид в беде, – объяснил Гарри, часто дыша. – Поэтому мы и пришли.

– В беде? – переспросил престарелый паук, и Гарри показалось, что в его голосе сквозит беспокойство. – Но зачем он прислал вас?

Гарри хотел было встать на ноги, но передумал: вряд ли ноги его удержат. И он продолжал говорить, стоя на четвереньках, как можно медленнее и спокойнее:

– Они там, в школе, думают, что Огрид натравливал... э-э-э... нечто... на учеников. И его забрали в Азкабан.

Арагог возмущенно заклацал, и все пауки в лощине отозвались множественным эхом; походило на аплодисменты, только вот аплодисменты обычно не вызывали у Гарри панической тошноты.

– Но ведь это было много лет назад, – брюзгливо сказал Арагог, – много-много лет назад. Я хорошо помню. Поэтому они заставили его уйти из школы. Они считали, я и есть тот монстр, который обитает в... как они говорили, Тайной комнате. Они считали, Огрид открыл Комнату и выпустил меня на свободу.

– А вы... не из Тайной комнаты? – спросил Гарри. На лбу у него выступил холодный пот.

– Я?! – возмутился Арагог, сердито щелкнув. – Я родился не в замке. Я родился в далекой стране. Один путешественник подарил меня Огриду, когда я был еще яйцом. Огрид тогда был совсем ребенок, но он заботился обо мне, прятал в шкафу в замке и кормил объедками. Огрид – мой хороший друг и хороший человек. Когда меня обнаружили и обвинили в смерти какой-то девочки, Огрид защитил меня. После я жил в лесу, а Огрид меня навещал. Он даже нашел мне жену, Мосаг, и у нас теперь большая семья, вот она перед вами, и все благодаря доброте Огрида...

Гарри призвал на помощь остатки храбрости.

– Так, значит, вы никогда... никогда никого не убивали?

– Никогда, – проскрипел старый паук. – Конечно, мой инстинкт таков, но из уважения к Огриду я не вредил людям. Тело убитой девочки нашли в туалете. А в замке я бывал только в чулане, где вырос. Наш род любит тишину и темноту...

– Но тогда... может, вы знаете, кто или что убило девочку? – спросил Гарри. – Потому что, понимаете, оно вернулось и взялось за старое...

Его слова потонули в сердитом клацанье и шуршании множества длинных ног; гигантские черные тени придвинулись ближе.

– То, что обитает в замке, – сказал Арагог, – древняя тварь, которую мы, пауки, боимся больше всего на свете. Я хорошо помню, как умолял Огрида отпустить меня, когда почуял, что это чудовище рыщет по замку.

– Но что это? – не отступал Гарри.

Снова раздалось громкое клацанье и шуршание; пауки все теснее смыкали круг.

– Мы о нем не говорим! – свирепо крикнул Арагог. – Мы не называем его по имени! Я даже Огриду не называл имени смертоносного чудища, хотя он спрашивал много раз.

Гарри не хотел чересчур настаивать – слишком уж напирали со всех сторон пауки. Да и Арагога, похоже, разговор утомил. Он медленно пятился назад, под купол, однако его сородичи постепенно, дюйм за дюймом, наступали.

– Мы тогда пойдем, ладно? – отчаянно крикнул Гарри вслед Арагогу, слыша за своей спиной зловещий шорох листьев.

– Пойдем? – медленно повторил Арагог. – Не думаю...

– Но... но...

– Мои сыновья и дочери не трогают Огрида лишь потому, что я им так велел. Но я не могу отказать детям в свежем мясе, особенно если мясо пришло к ним само. До свидания, друг Огрида.

Гарри развернулся. В паре футов от него возвышалась огромная паучья стена, лязгающая клешнями, сверкающая множеством глаз.

Хватаясь за палочку, Гарри отлично понимал, что она не принесет никакой пользы, пауков слишком много. Но едва он попытался встать на ноги, чтобы умереть сражаясь, раздался громкий, длинный гудок, и ослепительный свет залил лощину.

Машина мистера Уизли гроыхала по склону, свирепо светя фарами, пронзительно сигналив, расталкивая пауков; некоторые повалились на спину, размахивая бесконечными ногами. Машина, взвизгнув тормозами, остановилась как вкопанная прямо перед мальчиками и распахнула дверцы.

– Возьми Клыка! – завопил Гарри, ныряя на переднее сиденье.

Рон обхватил дога за туловище и швырнул на заднее – собака взвизгнула, дверцы захлопнулись; Рон не дотронулся до акселератора, но этого и не требовалось; двигатель взревел, и они умчались, сшибая на ходу пауков. Они понеслись вверх по склону, прочь из проклятой лощины, и скоро уже ломились через лес. Ветви били в окна, но машина ловко рулила между деревьями. Видимо, она хорошо знала дорогу.

Гарри искоса взглянул на Рона. У того рот по-прежнему был открыт в безмолвном вопле, но глаза уже не лезли из орбит.

– Ты как?

Рон смотрел прямо перед собой и не мог произнести ни слова.

Они мчались, сминая на пути подлесок. Клык громко был на заднем сиденье. Когда машина протискивалась около векового дуба, Гарри увидел, как отломилось боковое зеркальце. Прошло десять грохочущих, тряских минут, а затем лес поредел, и в просветах снова показалось небо.

Машина остановилась так резко, что ребят чуть не выбросило через ветровое стекло. Они приехали на опушку. Клык всем телом бросился на оконное стекло, настолько ему не терпелось выбраться наружу, и, когда Гарри открыл дверь, бедный пес, поджав хвост, пулей кинулся к родной хижине. Гарри вышел следом. Через минуту-другую Рон очухался и тоже сумел вылезти, по-прежнему напряженно держа голову и пусто глядя перед собой. Гарри благодарно потрепал машину по капоту, и та задним ходом уехала обратно в лес и скрылась из виду.

Гарри сходил в хижину к Огриду за плащом-невидимкой. Клык мелко дрожал в своей корзине, забившись под одеяло. Когда Гарри снова вышел на улицу, Рона сильно рвало на грядки с тыквами.

– «Идите за пауками», – слабым голосом выговорил Рон, утирая рот рукавом. – Этого я Огриду никогда не прощу. Счастье, что мы остались живы.

– Наверняка он считал, что Арагог не тронет его друзей, – сказал Гарри.

– В этом-то и есть его главная беда! – сказал Рон, кулаком стукнув по стене хижины. – Он всегда считает, что чудовища гораздо добрее, чем о них принято думать, – и посмотри, куда это его привело! В Азкабан! – Он теперь мелко дрожал всем телом. – Зачем было посылать нас туда? Что мы такого выяснили, хотел бы я знать?

– Что Огрид никогда не открывал Тайной комнаты, – объяснил Гарри, укутывая Рона плащом и слегка подталкивая, чтоб начал двигаться. – Что Огрид невиновен.

Рон громко фыркнул. Судя по всему, воспитание Арагога в чулане он не считал невинным занятием.

Приблизившись к замку, Гарри поправил плащ, чтобы как следует спрятать ноги, и приоткрыл двери. Мальчики осторожно прокрались в вестибюль, а потом вверх по мраморной лестнице, затаивая дыхание, когда проходили мимо коридоров с бдительными часовыми. Наконец они оказались в безопасности общей гостиной «Гриффиндора». Огонь в камине прогорел, но угольки еще тлели. Ребята сняли плащ и по винтовой лестнице вскарабкались в спальню.

Рон упал на кровать не раздеваясь. Гарри, однако, совсем не хотелось спать. Он сидел на краю постели и раздумывал над тем, что сказал Арагог.

Существо, что рыскало по замку, похоже, среди чудовищ было чем-то вроде Вольдеморта – его имя боялись произносить. Но им с Роном так и не удалось выяснить, что же это за тварь и каким образом она заставляет свои жертвы каменеть. Даже Огриду неизвестно, кто или что скрывается в Тайной комнате.

Гарри забросил ноги на постель, лег на подушки и стал смотреть на луну за окошком башни.

Он не понимал, что еще можно сделать. Куда ни глянь, тупики. Реддль поймал не того, кого нужно, Наследник Слизерина сбежал, и ни одна душа не знала точно, кто открыл Тайную комнату – тот же человек, что и в прошлый раз, или другой. Спрашивать было не у кого. Гарри лежал и размышлял о словах Арагога.

Он уже начал засыпать, когда его вдруг осенило, и он резко сел в кровати.

– Рон, – зашептал он в темноту, – Рон...

Рон проснулся, взвизгнув как Клык, дико осмотрелся и увидел Гарри. В углу громко сопел Невилл.

– Рон! Эта девочка, которая умерла. Арагог сказал, что ее нашли в туалете, – горячо сказал Гарри. – Что, если она больше оттуда не выходила? Что, если она все еще там?

Рон потер глаза, морщась от лунного света. И тоже понял.

– Ты же *не думаешь...* это ведь не *Меланхольная Миртл*?

Глава шестнадцатая

Тайная комната

– Мы столько раз там бывали, и она – все время буквально в трех кабинках от нас, – горько сокрушался Рон на следующий день за завтраком. – В любой момент могли ее обо всем расспросить, а сейчас...

Даже искать пауков было сложно. А уж слинять от учителей и пробраться в женский туалет – тем более в женский туалет рядом с местом первого преступления – нечего было и думать.

Однако на первом же уроке, на превращениях, произошло такое, отчего мальчики впервые за долгое время позабыли про Тайную комнату. Через десять минут после начала урока профессор Макгонаголл объявила, что с первого июня, то есть ровно через неделю, начинаются экзамены.

– Экзамены? – взвыл Шеймас Финниган. – Их разве не отменили?

За спиной у Гарри что-то грохнуло. Это Невилл Лонгботтом выронил волшебную палочку – а в результате исчезла ножка стола. Профессор Макгонаголл починила стол, изящно взмахнув своей палочкой и, нахмутив брови, повернулась к Шеймасу.

– Школа затем и не закрылась, несмотря на трудные времена, чтобы вы могли получать образование, – строго произнесла она. – Посему экзамены состоятся как положено, и я очень надеюсь, что вы усердно к ним готовитесь.

Усердно готовитесь! Гарри и в голову не приходило, что при нынешнем положении вещей могут быть какие-то экзамены! По классу побежал ропот, и профессор Макгонаголл насупилась еще больше.

– Профессор Думбльдор велел, чтобы в школе по возможности все шло как обычно, – сказала она. – А это означает – не понимаю, почему вам надо объяснять, – что мы должны проверить, чему вы научились за год.

Гарри грустно опустил глаза на двух белых кроликов, которых надлежало превратить в шлепанцы. Чему же он научился за год? Ничего, что могло бы оказаться полезным на экзамене, в голову не приходило.

У Рона было такое лицо, словно его только что сослали в Запретный лес на вечное поселение.

– Представляешь, как я буду сдавать экзамены вот с ней? – И он сунул под нос Гарри свою волшебную палочку, выбравшую именно этот момент, чтобы громко засвистеть.

За три дня до первого экзамена, перед завтраком, профессор Макгонаголл сделала еще одно объявление.

– У меня хорошие новости, – сказала она, и Большой зал, вместо того чтобы затихнуть, взорвался криками.

– Думблдор возвращается! – радостно завопили некоторые.

– Пойман Наследник Слизерина! – взвизгнула девочка за столом «Вранзора».

– Возобновятся квидишные игры! – иступленно заорал Древ.

Когда гвалт прекратился, профессор Макгонаголл продолжила:

– Профессор Спарж известила меня, что мандрагоры наконец-то созрели и их можно срезать. Сегодня вечером мы оживим окаменевших. Стоит ли напоминать, что кто-то из них, вполне вероятно, в состоянии указать нам преступника. Я надеюсь, этот страшный год закончится его поимкой.

Стены задрожали от восторженных воплей. Гарри бросил взгляд на слизеринский стол и вовсе не удивился, заметив, что Драко Малфой не радуется вместе с другими. Зато Рон давно не бывал так счастлив.

– Значит, теперь уже не важно, допросили мы Миртл или нет! – сказал он Гарри. – Наверняка у Гермионы на все найдутся ответы, когда она очнется! Но ты только представь, что с ней будет, когда она узнает, что через три дня экзамены! А она не занималась. Да она с ума сойдет! Пожалуй, пока экзамены не кончатся, нужно поддержать ее в окаменении – из человеколюбия.

В это время подошла Джинни Уизли и села рядом с братом. Вид у нее был нервный, напряженный; Гарри заметил, что она ломает руки, хоть и старается держать их на коленях.

– Что такое? – спросил Рон, накладывая себе еще овсянки.

Джинни не ответила, только оглядывала гриффиндорский стол. Ее испуг кого-то Гарри напоминал, только он никак не мог сообразить кого.

– Давай выкладывай, – подбодрил Рон, заметивший ее смущение.

Тут до Гарри дошло, на кого сейчас так похожа Джинни. Она качалась взад-вперед на краешке стула, как Добби, когда тот не мог решиться выдать секрет.

– Мне нужно вам кое-что сказать, – промямлила Джинни, избегая встречаться с Гарри глазами.

– В чем дело? – спросил Гарри.

Джинни мялась, как будто не могла подобрать слова.

– Ну *что*? – спросил Рон.

Джинни открыла рот, но ни звука не вышло. Гарри наклонился к ней и тихо, чтобы его слышали только Рон и Джинни, спросил:

– Это про Тайную комнату? Ты что-то видела? Кто-то сделал что-то странное?

Джинни вдохнула поглубже, но в этот самый момент подошел Перси, уставший, даже изнуренный.

– Если ты уже позавтракала, Джинни, я сяду на твое место. Умираю с голоду, только что с ночного дежурства.

Джинни вскочила, будто стул под ней внезапно сделался электрическим, испуганно глянула на Перси и убежала. Тот сел и схватил кружку с подноса в центре стола.

– Перси! – рассердился Рон. – Она как раз собиралась рассказать нам что-то важное!

Перси, набравший в рот чаю, поперхнулся.

– Что еще важное? – кашляя, с трудом выговорил он.

– Я спросил, не видела ли она чего необычного, и она собралась было...

– Ах, это... это не имеет отношения к Тайной комнате, – сразу же сказал Перси.

– А ты откуда знаешь? – Рон задрал брови.

– Ну... ммм... раз уж тебе надо знать, Джинни... ммм... застала меня, когда я... ну, это не важно... главное, что она застала меня за одним занятием и я... ммм... попросил ее никому не рассказывать. Надо заметить, я был уверен, что она сдержит обещание. Ничего, правда, особенного, но я бы предпочел...

Первый раз на памяти Гарри Перси так смутился.

– Это чем же ты занимался, Перси? – хитро ухмыльнулся Рон. – Валяй, признавайся, мы не будем смеяться.

Перси не улыбнулся в ответ.

– Передай мне, пожалуйста, булочку, Гарри. Есть хочется – ужас.

Хотя Гарри знал, что загадка уже завтра должна разрешиться и без них с Роном, он все-таки не хотел упускать возможности поговорить с Миртл, если получится, – и, к его восторгу, шанс представился. Случилось это ближе к полудню, когда Сверкароль Чаруальд отводил ребят на историю магии.

Чаруальд часто уверял их, что опасность миновала, и его заверения позорно опровергались; теперь он пребывал в искреннем убеждении, что едва ли и дальше необходимо провожать детей с урока на урок. Волосы его были уложены не так аккуратно, как всегда, – похоже, ночью он не спал, а дежурил на четвертом этаже.

– Попомните мои слова, – заявил он, когда процессия завернула за угол, – первым делом несчастные окаменевшие ска-жут: «Это сделал Огрид». Честно, я удивляюсь, что профессор Макгонаголл все еще считает необходимыми эти меры предосторожности.

– Согласен с вами, сэр, – поддакнул Гарри, и Рон от изумления выронил книжки.

– Спасибо, Гарри, – любезно поблагодарил Чаруальд. Им пришлось подождать, пока освободится коридор, – навстречу шла группа хуффльпуффцев. – Я хотел сказать, что у нас, учителей, достаточно забот помимо того, чтобы водить учащихся из класса в класс и стоять на страже по ночам...

– Точно, – подхватил Рон. – Почему бы вам, сэр, не оставить нас здесь, дойти-то осталось всего ничего, один коридорчик...

– Ты знаешь, Уизли, пожалуй, я так и сделаю, – обрадовался Чаруальд. – Мне и впрямь надо подготовиться к следующему уроку...

И он торопливо удалился.

– Подготовиться к следующему уроку, – презрительно скривился Рон, глядя ему вслед. – Скажи лучше – кудряшки завить.

Они незаметно отстали от остальных гриффиндорцев, пулей кинулись в боковой коридор и помчались к туалету Меланхольной Миртл. Но как раз в тот момент, когда они поздравляли друг друга с великолепно удавшейся операцией...

– Поттер! Уизли! Что вы здесь делаете?

Это была профессор Макгонаголл. Она так сжимала губы, что они почти совсем исчезли.

– Мы хотели... нам надо... – начал запинаться Рон. – Мы собирались... пойти и...

– Навестить Гермиону, – закончил Гарри. И Рон, и профессор Макгонаголл посмотрели на него с удивлением. – Мы ее сто лет не видели, профессор, – быстро-быстро заговорил Гарри, встав Рону на ногу, – и хотели потихонечку прокрасться в палату, понимаете, сказать ей, что мандрагоры почти готовы и что... ммм... ну, чтоб она не беспокоилась...

Профессор Макгонаголл неподвижно смотрела на них, и Гарри на секунду показалось, что она сейчас разразится криком, но суровая дама заговорила странно надтреснутым голосом.

– Разумеется, – начала она, и Гарри с изумлением заметил, как в ее птичьем глазу блеснула слезинка. – Разумеется, я понимаю, как трудно приходилось тем, чьи друзья... я все понимаю. Да, Поттер, конечно, вы можете навестить мисс Грейнджер. Я сообщу профессору Биннзу, куда вы пошли. Скажите мадам Помфри, что я разрешила.

Гарри с Роном удалились, с трудом веря, что им удалось избежать наказания. Едва завернув за угол, они явственно услышали, как профессор Макгонаголл громко высморкалась.

– Это, – пламенно заявил Рон, – было твое лучшее вранье!

Но теперь у них не оставалось выбора – только пойти и сказать мадам Помфри, что профессор Макгонаголл разрешила навестить Гермиону.

Мадам Помфри впустила их неохотно.

– Какой *смысл* разговаривать с окаменевшей? – буркнула она, и мальчики были вынуждены с ней согласиться, как только сели у постели подруги. Гермиона явно не имела ни малейшего понятия о том, что к ней пришли посетители, – с тем же успехом можно было просить не беспокоиться тумбочку у ее койки.

– Интересно, она видела преступника? – спросил Рон, печально глядя в ее неподвижное лицо. – Потому что если он напал на исподтишка, может, никто из жертв и не видел...

Гарри смотрел не в лицо Гермионе. Его гораздо больше заинтересовала ее правая рука. Она лежала поверх одеяла, и,

наклонившись поближе, Гарри увидел краешек какой-то бумажки, зажатой в кулаке.

Удостоверившись, что мадам Помфри нет поблизости, он показал на бумажку Рону.

– Попробуй вытащить, – шепнул Рон, передвинув стул так, чтобы загородить собой Гарри от мадам Помфри.

Легко сказать – «вытащить». Гермиона сжала руку очень крепко, и Гарри боялся порвать бумажку. Рон сторожил, а Гарри тащил и вертел листочек так и сяк и наконец, после десяти весьма напряженных минут, добился своего.

Это оказалась страничка из древней библиотечной книги. Гарри поспешно расправил ее, Рон склонился ближе, и они прочли:

Среди многих страшилищ и чудовищ, что населяют наши края, нет существа загадочнее и смертоноснее василиска, известного также как Змеиный Король. Этот змей, который может достигать гигантских размеров и жить многие сотни лет, появляется на свет из куриного яйца, высиженного жабой. Чудовище это владеет удивительной способностью убивать свою жертву. Помимо ядовитых зубов, василиск обладает смертоносным взором. Каждый, кого пронзит взгляд змея, погибает на месте. Пауки бегут от василиска в страхе, ибо он их злейший враг, а сам василиск страшится лишь петушиного крика, каковой для него гибелен.

Под этим текстом рукой Гермионы было написано единственное слово: «Трубы».

В мозгу у Гарри словно включился свет.

– Рон, – выдохнул он. – Вот оно! Вот ответ! Монстр из Тайной комнаты – это василиск, гигантский змей! *Поэтому* я повсюду слышал его голос, а больше никто не слышал. Потому что я змееуст!

Гарри обвел взглядом койки.

– Василиск убивает людей взглядом. Но никто не умер – потому что никто не посмотрел ему прямо в глаза. Колин видел его через видоискатель. Василиск выжег пленку, зато Колин всего-навсего окаменел. Джастин... Джастин посмотрел на василиска сквозь Почти Безголового Ника! Ник получил всю дозу, но ведь он не мог умереть *снова*... а Гермиону и ту девочку, старосту из «Вранзора», нашли с зеркальцем. Гермиона как раз догадалась, что монстр – это василиск.

Вот чем угодно клянусь, она предупредила первого же человека, который ей попался по дороге, что нужно смотреть в зеркало, прежде чем сворачивать за угол! И девочка вытащила зеркальце и...

Рон открыл рот.

– А миссис Норрис? – с интересом прошептал он.

Гарри задумался, припоминая картину, которая предстала их глазам в Хэллоуин.

– Потоп, – медленно произнес он. – Вода из туалета Меланхольной Миртл. Наверняка миссис Норрис увидела только отражение...

Он еще раз пробежал глазами выдранную страничку. И чем дольше смотрел, тем больше смысла в ней находил.

– «...петушиного крика... для него гибелен»! – вслух прочитал он. – Петухов Огрида кто-то убивал! Наследник Слизерина не хотел, чтобы около замка были петухи! «Пауки бегут от василиска в страхе»! Все сходится!

– Но как василиск передвигался по замку? – спросил Рон. – Гигантский змей? Кто-нибудь заметил бы...

Гарри ткнул в нацарапанное Гермионой слово внизу странички.

– Трубы, – сказал он. – Трубы... Рон, змей ползал по водопроводу. Я слышал голос в стенах...

Рон вдруг схватил Гарри за руку.

– Вход в Тайную комнату! – хрипло выговорил он. – Что, если он в туалете? Что, если он...

– *В туалете у Меланхольной Миртл!* – подхватил Гарри.

Они глядели друг на друга, замороженные своей догадкой, едва решаясь поверить.

– И это значит, – сказал Гарри, – что я не единственный змееуст в школе. Наследник Слизерина тоже. Так он управляет василиском.

– И что нам делать? – спросил Рон. Глаза у него горели. – Идти прямо к Макгонаголл?

– Давай в учительскую. – Гарри вскочил. – Она будет там через десять минут. Уже почти перемена.

Они побежали вниз по лестнице. Не желая больше попадаться преподавателям в коридорах, они направились прямоком в учительскую. Там было пусто. В просторной комнате, обшитой панелями, стояло множество коричневых деревянных столов. Гарри с

Роном принялись мерить комнату шагами, не в силах усидеть на месте.

Но колокол так и не прозвонил.

Вместо этого, эхом отдаваясь по коридорам, раздался магически усиленный голос профессора Макгонаголл:

– Всем учащимся немедленно вернуться в общежития колледжей. Всем учителям вернуться в учительскую. Немедленно, прошу вас.

Гарри развернулся к Рону:

– Неужели опять? Сейчас?

– Что делать? – в панике спросил Рон. – Идти в башню?

– Нет, – решил Гарри, осмотревшись. Слева стоял страшный гардероб, полный учительской одежды. – Давай спрячемся. Послушаем, в чем дело. А потом расскажем им, что выяснили.

Они залезли в шкаф, прислушиваясь к топоту на верхнем этаже. Дверь в учительскую с грохотом распахнулась. Сидя среди складок затхлого платья, ребята наблюдали, как в комнате собираются учителя. Кое-кто явно недоумевал, другие попросту испугались. Вскоре прибыла профессор Макгонаголл.

– Случилось ужасное, – сообщила она умолкнувшему собранию. – Монстр забрал ученицу. Прямо в Комнату.

Профессор Флитвик тоненько закричал. Профессор Спарж прижала ладони к губам. Злей вцепился в спинку стула и выдавил:

– Как вы можете быть уверены?

– Наследник Слизерина, – ответила профессор Макгонаголл, побелевшая как полотно, – оставил записку. На стене, прямо под первой надписью. «Ее скелет будет лежать в Тайной комнате вечно».

Профессор Флитвик разрыдался.

– Кого он забрал? – спросила мадам Самогони. Колени у нее подогнулись, и она медленно опустилась в кресло. – Какую ученицу?

– Джинни Уизли, – ответила профессор Макгонаголл.

Гарри почувствовал, как подле него Рон молча сполз по стенке шкафа.

– Завтра нам придется отослать учащихся по домам, – сказала профессор Макгонаголл. – «Хогварцу» конец. Думбльдор всегда говорил...

Дверь в учительскую снова хлопнула. Один безумный миг Гарри был уверен, что это Думбльдор. Но пришел Чаруальд, искрящийся и

сияющий.

– Прощу прощения... задремал... и наверняка пропустил что-нибудь интересненькое?..

Он, казалось, не замечал, что остальные учителя смотрят на него с откровенной ненавистью. Вперед вышел Злей.

– Вас-то мы и ждали, – проговорил он. – Вы-то нам и поможете. Монстр похитил девочку. Забрал ее в Тайную комнату. Ваш час настал, Чаруальд.

Чаруальд побелел от страха.

– Да-да, Сверкароль, – поддержала Злея профессор Спарж, – разве не вы говорили нам вчера, что с самого начала знали, где находится Тайная комната?

– Я?.. Ну, я только... – пролепетал Чаруальд.

– Не вы ли говорили мне, что абсолютно точно знаете, что скрывается в Комнате? – пропищал профессор Флитвик.

– Разве? Я не пом...

– А вот я точно помню: вы незадолго до ареста Огрида заявили, как сожалеете, что вам не выпало шанса поймать чудовище, – сказал Злей. – Не вам ли принадлежат слова: «Все лезут не в свое дело и только всё портят, а надо было предоставить полную свободу мне?»

Чаруальд ошарашенным взором обводил каменные лица коллег.

– Я... на самом деле я ни разу... вы не так поняли...

– Что ж, теперь мы поручаем это дело вам, – решительно объявила профессор Макгонаголл. – Сегодня вам предоставляется великолепная возможность показать себя. Обещаю, что никто не будет вам мешать. Сможете схватить монстра самостоятельно. Полная свобода – наконец-то.

Чаруальд озирался в полнейшем отчаянии, но никто не пришел ему на помощь. Бедняга растерял все свое очарование. С трясущимися губами, в отсутствие белозубой улыбки, он выглядел жалким хлюпиком с безвольным подбородком.

– Оч-ч-чень хорошо, – пролопотал он. – Я... буду у себя в кабинете... я должен подготовиться.

И он выскочил из учительской.

– Так, – сказала профессор Макгонаголл. Ее ноздри гневно раздувались. – По крайней мере, от него мы избавились, не будет путаться под ногами. А сейчас кураторы колледжей пойдут

проинформируют учеников о случившемся. Скажите им, что «Хогварц-экспресс» отправляется завтра рано утром. И, пожалуйста, про-следите, чтобы никто не покидал общежитий.

Учителя один за другим вышли.

Пожалуй, то был ужаснейший день в жизни Гарри. Он, Рон, Фред и Джордж забились в уголок гриффиндорской гостиной и молча сидели, не в силах произнести ни слова. Перси с ними не было. Он отослал родителям сову, а потом заперся в спальне.

Никогда раньше ни один день не тянулся так долго, и никогда раньше башня «Гриффиндора» не была столь же безмолвна, сколь и переполнена. Незадолго до заката Фред с Джорджем ушли спать – не могли больше выносить бесцельного сидения.

– Она что-то знала, Гарри, – сказал Рон, открыв рот впервые с той минуты, когда они забрались в шкаф в учительской. – Поэтому ее и похитили. Она хотела поговорить вовсе не о Перси. Она что-то выяснила про Тайную комнату. Видимо, поэтому ее и... – Рон сердито потер глаза. – Понимаешь, у нее ведь чистая кровь. Не было причин ее забирать.

Гарри смотрел, как кровавое солнце утопает за горизонтом. Никогда еще ему не было так плохо. Если бы они могли хоть что-то сделать. Хоть что-нибудь.

– Гарри, – выговорил Рон, – как думаешь, есть хоть шанс, что она... ну, ты понимаешь...

Гарри не знал, что ответить. Он не верил, что Джинни еще жива.

– Знаешь что? – вдруг оживился Рон. – По-моему, надо пойти к Чаруальду. Рассказать все, что знаем. Он хочет пробраться в Комнату. Скажем ему, где она, и про василиска тоже.

Поскольку Гарри не приходило в голову ничего другого и он не мог сидеть сложа руки, он согласился. Остальные гриффиндорцы были так подавлены и так сильно сочувствовали Уизли, что даже не попытались остановить Гарри и Рона, когда те поднялись с кресел, пересекли гостиную и выбрались в дыру за портретом.

Они спустились к кабинету Чаруальда; сгущалась тьма. Внутри, за дверью кабинета, явно кипела работа. Было слышно какое-то шарканье, шварканье, торопливые шаги.

Гарри постучался. За дверью воцарилась напряженная тишина. Затем в двери приоткрылась узенькая-преузенькая щелочка, и ребята

увидели испуганный глаз Чаруальда.

– Ох, мистер Поттер, мистер Уизли, – пробормотал он, открывая дверь чуточку пошире. – Я сейчас, знаете ли, занят – могу уделить вам совсем немного времени...

– Профессор, у нас есть для вас кое-какая информация, – сказал Гарри. – Нам кажется, это вам поможет.

– Э-э-э... что же... сейчас не очень... – На той стороне его лица, что была обращена к мальчикам, отражалось крайнее замешательство. – Я хочу сказать... ну... ладно...

Он открыл дверь, и ребята вошли.

Кабинет был почти полностью разорен, стены оголены. На полу стояли два открытых сундука. В одном валялись наспех скомканные мантии, нефритовые, лиловые, темно-синие; в другом горой высились книжки. Фотографии со стен были коекак рассованы по коробкам, стоявшим на письменном столе.

– Вы куда-то собираетесь? – спросил Гарри.

– Ммм... да, вообще-то, – буркнул Чаруальд, сорвал с внутренней стороны двери огромный, в натуральную величину, плакат с изображением самого себя и начал скатывать его в трубочку. – Меня вызвали... срочно... нельзя отказаться... должен ехать...

– А как же моя сестра? – отрывисто спросил Рон.

– Ну, что касается этого... что поделаешь... такая жалость... – бормотал Чаруальд, не глядя ребятам в глаза. Одновременно он выдернул ящик из стола и свалил содержимое в пакет. – Соболезную...

– Вы учитель по защите от сил зла! – крикнул Гарри. – Вы не можете уехать! Сейчас, когда силы зла бесчинствуют!

– Ну... должен сказать... когда меня приглашали на работу... – промямлил Чаруальд, сваливая носки поверх платья, – в описании обязанностей не было... я не ожидал...

– Вы что, *сбегаете*? – не веря собственным ушам, спросил Гарри. – После всего, что вы совершали в своих книгах...

– Книги – не вполне реальность, – деликатно заметил Чаруальд.

– Но вы же их сами написали! – завопил Гарри.

– Милый ребенок, – сказал Чаруальд, выпрямился и поглядел на Гарри, нахмутив брови. – Подумай головой. Мои книги не продавались бы и вполтину так хорошо, если б люди не думали, что я *сам* проделал все эти чудеса. Никому не интересно читать про старого

уродливого армянского ведьмака, пусть бы он спас от оборотней хоть сто деревень. Представьте себе, как бы выглядела его фотография на обложке! И одевается он безвкусно! А у ведьмы, которая изгнала Бэндонскую Банши, была заячья губа. Понятно? Так что давайте не будем...

– То есть вы попросту присвоили себе чужие заслуги?! – недоверчиво спросил Гарри.

– Гарри, Гарри, – Чаруальд нетерпеливо покачал головой, – все отнюдь не так просто. Я вложил свой труд. Нашел этих людей. Расспросил их, как конкретно они проделали то, что проделали. Потом наложил на них заклятие забвения, чтоб они все это забыли. Чем-чем, а умением накладывать заклятие забвения я горжусь. Так что я вложил мно-о-ого своего труда, Гарри. Это тебе не просто книжечки подписывать и для журналов сниматься. Хочешь славы – готовься к тяжелой утомительной работе.

Он захлопнул сундуки и запер замки.

– Дайте-ка подумать, – сказал он. – Кажется, ничего не забыл. Да. Осталось только одно.

Он достал волшебную палочку и повернулся к ребятам.

– Страшно извиняюсь, детки, но мне придется наложить заклятие забвения и на вас. А то как бы вы не выболтали мои маленькие тайны. Я тогда больше ни одной книжки не продам...

Но Гарри опередил Чаруальда. Учитель едва успел поднять палочку, а Гарри уже взревел:

– Экспеллиармус!

Чаруальда отбросило назад, и он опрокинулся через сундук; его палочка взлетела высоко в воздух; Рон поймал ее и выкинул в открытое окно.

– Зря вы разрешили профессору Злею нас этому обучить, – свирепо рыкнул Гарри, ногой отпихивая сундук. Чаруальд взглянул на него с пола, снова слабый и беззащитный. Гарри держал его на прицеле волшебной палочки.

– Что вы от меня хотите? – дрожащим голосом выговорил Чаруальд. – Я понятия не имею, где находится Тайная комната. Я ничем не могу помочь.

– Вам повезло, – сказал Гарри, взмахом палочки веля ему встать, – кажется, *мы* знаем, где находится Тайная комната. И кто находится

внутри. Пойдемте.

Под конвоем они вывели Чаруальда из кабинета и направились вниз по лестнице, в темный коридор, где на стене светились зловещие надписи, – к туалету Меланхольной Миртл.

Чаруальда втокнули первым. Гарри злорадно отметил, что учитель трясется от страха.

Меланхольная Миртл сидела на бачке последнего унитаза.

– А, это ты, – фыркнула она, заметив Гарри. – Чего тебе на этот раз?

– Я хочу знать, как ты умерла, – без обиняков ответил он.

В мгновение ока Миртл изменилась до неузнаваемости. Она просияла, будто ей сроду не задавали вопроса приятней.

– О-о-о-о-о, это было ужа-а-асно, – со смаком начала она. – Это случилось прямо здесь. Я умерла в этой самой кабинке. Я так хорошо помню. Я спряталась, потому что Олив Хорнби дразнила меня очкариком. Я заперла дверь и стала плакать, а потом услышала, что кто-то вошел. И сказал что-то непонятное. На другом языке, я думаю. Но на самом деле меня удивило то, что это говорил *мальчик*. Я открыла дверь, хотела сказать, что ему сюда нельзя, пусть идет в свой туалет, и тут... – Миртл многозначительно перевела дух, ее лицо сияло, – я умерла.

– Отчего? – спросил Гарри.

– Понятия не имею, – страшным шепотом ответила она. – Я только помню два огромных, просто гигантских, желтых глаза. Мое тело как будто окаменело, и я полетела прочь... – Она мечтательно посмотрела на Гарри. – А потом опять вернулась. Понимаешь, я решила преследовать Олив Хорнби. О, уж она пожалела, что смеялась над моими очками.

– А где именно ты видела эти глаза? – спросил Гарри.

– Где-то там. – И Миртл неопределенно показала на раковину напротив ее унитаза.

Гарри с Роном кинулись туда. Чаруальд держался поодаль, и на лице его был написан смертельный ужас.

Обыкновенная раковина. Они изучили ее дюйм за дюймом, внутри и снаружи, включая трубы под ней. И тут Гарри увидел: на боку латунного краника была нацарапана картинка – крохотная змейка.

– Этот кран никогда не работал, – радостно сообщила Миртл, когда ребята попытались его отвернуть.

– Гарри, – шепнул Рон, – скажи что-нибудь. Что-нибудь на серпентарго.

– Но... – Гарри крепко задумался. Те два раза, когда ему удавалось заговорить на серпентарго, он оказывался лицом к лицу со змеей. Он сосредоточился на миниатюрной гравировке, стараясь вообразить, что это настоящая змея. – Откройся, – сказал он.

И оглянулся на Рона.

– Английский, – покачал головой тот.

Гарри снова взгляделся в змейку и приказал себе поверить, что перед ним живая змея. Если чуть-чуть повернуть голову, в мерцании свечей казалось, будто она двигается.

– Откройся, – сказал он еще раз.

Но услышал вовсе не эти слова; странное шипение вырвалось у него изо рта. Кран засиял ослепительным алмазным светом и стал вращаться. В следующую же секунду раковина исчезла, открыв вход в трубу, такую широкую, что в нее легко мог провалиться взрослый человек.

Гарри услышал, как судорожно ахнул Рон, и снова поднял глаза. Он понял, что нужно делать, он решился.

– Я спускаюсь, – объявил он.

Он не мог отступить, уж явно не теперь, когда они нашли вход в Тайную комнату, когда появился жалкий, ничтожный, почти безнадежный, но все-таки шанс спасти Джинни.

– Я с тобой, – сказал Рон.

Возникла пауза.

– Вряд ли я смогу быть полезен, – небрежно бросил Чаруальд, и на его лице появилась тень былой улыбки. – Я, пожалуй...

Он положил ладонь на ручку двери, но мальчики наставили на него волшебные палочки.

– Пойдете первым! – приказал Рон.

С белым как мел лицом, без палочки, Чаруальд приблизился к дыре.

– Мальчики, – прошептал он еле слышно, – мальчики, да что толку?

Гарри палочкой подтолкнул его в спину. Чаруальд опустил ноги в трубу.

– Я правда не думаю... – начал он, но Рон его пнул. Чаруальд соскользнул и пропал из виду. Гарри сразу же последовал за ним. Осторожно опустил в трубу и отцепил руки.

Это было как поездка по бесконечной и скользкой снежной горке в крошечной тьме. Гарри замечал ответвления других труб, но таких широких не встретил. Труба изгибалась, куда-то выворачивая, неуклонно опускаясь вниз и вниз; Гарри понял, что они падают гораздо ниже школьных подземелий. Позади он слышал Рона – тот глухо стучался о стенки на поворотах.

Затем, едва Гарри встревожился о том, что будет, когда они приземлятся, падение закончилось; его вынесло из трубы, и он плюхнулся на мокрый пол темного каменного тоннеля, где можно было встать во весь рост. Чаруальд как раз поднимался на ноги чуть в стороне, покрытый слизью и белый как привидение. Гарри отодвинулся, и из трубы со свистом вылетел Рон.

– Мы, наверное, на много миль под замком, – сказал Гарри, и его голос эхом отозвался в темноте тоннеля.

– А может, даже под озером, – добавил Рон, вглядываясь в черноту осклизлых стен.

Все трое повернулись и посмотрели во тьму впереди.

– Люмос! – пробормотал Гарри палочке, и та зажглась. – Пошли, – позвал он Рона и Чаруальда, и они пошли, громко шлепая по мокрому полу.

В тоннеле было так темно, что они едва видели на пару шагов вперед. Их тени на влажных стенах в свете волшебной палочки смахивали на страшных чудовищ. Они осторожно продвигались вперед.

– Помните, – негромко предупредил Гарри, – малейший шорох – и вы сразу же закрываете глаза.

Но в тоннеле стояла тишина как в могиле. Первым неожиданным звуком был громкий хруст, раздавшийся, когда Рон наступил на крысиный, как выяснилось, череп. Гарри опустил палочку ниже – пол усеивали косточки мелких животных. Старательно прогоняя всякую мысль о том, как будет выглядеть Джинни, когда они ее найдут, Гарри осторожно начал поворачивать за угол – тоннель резко изгибался.

– Гарри... там что-то есть... – хрипло сказал Рон, хватая его за плечо.

Они застыли, выжидая. Гарри различал лишь кривые контуры чего-то огромного. Оно лежало посреди тоннеля и не шевелилось.

– Может, спит? – выдохнул он еле слышно, оборачиваясь к спутникам.

Чаруальд зажимал глаза руками. Гарри снова взглянул на нечто. Сердце билось до того быстро, что в груди было больно.

Очень-очень медленно, сощутив глаза так, что еще чуть-чуть – и закроются, Гарри двинулся вперед, высоко подняв волшебную палочку.

Луч света упал на гигантскую пустую змеиную кожу яркого ядовито-зеленого цвета. Она причудливо изгибалась на полу. Существо, ее сбросившее, было никак не меньше двадцати футов в длину.

– Жуть, – слабым голосом произнес Рон.

Сзади неожиданно послышалось движение. У Сверкароля Чаруальда подогнулись колени.

– Вставай! – рывкнул Рон, угрожающе тыча палочкой.

Чаруальд встал, а затем нырком бросился на Рона и свалил его на землю.

Гарри прыгнул к ним, но было слишком поздно: Чаруальд уже поднимался, улыбаясь и тяжело дыша, с палочкой Рона в руке.

– Приключение окончено, мальчики! – торжествующе крикнул он. – Я отнесу кусок этой кожи обратно в школу, скажу, что девочку спасти было поздно, а вы двое, *к несчастью*, потеряли память при виде ее изуродованного тела, – все, помащите своей памяти ручкой на прощанье! – Он взмахнул палочкой, обмотанной колдоленной, и выкрикнул: – Обливиате!

Палочка взорвалась мощно, как небольшая бомба. Гарри прикрыл руками голову и побежал, спотыкаясь на кольцах змеиной кожи, спасаясь от каменных глыб, падавших с потолка. Спустя миг он стоял в одиночестве, глядя на выросшую перед ним стену обвалившихся камней.

– Рон! – крикнул он. – Ты цел? Рон!

– Я здесь! – донесся приглушенный голос Рона с другой стороны завала. – Я-то цел – зато вот наш идиот... его шибануло залпом...

Раздался глухой удар и громкое «ай!». Кажется, Рон пнул Чаруальда куда не следовало бы.

– И что теперь? – безнадежно спросил Рон. – Нам не пройти – это разгребать целую вечность...

Гарри взглянул на потолок – тот пошел огромными трещинами. Гарри никогда еще не разбивал с помощью магии такую толстую стену, и пробовать сейчас не стоило, момент неподходящий: что, если завалит весь тоннель?

Из-за стены донесся еще один удар и еще одно «ай!». Они теряют время. Джинни уже много часов в Тайной комнате... У Гарри не оставалось выхода.

– Жди здесь! – крикнул он Рону. – С Чаруальдом. А я пойду... Если не вернусь через час...

Повисло очень многозначительное молчание.

– Я попробую разобрать завал, – сказал Рон, явно стараясь унять дрожь в голосе, – чтобы... чтобы ты мог пройти назад. И еще, Гарри...

– Увидимся, – сказал Гарри, попытавшись придать своему голосу хоть чуточку уверенности.

И мимо пустой змеиной кожи отправился вдаль.

Вскоре грохот за спиной, где Рон разбирал завал, стих в отдалении. Тоннель петлял и петлял. У Гарри противно дрожали все поджилки. Он и хотел, чтобы тоннель привел его куда-нибудь, и смертельно боялся этой минуты. Наконец, очередной раз свернув, он увидел стену, на которой были вырезаны две переплетенные змеи. В глазах у них сверкали огромные изумруды.

Гарри приблизился. Во рту у него пересохло. Ему не нужно было воображать, что эти каменные змеи настоящие: глаза их горели совершенно живым огнем.

Он догадался, что нужно делать. Он прочистил горло, и изумрудные глаза мигнули – или так показалось.

– Откройся, – низко, тихо прошипел он.

Змеи разделились, стена раскололась надвое, створки неслышно скользнули в стороны и исчезли. Гарри вошел, дрожа всем телом.

Глава семнадцатая

Наследник Слизерина

Он оказался в очень длинном, неярко освещенном зале. Ввысь уходили каменные колонны – резные переплетенные змеи; они поддерживали потолок, терявшийся во мраке, и в этом странном зеленоватом сумраке бросали на пол длинные черные тени.

С бешено бьющимся сердцем Гарри вслушивался в ледяное молчание. Может, василиск прячется вон в том темном углу за колонной? И где же Джинни?

Он достал палочку и прошел между двумя змеевидными колоннами. Каждый осторожный шаг гулким эхом отдавался среди темных стен. Глаза он еле приоткрыл и был готов крепко зажмуриться при малейшем шорохе. Пустые глазницы каменных змей, казалось, внимательно за ним следили. Не раз мальчику чудилось, что они шевелятся, – и от этого в животе что-то словно обрывалось.

Когда он поравнялся с последней парой колонн, впереди, у задней стены, выросла статуя до самого потолка.

Гарри пришлось сильно задрать голову, чтобы взглянуть в гигантское лицо, древнее и какое-то обезьянье, с длинной узкой бородой, которая свисала почти до подола колдовской мантии, что каменными складками спускалась к огромным серым ногам, твердо стоявшим на гладком полу. Между этими ногами ничком лежала крошечная фигурка в черной мантии, с огненно-рыжими волосами.

– *Джинни!* – прошептал Гарри, бросился к ней и упал на колени. – Джинни, не умирай, пожалуйста, не умирай... – Он отбросил волшебную палочку, схватил Джинни за плечи и перевернул. Ее лицо было бело как мрамор и так же холодно, но глаза закрыты, а значит, она не окаменела. Но тогда она, должно быть... – Джинни, пожалуйста, очнись, – взмолился Гарри и потряс девочку за плечи. Голова ее безжизненно моталась из стороны в сторону.

– Она не очнется, – произнес тихий голос.

Гарри вздрогнул и развернулся.

Прислонившись к ближайшей колонне, за ним наблюдал высокий черноволосый юноша. Его силуэт был странно размыт по краям, будто Гарри смотрел на него сквозь запотевшее стекло. Но ошибиться было невозможно...

– Том... Том Реддль?

Реддль кивнул, не сводя с него глаз.

– Почему не очнется? – отчаянно спросил Гарри. – Она не... не...

– Она еще жива, – ответил Реддль, – но едва-едва.

Гарри взгляделся в него. Том Реддль учился в «Хогварце» пятьдесят лет назад, и все же вот он стоит здесь, от силы шестнадцати лет от роду, и светится странным туманным светом.

– Ты призрак? – неуверенно спросил Гарри.

– Воспоминание, – спокойно ответил Реддль, – хранившееся в дневнике пятьдесят лет.

Он показал на пол, где у гигантских ног статуи лежала раскрытая книжица – ежедневник, найденный в туалете Меланхольной Миртл. Долю секунды Гарри пытался сообразить, как ежедневник оказался здесь, но его внимание отвлекли более неотложные дела.

– Помоги мне, Том, – сказал он, снова приподымая голову Джинни. – Надо вытащить ее отсюда. Здесь василиск... Не знаю где, но он может появиться в любую секунду... Пожалуйста, помоги мне...

Реддль не шелохнулся. Гарри, вспотев, умудрился приподнять Джинни с пола и потянулся за своей палочкой...

Но ее не было.

– Ты не видел?..

Он поднял глаза. Реддль по-прежнему наблюдал за ним – и вертел в длинных пальцах палочку Гарри.

– Спасибо, – поблагодарил тот и протянул руку.

Губы Реддля изогнулись в улыбке. Он не отрываясь смотрел на Гарри и лениво поигрывал палочкой.

– Слушай... – упрямо сказал Гарри. Колени у него подгибались под мертвой тяжестью Джинни. – *Нам надо идти!* Если появится василиск...

– Василиск не появится, если не позвать, – невозмутимо отвечивал Реддль.

Гарри снова опустил Джинни на пол – у него не было сил держать ее на весу.

– В смысле? – не понял он. – Слушай, отдай палочку, она может мне понадобиться...

Реддль заулыбался шире.

– Не понадобится, – заверил он.

Гарри смотрел на него, ничего не понимая:

– В каком смысле не понадо...?

– Я долго ждал этого дня, Гарри Поттер, – ответил Реддль. – Ждал случая встретиться с тобой. Поговорить.

– Слушай, – Гарри начал терять терпение, – по-моему, до тебя не доходит. Мы в *Тайной комнате*. Давай потом поговорим...

– Мы поговорим сейчас, – сказал Реддль, по-прежнему широко улыбаясь. И спрятал палочку в карман.

Гарри вытаращился на него. Странные тут дела творятся...

– Почему Джинни такая, что с ней? – медленно спросил он.

– Хороший вопрос, – приятным голосом произнес Реддль. – А вот ответом будет довольно длинная история. Пожалуй, подлинная причина в том, что Джинни открыла свое сердце и все свои секреты невидимому незнакомцу.

– О чем ты?

– О дневнике, – ответил Реддль. – О *моем* дневнике. Маленькая Джинни писала туда месяцами, поверяла мне все свои жалкие тревоги и горести – как братья ее *дразнят*, как ей пришлось идти в школу в ношенной форме и с чужими книжками и как, – глаза Реддля сверкнули, – она не смеет надеяться, что великий, знаменитый, прекрасный Гарри Поттер *когда-нибудь* обратит на нее внимание...

Реддль ни на миг не спускал с Гарри глаз. В них читался почти голод.

– Это на редкость *скучно* – вникать в глупые, никчемные заботы одиннадцатилетней девочки, – продолжал он. – Но я был терпелив. И писал ей в ответ. Я сочувствовал, я был добр. Джинни *полюбила* меня. «Никто не понимает меня, как ты, Том... Я так рада, что у меня есть этот дневник, – есть кому довериться... ты мой карманный друг...»

Реддль расхохотался. Пронзительный, безжалостный, ледяной смех ему совсем не шел. От этого смеха у Гарри волосы встали дыбом.

– Прости за нескромность, Гарри, но мне всегда удавалось очаровать кого нужно. Вот и Джинни открыла мне душу, и как раз такая душа мне и требовалась... Я крепнул и крепнул, питаюсь самыми

тайными ее страхами, самыми страшными секретами. Я становился сильнее – гораздо сильнее глупенькой мисс Уизли. Я настолько окреп, что понемногу стал делиться с нею *своими* тайнами, мало-помалу переливать *свою* душу в нее...

– Это как? – спросил Гарри. Во рту у него совершенно пересохло.

– А ты еще не догадался, Гарри Поттер? – вкрадчиво спросил Реддль. – Тайную комнату открыла Джинни Уизли. Это она задушила школьных петухов и накарябала угрозы на стене. Она натравила Слизеринского Змея на четырех муглокровок и на кошку этого шваха.

– Нет, – прошептал Гарри.

– Да, – равнодушно бросил Реддль. – Разумеется, сначала она не *знала*, что это делает она. Было очень забавно. Видел бы ты ее признания в дневнике... мне стало гораздо интереснее... «Дорогой Том, – начал цитировать Реддль, следя за тем, как лицо Гарри искажается ужасом, – кажется, у меня провалы в памяти. У меня форма сплошь в петушиных перьях, а я не знаю, откуда они взялись. Дорогой Том, я не помню, чем занималась вечером в Хэллоуин, а у нас окаменела кошка, и моя мантия спереди вся в краске. Дорогой Том, Перси твердит, что я очень бледная и сама на себя не похожа. Помоему, он меня подозревает... Сегодня совершенно еще одно преступление, а я опять не знаю, где была. Том, что делать? Мне кажется, я схожу с ума... Мне кажется, это я всех заколдовываю, Том!»

Гарри сжимал кулаки; ногти все глубже вонзались в ладони.

– Глупышка Джинни! Она отнюдь не сразу перестала доверять своему дневнику, – продолжал Реддль. – Но в конце концов что-то заподозрила и попыталась от него избавиться. И тут на сцене появился *ты*, Гарри. Ты нашел дневник, чем несказанно меня порадовал. Его мог найти кто угодно – надо же, чтобы это оказался именно ты, с кем я так мечтал встретиться...

– И зачем тебе со мной встречаться? – спросил Гарри. Его сотрясал гнев, и говорить ровно стоило большого труда.

– Видишь ли, Джинни мне всё о тебе рассказала, – ответил Реддль. – Всю твою потрясающую историю. – Его взгляд скользнул по шраму на лбу, и глаза алчно блеснули. – Я понял, что должен узнать о тебе из первых рук, поговорить с тобой, встретиться, если получится. И чтобы заслужить твое доверие, я показал тебе знаменитую сцену поимки неотесанной дубины Огрида...

– Огрид – мой друг, – заявил Гарри. Голос его дрожал. – А ты его подставил, так? Я думал, ты просто ошибся, но...

Реддль снова пронзительно рассмеялся.

– Мои показания против показаний Огрида. Сам представь, как это выглядело с точки зрения старого Армандо Диппета. Вот Том Реддль, бедный, но гениальный, сирота, но такой *храбрый*, староста, образцовый ученик... а вот огромный неуклюжий Огрид, который чуть ли не каждую неделю творит неизвестно что, растит под кроватью детенышей оборотня, а то сбегает в Запретный лес драться с троллями... Но я согласен, я сам удивился, что мой план так хорошо сработал. Я думал, *хоть кто-нибудь* догадается, что болван Огрид никак не может быть Наследником Слизерина. *Даже я* разузнавал о Тайной комнате и искал потайной вход пять лет... А откуда у Огрида на это мозги или могущество?.. Один только преподаватель превращений, Думбльдор, верил, что Огрид невиновен. Он убедил Диппета оставить Огрида при школе и выучить на лесника. Да, наверное, Думбльдор догадывался... никогда не любил меня в отличие от прочих учителей...

– Наверняка он насквозь тебя видел, – процедил Гарри сквозь зубы.

– Ну, когда исключили Огрида, Думбльдор с меня глаз не спускал, это да, – беспечно сказал Реддль. – Очень бесило. Я знал, что небезопасно опять открывать Комнату, пока я еще здесь учусь. Но я что, зря пять лет ее искал? Я решил оставить после себя дневник, который сохранит мое шестнадцатилетнее «я», а в один прекрасный день, если повезет, по моим стопам пойдет кто-то другой, и я завершу благородное дело, начатое Салазаром Слизеринном.

– И тебе не удалось! – торжествующе выкрикнул Гарри. – На этот раз никто не умер, даже кошка! Через несколько часов будет готов мандрагорный тоник, и все, кто окаменел, выздоровеют...

– А я еще не сказал? – тихо произнес Реддль. – Мне уже неинтересно убивать мугродье. Вот уже многие месяцы моя мишень – *ты!*

Гарри уставился на него.

– Представь, как я разозлился, когда дневник снова открыла Джинни! Понимаешь, она увидела его у тебя и запаниковала. Что, если ты узнаешь, как им пользоваться, а я выдам тебе все ее секреты? Или

хуже того: что, если я расскажу тебе, кто душит петухов? И вот малолетняя тупица дождалась, пока все уйдут из вашей спальни, и выкрала дневник. Но я уже знал, что мне делать. Я понял, что ты вышел на след. По рассказам Джинни я знал, что ты пойдешь на все, лишь бы раскрыть тайну Наследника Слизерина, – особенно если пострадал один из твоих лучших друзей. А еще Джинни рассказала, что вся школа гудит из-за того, что ты говоришь на серпентарго... И я заставил бедняжку написать на стене свою прощальную записку, привел сюда и затаился. Она сопротивлялась, плакала и *страшно* мне надоела. Но в ней теперь маловато жизни... Она слишком много вложила в дневник, в меня. Мне хватило, чтобы наконец покинуть его страницы... С той минуты, как мы с ней очутились здесь, я жду тебя. Ты не обманул моих ожиданий. У меня к тебе много вопросов, Гарри Поттер.

– Например? – выплюнул Гарри. Он по-прежнему сжимал кулаки.

– Например, – протянул Реддль, приятно улыбаясь, – как случилось, что *ты*, худосочный младенец без каких-либо экстраординарных магических дарований, умудрился победить величайшего колдуна всех времен? Как удалось *тебе* отделаться всего-навсего шрамом, в то время как Лорд Вольдеморт лишился колдовской силы?

В голодных глазах замерцал красный огонь.

– Тебе-то что? – медленно проговорил Гарри. – Вольдеморт был уже после тебя...

– Вольдеморт, – тихо промолвил Реддль, – это мое прошлое, настоящее и будущее, Гарри Поттер...

Он вытащил из кармана волшебную палочку Гарри и вывел ее в воздухе светящиеся слова:

ТОМ ЯРВОЛО РЕДДЛЬ

Затем взмахнул палочкой, и буквы перетасовались:

Я ЛОРД ВОЛЬДЕМОРТ

– Дошло? – прошептал он. – Этим именем я пользовался еще в «Хогварце» – разумеется, его знали только самые близкие друзья. Думаешь, я бы согласился вечно довольствоваться мугловым именем моего отвратительного папаши? Я, кто с материнской стороны

унаследовал кровь самого Салазара Слизерина? Чтобы я сохранил имя убогого, грязного мугла, который бросил меня еще до моего рождения, оттого лишь, что жена его оказалась ведьмой? Нет, Гарри, я создал себе новое имя и знал, что в один прекрасный день его побоятся даже произносить другие колдуны, а сам я стану величайшим магом всего мира!

В мозгу у Гарри произошел сбой. Он безмолвно глядел на Реддля, мальчика-сироту, который вырос и убил родителей Гарри, а также многих-многих других людей... Наконец он заставил себя заговорить.

– Нет. Ты – нет, – с ненавистью тихо сказал он.

– Что нет? – рявкнул Реддль.

– Ты – не величайший маг всего мира, – объяснил Гарри, учащенно дыша. – Жаль тебя разочаровывать и все такое, но величайший маг всего мира – Альбус Думбльдор. Все так говорят. Ты не пытался захватить «Хогварц», даже когда был полон сил. Думбльдор видел тебя насквозь, когда ты здесь учился, и ты боишься его сейчас, где бы ни прятался...

Улыбка исчезла с губ Реддля, лицо весьма неприятно исказилось.

– Думбльдора выгнали из замка при одном лишь *воспоминании* обо мне! – прошипел он.

– Не так уж его и выгнали! – парировал Гарри. Он говорил наобум, пытаясь напугать Реддля, скорее желая, чем веря, что говорит правду...

Реддль открыл было рот, но замер.

Откуда-то полилась музыка. Реддль круто обернулся и вперил взор в пустоту Комнаты. Музыка становилась громче. От таинственных, неземных звуков мороз подирал по коже; у Гарри волосы встали дыбом, а сердце словно расширилось вдвое. Затем, когда тон достиг немыслимой высоты и завибрировал в грудной клетке, из вершины ближайшей колонны вырвались языки пламени.

Прямо из воздуха под сводчатым потолком возникла малиновая птица размером с лебедя. Она старательно выводила странную мелодию. Ее роскошный хвост, длинный, как у павлина, отливал золотом, а в сверкающих золотых когтях был зажат драный сверток.

Птица устремилась прямо к Гарри, уронила сверток к его ногам, тяжело опустилась ему на плечо и сложила огромные крылья. Гарри

покосился на нее и увидел длинный острый клюв и круглый черный глаз.

Птица замолчала. Она сидела очень тихо, грея Гарри щеку, и в упор смотрела на Реддля.

– Это феникс... – заметил Реддль, пристально вглядываясь в птицу.

– *Янгус?* – выдохнул Гарри, и золотые когти дружески пожали ему плечо.

– А *это*... – продолжал Реддль, рассматривая драную вещь на полу, – старая школьная Шляпа-Распределница...

И впрямь. Залатанная, потрепанная и грязная, Шляпа-Распределница неподвижно лежала у ног Гарри.

Реддль захохотал. Он так зашелся от смеха, что в темном зале задрожали стены, будто смеялся не один Реддль, а целых десять...

– Так вот что Думблдор прислал своему защитнику! Певчую птичку и старую Шляпочку! Ну как, ты теперь храбрее, Гарри? Ты спасен?

Гарри не ответил. Он не понимал, что пользы от Янгуса или от Шляпы-Распределницы, но ему больше не было одиноко. Его уверенность росла; он ждал, когда Реддль отсмеется.

– К делу, Гарри, – сказал наконец тот, все еще широко улыбаясь. – Дважды – в твоём *прошлом*, в моём *будущем* – мы встречались. И дважды мне не удавалось убить тебя. Как ты выжил? Расскажи мне все. Чем дольше будешь говорить, – негромко прибавил он, – тем дольше проживешь.

Гарри лихорадочно взвешивал свои шансы. У Реддля – палочка. У него, у Гарри, – Янгус и Шляпа-Распределница. Ни то ни другое не очень-то годится для дуэли. Да уж, дело труба... чем дольше Реддль стоит здесь, тем больше жизни вытекает из Джинни... а между тем, заметил Гарри, фигура Реддля все четче, сам он все плотнее... Если уж им суждено сразиться – чем скорее, тем лучше.

– Никто не знает, почему ты потерял колдовские силы, когда пытался убить меня, – резко ответил Гарри. – Я тоже не знаю. Но я знаю, почему ты не смог *убить* меня. Потому что моя мама отдала за меня свою жизнь. Моя обыкновенная *муглорожденная* мама, – добавил он, дрожа от гнева. – Она не дала тебе убить меня. А я видел *настоящего* тебя в прошлом году. Ты никуда не годная развалина. Ты

чуть живой. Вот куда привела тебя твоя колдовская гениальность. Ты прячешься неизвестно где. Ты урод, ты какая-то пакость...

Лицо Реддля исказилось. Затем он сложил губы в жуткую улыбку.

– Вот, стало быть, как. Твоя мать отдала за тебя жизнь. Согласен, это сильное контрзаклятие. Теперь ясно... значит, в тебе нет ничего особенного. Видишь ли, я никак не мог понять. Между нами есть нечто до странности общее. Да ты, верно, и сам заметил. Оба полукровки, сироты, воспитаны у муглов. Оба змееусты – возможно, единственные в «Хогварце» после великого Слизерина. Мы даже внешне похожи... но, как выясняется, ты спасся благодаря лишь счастливой случайности. Это все, что я хотел знать.

Сжавшись, Гарри ждал, когда Реддль взмахнет палочкой. Но кривая улыбка Реддля снова стала шире.

– Вот что, Гарри. Я хочу преподать тебе небольшой урок. Давай-ка померяемся силами: Лорд Вольдеморт, Наследник Салазара Слизерина, против знаменитого Гарри Поттера и того оружия, которым у Думбльдора хватило ума его снабдить...

Он с брезгливой насмешкой бросил взгляд на Янгуса и Шляпу-Распределницу и отошел. Коченея от страха, на онемевших ногах, Гарри заворуженно за ним следил. Реддль остановился между высокими колоннами и поднял глаза к каменной маске Слизерина, царившей высоко в полутьме. Реддль широко раскрыл рот и зашипел – но Гарри все понял:

– *Поговори со мною, Слизерин, величайший из четырех основателей «Хогварца»...*

Гарри развернулся и тоже посмотрел на статую. Янгус покачнулся у него на плече.

Огромное лицо Слизерина зашевелилось. Объятый ужасом, Гарри увидел, как гигантский рот открывается – шире, шире – и превращается в огромную дыру.

И в ней что-то шевелилось. Что-то выползло из глубин.

Гарри попятился. Он отступал, пока не уперся в стену. Он крепко зажмурился и тогда почувствовал, как, задев его крылом по щеке, взлетает Янгус. Гарри хотел закричать: «Не оставляй меня!» – да только что может феникс против Короля Змей?

Нечто исполинское свалилось на пол. Гарри почувствовал, как Комната содрогнулась, – он знал, что происходит, он чувствовал это,

даже не открывая глаз, видел, как змей выползает изо рта Слизераина, разворачивая кольца чудовищного тела.

А затем Реддль прошипел:

– *Убей его.*

Василиск приближался; Гарри слышал, как тяжелое тело змея грузно скользит в пыли. Не открывая глаз, Гарри слепо заметался, растопырив руки, нащупывая путь, – Вольдеморт хохотал...

Гарри споткнулся. Он жестко рухнул на пол и почувствовал привкус крови во рту – змей был уже близко и надвигался...

Прямо над головой раздались громкие змеиные плевки, что-то тяжелое обрушилось на Гарри, и он со всего маху врезался в стену. Вот-вот в него вонзятся ядовитые клыки. Он слышал злобное шипение, слышал, как что-то яростно бьется о колонны...

Он ничего не смог с собой поделать – чуть-чуть приоткрыл глаза и посмотрел, что происходит.

Огромный ярко-зеленый змей задрал в воздух тело, толстое, как ствол дуба, и пьяно водил огромной тупоносой головой между колоннами. Мелко дрожа, готовясь зажмуриться, если змей обернется, Гарри разглядел, что же змея отвлекло.

Над его головой кружил Янгус, и василиск кидался на феникса, обнажив клыки, длинные и тонкие, как сабли...

Янгус нырнул. Его длинный золотой клюв на миг исчез из виду, и внезапно фонтан темной крови брызнул на пол. Змеиный хвост забился, чудом не задев Гарри, и не успел мальчик стиснуть веки, змей обернулся – и Гарри увидел, что феникс выклевал чудовищу огромные выпученные глаза; кровь струилась на пол, и змей шипел от боли.

– НЕТ! – услышал Гарри вопль Реддля. – **ОСТАВЬ ПТИЦУ! ОСТАВЬ ПТИЦУ! МАЛЬЧИШКА СЗАДИ ТЕБЯ! ПО ЗАПАХУ ИЩИ! УБЕЙ ЕГО!**

Ослепленный змей покачнулся, сбитый с толку, но по-прежнему смертоносный. Янгус кругами летал над ним, трубя свою жутковатую песнь, то и дело кляя в окровавленный чешуйчатый нос.

– Помогите, помогите, – как безумный забормотал Гарри, – ктонибудь... хоть ктонибудь...

Змеиный хвост снова хлестнул по полу. Гарри пригнулся. Что-то мягкое ударило его в лицо.

Василиск случайно швырнул в руки мальчику Шляпу-Распределницу. Гарри схватил ее. Вот и все, что у него осталось, его последний шанс – он нахлобучил Шляпу на голову и под взмахом змеиного хвоста бросился на пол.

«Помогите, помогите, – думал Гарри под Шляпой, изо всех сил зажмурившись. – Пожалуйста, помогите...»

Ответа не было. Вместо ответа Шляпа сжалась, будто схваченная твердой рукой.

Что-то очень тяжелое и жесткое упало Гарри на голову, и он чуть не лишился сознания. Из глаз полетели искры. Он потянул было Шляпу с головы и нащупал под ней что-то длинное и твердое.

Внутри Шляпы возник мерцающий серебряный меч – на рукояти блистали рубины величиной с куриное яйцо.

– УБЕЙ МАЛЬЧИШКУ! ОСТАВЬ ПТИЦУ! МАЛЬЧИШКА СЗАДИ! НЮХАЙ – ТЫ ПОЧУЕШЬ!

Гарри уже вскочил и приготовился. Голова василиска клонилась к полу, тело извивалось и билось о колонны – змей вертелся в поисках жертвы. Гарри видел огромные окровавленные глазницы, широко разинутую пасть, куда он мог бы провалиться целиком, – пасть с двумя рядами зубов, длинных, как сабли, тонких, влажно блестящих, ядовитых...

Змей атаковал вслепую – Гарри увернулся, и змей ударился об стену. Чудовище снова бросилось – и его раздвоенный язык хлестнул Гарри по плечу. Мальчик обеими руками поднял меч...

Василиск опять атаковал, и на сей раз бросок оправдал себя – Гарри всем телом навалился на меч и вонзил его чудовищу в небо...

Но едва теплая кровь заструилась по рукам, он почувствовал жгучую боль чуть выше локтя. Длинный смертоносный зуб вонзался все глубже и отломился, когда змей стал крениться набок и, подергиваясь, рухнул на пол.

Гарри соскользнул по стене. Ухватившись покрепче, выдернул из руки ядовитый зуб. Но он знал, что уже слишком поздно. Раскаленная, до белизны в глазах, боль медленно, но верно разливалась по телу. Гарри отшвырнул зуб и замутненными глазами посмотрел, как кровь проступает на одежде. Комната растворялась в тусклом кружении.

Мимо пронеслось малиновое пятно, и Гарри услышал тихое клцанье когтей.

– Янгус, – невнятно пробормотал Гарри, – ты был великолепен, Янгус...

Он почувствовал, как феникс положил свою красивую голову туда, где змеинный зуб вонзился в руку.

Он услышал гулкие шаги, и на него надвинулась мрачная тень.

– Тебе конец, Гарри Поттер, – сказал сверху голос Реддля. – Конец. Даже Думбльдорова птица это понимает. Видишь, что он делает, Поттер? Он плачет.

Гарри моргнул. Голова Янгуса то обретала фокус, то снова расплывалась. Крупные жемчужины слез текли по лоснящимся перьям.

– Я буду сидеть здесь и смотреть, как ты умираешь, Гарри Поттер. Не торопись. У меня полно времени.

На Гарри опускалась дремота. Все вокруг закружилось.

– Вот как умирает знаменитый Гарри Поттер, – где-то далеко произнес Реддль. – Один в Тайной комнате, забытый друзьями, наконец побежденный Черным Лордом, которому он столь неразумно бросил вызов. Скоро ты встретишься со своей дорогой мугродской мамочкой, Гарри... Она купила тебе жалкие двенадцать лет жизни... но Лорд Вольдеморт тебя настиг. Ты ведь всегда знал, что это случится...

«Если это смерть, – подумал Гарри, – то все не так уж страшно. И даже уже не больно...»

Однако смерть ли это? Вместо того чтобы исчезнуть в черноте, Комната вновь обретала четкие контуры. Гарри осторожно потряс головой и увидел Янгуса – тот лежал головой на раненой руке. Сияющие жемчужины слез покрывали рану – только никакой раны не было...

– Уйди отсюда, птица! – неожиданно взорвался Реддль. – Уйди от него! Что я говорю – *кыш*...

Гарри поднял голову. Реддль целился волшебной палочкой Гарри в феникса; раздался выстрел, словно из ружья, и Янгус взвился в вихре золотого и малинового.

– Слезы феникса... – тихо произнес Реддль, глядя на руку Гарри. – Ну конечно... целительная сила... как я мог забыть...

Он взглянул в лицо мальчику:

– Какая разница. На самом деле так даже лучше. Только ты и я, Гарри Поттер... ты и я...

Он взмахнул палочкой...

Но с громким шуршанием крыльев вверху появился Янгус, и что-то упало Гарри прямо в руки – *дневник*.

Долю секунды Гарри и Реддль, замерший на полувзмахе палочки, смотрели на него. Затем, не раздумывая, без промедления, будто с самого начала и собиравшись так сделать, Гарри схватил с пола зуб василиска и вонзил его в самую сердцевину блокнота.

Комнату пронзил длинный, страшный, отчаянный вопль. Потoki чернил брызнули из дневника, залили Гарри руки, хлынули на пол. Реддль извивался и корчился, выл и стонал, и наконец...

Он исчез. Волшебная палочка Гарри со стуком упала на пол, и воцарилась тишина. Только слышалось *кап-кап-кап* – из ежедневника сочились чернила. Яд василиска прожег его насквозь, и края дыры обуглились.

Дрожа всем телом, Гарри с трудом поднялся на ноги. Голова кружилась, будто он пролетел много миль на кружающей муке. Он медленно взял палочку и Шляпу-Распределницу и, собрав остатки сил, выдернул блестящий меч изо рта у василиска.

Тут из другого угла раздался слабый стон. Джинни зашевелилась. Гарри бросился к ней, она села. Ничего не понимающим взглядом девочка обвела громадное тело мертвого василиска, Гарри в окровавленной мантии, дневник в его руке. Судорожно ахнула, и слезы полились у нее по щекам.

– Гарри! Ой, Гарри... я хотела с-сказать вам за завтраком, но я не м-могла перед Перси... это была я, Гарри, но я к-клянусь, я н-н-не хотела – Р-реддль меня заставил, он в-вселился в меня... и... А к-как ты убил это... это чудище? Г-где Реддль? Я только п-помню, как он вышел из дневника...

– Успокойся, – сказал Гарри и показал ей обугленную дыру в ежедневнике. – Реддлю конец. Смотри! И ему, и василиску. Давай, Джинни, пойдем, надо выбираться отсюда...

– Меня исключат! – рыдала Джинни. Гарри неловко помог ей встать. – Я мечтала о «Хогварце» с тех пор, как Б-Билл пошел в школу, а теперь мне п-придется уйти... *И ч-что скажут мама с папой?*

Янгус ждал их, паря у дверей. Гарри подталкивал Джинни вперед; они переступили через страшные кольца мертвого змея и сквозь гулкую тьму вышли в тоннель. Гарри услышал, как за спиной с тихим шипением закрылись каменные врата.

Некоторое время они шли по тоннелю, а затем до них донесся скрежет передвигаемых камней.

– Рон! – заорал Гарри, ускоряя шаг. – Джинни цела! Она со мной!

Он услышал приглушенный вопль восторга, тоннель очередной раз вильнул, и они увидели радостное лицо Рона в солидной дыре, которую ему удалось проделать в каменном завале.

– Джинни! – Рон протянул руку, чтобы втащить сестру первой. – Ты жива! Какое счастье! Что было? Как... почему... откуда птица?

Янгус пролетел в дыру следом за Джинни.

– Это птица Думбльдора, – сказал Гарри, протискиваясь последним.

– А меч откуда? – спросил Рон, непонимающе глаза на грозное оружие.

– Объясню потом, когда выберемся, – ответил Гарри, искоса бросив взгляд на Джинни, которая заплакала еще горше.

– Но...

– Потом, – отрезал Гарри. Рону пока не время знать, кто открыл Тайную комнату, да и нехорошо говорить об этом при Джинни. – Где Чаруальд?

– Там, сзади, – ответил Рон, по-прежнему недоумевая, и мотнул головой в сторону трубы. – Он, бедняга, не того. Пошли, сам увидишь.

Под предводительством Янгуса, чьи широкие малиновые крылья излучали мягкий золотой свет в темноте, они прошли весь обратный путь к трубе. Там сидел Сверкароль Чаруальд и бессмысленно что-то мычал себе под нос.

– Ему память отшибло, – объяснил Рон. – Заклятие забвения отрикошетило. Вместо нас ударило по нему. Понятия не имеет, кто он есть, где находится, кто мы такие. Я велел ему сидеть и ждать здесь. А то еще покалечится.

Чаруальд добродушно на них уставился.

– Привет, – сказал он. – Так себе местечко, да? Вы здесь живете?

– Нет, – ответил Рон, со значением глянув на Гарри.

Гарри наклонился и заглянул в длинную темную трубу.

– Ты случайно не придумал, как нам по ней подняться? – спросил он Рона.

Рон покачал головой. Но тут феникс Янгус вылетел вперед и затрепетал крыльями перед Гарри, ярко блестя круглыми глазами в темноте. Он зазывно размахивал длинным хвостом. Гарри слегка растерялся.

– По-моему, он хочет, чтобы ты схватился за хвост... – озадаченно проговорил Рон. – Но ты ведь тяжелый, птица тебя не вытащит...

– Янгус, – сказал Гарри, – не простая птица. – Он обернулся к остальным. – Держимся друг за друга. Джинни, возьми Рона за руку. Профессор Чаруальд...

– Это вы, – рявкнул Рон Чаруальду.

– Возьмите Джинни за другую руку...

Гарри заткнул меч и Шляпу-Распределницу за пояс, Рон ухватился за полу его мантии, и Гарри взялся за странно горячий птичий хвост.

Невероятная легкость распространилась по телу, и спустя миг в громком шорохе крыльев вся процессия уже летела вверх по трубе. Гарри слышал, как Чаруальд, болтаясь позади, ахает: «Удивительно! Удивительно! Ну прямо волшебство!» Холодный воздух трепал волосы; Гарри еще не прискучил полет, а тот уже закончился – все четверо очутились на влажном полу туалета Меланхольной Миртл, Чаруальд поправлял сбившуюся шляпу, а раковина, под которой скрывалась труба, уже скользила на место.

Миртл выпучила глаза.

– Ты жив, – тупо сказала она Гарри.

– Вовсе не обязательно так откровенно огорчаться, – буркнул он, отирая брызги крови и слизи с очков.

– Ой, ну... просто я думала... если б ты умер, я бы поделилась с тобой унитазом. – И Миртл вся залилась серебристым румянцем.

– Фу! – сказал Рон, когда они вышли в мрачный, темный коридор. – Кажется, Миртл в тебя *втрескалась*! Джинни, у тебя появилась конкурентка!

Но Джинни по-прежнему проливала молчаливые слезы.

– Куда теперь? – спросил Рон, озабоченно глядя на нее. Гарри ткнул пальцем.

Янгус летел впереди, озаряя коридор золотым сиянием. Следом за ним они вскоре пришли к кабинету профессора Макгонаголл.

Гарри постучал и распахнул дверь.

Глава восемнадцатая

Добби вознагражден

Когда Гарри, Рон, Джинни и Чаруальд появились на пороге, заляпанные грязью и слизью (а Гарри также кровью), в комнате повисло гробовое молчание. Затем раздался вопль:

– *Джинни!*

Это закричала миссис Уизли, до того безутешно рыдавшая у камина. Она вскочила, и они с мистером Уизли бросились обнимать дочь.

Но Гарри смотрел мимо них. У камина стоял сияющий профессор Думбльдор, а рядом, прижимая руки к груди, громко и судорожно всхлипывала профессор Макгонаголл. Янгус просвистел крыльями возле уха Гарри, уселся на плечо к Думбльдору, и тут Гарри и Рон оказались в крепких объятиях миссис Уизли.

– Вы спасли ее! Вы спасли ее! *Как* вам это удалось?

– Да, нам всем интересно, – заплаканным голосом пролепетала профессор Макгонаголл.

Миссис Уизли отпустила Гарри, который мгновение помялся, а затем подошел к столу и выложил Шляпу-Распределницу, инкрустированный рубинами меч, а также то, что осталось от дневника Реддля.

Затем он начал рассказывать все подряд. С четверть часа он говорил в абсолютной тишине: о бестелесном голосе, о том, как Гермиона догадалась, что это голос василиска, ползающего по трубам; и как они с Роном выслеживали пауков в лесу, и как Арагог поведал, где умерла последняя жертва василиска; и как они догадались, что это Меланхольная Миртл, а вход в Тайную комнату находится в ее туалете...

– Ну хорошо, – вступила в разговор профессор Макгонаголл, едва Гарри сделал паузу, – вы выяснили, где находится вход – при этом, не могу не заметить, бессовестно нарушив не меньше сотни школьных

правил, — но как, объясните мне, *как* вам удалось выйти оттуда живыми, Поттер?

Тогда Гарри, от разговоров уже охрипший, рассказал о своевременном появлении Янгуса и о том, как Шляпа-Распределница дала ему меч. И тут осекся. До сих пор он избегал упоминания о дневнике Реддля и о Джинни. Девочка стояла, уткнувшись лбом в плечо матери, и беззвучные слезы текли по ее щекам. «А если Джинни исключат? — в панике подумал Гарри. — Дневник Реддля больше ничего уже не расскажет... Как доказать, что это Реддль вынудил Джинни совершать преступления?»

Инстинктивно Гарри взглянул на Думбльдора. Тот еле заметно улыбался, и отблески огня танцевали в его очках-полумесяцах.

— Лично *меня* больше всего интересует, — мягко проговорил он, — каким образом Лорд Вольдеморт сумел околдовать Джинни, хотя, по сведениям из достоверных источников, он сейчас скрывается в лесах Албании?

Облегчение — счастливое, захватывающее торжество — горячо разлилось по телу Гарри.

— Ч-что вы т-такое г-говорите? — ошарашенно пробормотал мистер Уизли. — *Сами-Знаете-Кто?* Околдовал *Джинни*? Но ведь Джинни не... Джинни не была... или?..

— Это все дневник, — выпалил Гарри, предъявляя его Думбльдору. — Реддль писал его, когда ему было шестнадцать...

Думбльдор взял дневник из рук Гарри и пристально уставился на обгоревшие и промокшие страницы.

— Великолепно, — тихо сказал он. — Оно и понятно, он был, наверное, самым блестящим учеником «Хогварца». — Думбльдор повернулся к потрясенным до глубины души супругам Уизли. — Очень немногие знают, что Лорд Вольдеморт когда-то звался Томом Реддлем. Пятьдесят лет назад он учился у меня. А после школы исчез... много путешествовал... глубоко погряз в черной магии, общался с худшими представителями нашего племени, пережил множество опасных превращений... и когда снова объявился уже Лордом Вольдемортом, его толком никто не узнавал. Едва ли кто-то связывал Лорда Вольдеморта с умным, красивым мальчиком, который был когда-то старшим школьным старостой.

– Но Джинни... – едва выговорил мистер Уизли. – Что наша Джинни могла иметь общего с... с *ним*?

– Это его д-дневник! – прорыдала Джинни. – Я в нем писала, а он мне отвечал... весь год...

– Детка! – в ошеломлении вскричал мистер Уизли. – Разве я тебя *ничему* не научил?! Что я тебе всегда говорил? Не доверяй тому, что способно мыслить, *если не понимаешь, где у него мозги!* Почему ты не показала дневник мне? Или маме? Такая подозрительная вещь, ведь *очевидно*, что черная магия...

– Я не знала, – всхлипывала Джинни. – Я нашла его в одной из книг, которые купила мама. Я д-думала, кто-то его там забыл...

– Мисс Уизли следует немедленно отправиться в лазарет, – вмешался Думбльдор. – Она пережила чудовищное испытание. Не волнуйтесь, наказания не будет. Лорду Вольдеморту удавалось одурачить куда более взрослых и опытных колдунов. – Он открыл дверь. – Так что – постельный режим и, пожалуй, большая кружка горячего шоколада. Меня это всегда ставит на ноги. – Он добродушно подмигнул девочке. – Мадам Помфри еще не спит. Вовсю раздает мандрагорный тоник – осмелюсь предположить, что прямо сейчас жертвы василиска просыпаются...

– Значит, Гермiona здорова! – радостно выкрикнул Рон.

– В итоге всё наладится, Джинни, – сказал Думбльдор.

Миссис Уизли вывела дочь в коридор, и мистер Уизли последовал за ними, все еще не в себе от пережитого потрясения.

– Знаете, Минерва, – задумчиво сказал профессор Думбльдор профессору Макгонаголл, – мне кажется, все это – неплохой повод задать *пир*. Не будете ли вы так любезны пойти предупредить на кухне?

– Отлично, – бодро ответила профессор Макгонаголл и тоже направилась к двери. – С Поттером и Уизли вы разберетесь сами?

– Конечно, – заверил ее Думбльдор.

Она ушла, а Гарри с Роном неуверенно подняли глаза на директора. Что значит «разберетесь»? Не может же быть – ведь *не может*, – чтобы их наказали?

– Помнится, я обещал исключить вас, если вы снова хотя бы раз нарушите правила, – сказал Думбльдор.

Рон в ужасе открыл рот.

– И это доказывает, что даже умнейшим из нас иной раз приходится подавиться своими же словами, – с улыбкой продолжил Думбльдор. – Вы оба будете удостоены Приза за служение идеалам «Хогварца», и еще вы заработали – так, дайте подумать – да, по двести баллов «Гриффиндору» каждый.

Рон ярко порозовел, как Чаруальдовы цветочки на День святого Валентина, и закрыл рот.

– Но один из нас совсем притих и помалкивает о своем участии в этом опасном приключении, – добавил Думбльдор. – Отчего такая скромность, Сверкароль?

Гарри вздрогнул. Он напрочь забыл о Чаруальде. Защитник от сил зла стоял в уголке, бессмысленно улыбаясь. Когда Думбльдор обратился к нему, Чаруальд взглянул через плечо, кто это с ним разговаривает.

– Профессор Думбльдор, – поспешно сказал Рон, – внизу, в Тайной комнате, произошел несчастный случай. Профессор Чаруальд...

– Я профессор? – слегка удивился Чаруальд. – Надо же! Не ахти какой, полагаю?

– Он попытался наложить заклятие забвения, а палочка ударила не в ту сторону, – шепотом объяснил Рон Думбльдору.

– Ужас какой. – Думбльдор сокрушенно покачал головой, а его длинные серебристые усы дрогнули. – Сражен собственным оружием, Сверкароль?

– Оружием? – тупо переспросил Чаруальд. – У меня нет оружия. Вот у этого мальчика есть меч. – Он указал на Гарри. – Он вам даст, если нужно.

– Будь любезен, отведи профессора Чаруальда в лазарет, хорошо? – попросил Рона Думбльдор. – А мне нужно сказать еще пару слов Гарри...

Чаруальд, шатаясь, удалился. Рон бросил любопытный взгляд на Думбльдора, и Гарри и закрыл за собой дверь.

Думбльдор прошел к креслам у камина.

– Садись, Гарри, – сказал он, и Гарри сел, неизвестно почему чувствуя себя не в своей тарелке. – Прежде всего я хотел бы тебя поблагодарить, – продолжил Думбльдор, и в его глазах вновь сверкнул огонек. – Судя по всему, в Тайной комнате ты проявил истинную преданность мне. Ничто другое не могло призвать к тебе Янгуса.

Он любовно погладил феникса, перелетевшего к нему на колено. Под взглядом Думбльдора Гарри неловко улыбнулся.

– Итак, ты познакомился с Томом Реддлем, – задумчиво произнес Думбльдор. – Думаю, ему было *крайне* интересно с тобой встретиться...

И неожиданно для себя Гарри заговорил о том, что давно его грызло:

– Профессор Думбльдор... Реддль сказал, что я такой же, как он. «Нечто до странности общее» – так он выразился...

– Правда? – переспросил Думбльдор, задумчиво оглядывая Гарри из-под густых серебряных бровей. – А ты сам как думаешь, Гарри?

– Я думаю, что я вовсе не как он! – сказал Гарри громче, чем собирался. – Я же... я же в «Гриффиндоре», я...

Но умолк; вновь всплыло гнетущее сомнение.

– Профессор, – заговорил он чуть погодя, – Шляпа-Распределница сказала, что я... что я бы многого добился в «Слизерине». Некоторое время все думали, что Наследник Слизерина – я... потому что я говорю на серпентарго...

– Ты говоришь на серпентарго, Гарри, – спокойно ответил Думбльдор, – потому что на серпентарго говорит Лорд Вольдеморт – и в самом деле единственный живущий ныне потомок Салазара Слизерина. Если я не очень ошибаюсь, в ту ночь, когда ты получил этот шрам, Вольдеморт передал тебе часть своих колдовских способностей. Я уверен, что он не собирался, – просто так получилось...

– Вольдеморт вложил часть себя в меня? – переспросил Гарри как громом пораженный.

– Очень на то похоже.

– Значит, я должен учиться в «Слизерине», – сказал Гарри убитым голосом и заглянул в лицо Думбльдору. – Шляпа-Распределница увидела во мне задатки слизеринца и...

– Поместила тебя в «Гриффиндор», – невозмутимо закончил за него Думбльдор. – Послушай, Гарри. Так уж вышло, что у тебя есть многие качества, которые Салазар Слизерин, тщательно отбиривший себе учеников, высоко в них ценил. Его собственный редкостный дар – змееустость, находчивость, решительность, некоторое пренебрежение к установленным порядкам, – добавил Думбльдор, вновь дернув

усаами. – И все же Шляпа-Распределница направила тебя в «Гриффиндор». И ты знаешь почему. Подумай.

– Она направила меня в «Гриффиндор», – сказал Гарри, сдаваясь, – потому что я попросил ее не отправлять меня в «Слизерин»...

– *Совершенно верно*, – подхватил Думбльдор и засиял. – И этим ты *очень сильно отличаешься* от Тома Реддля. Не наши способности, но наш выбор отражает нашу истинную сущность. – Гарри сидел без движения, потрясенный. – А если тебе нужны доказательства, что ты и в самом деле гриффиндорец, взгляни повнимательнее на *это*.

Думбльдор взял со стола профессора Макгонаголл окровавленный серебряный меч и протянул Гарри. Гарри машинально перевернул меч; рубины сверкнули в свете очага. И тогда он увидел имя, выгравированное под рукоятью:

Годрик Гриффиндор.

– Только истинный гриффиндорец мог вытащить его из Шляпы, – просто сказал Думбльдор.

С минуту оба молчали. Затем Думбльдор выдвинул ящик стола и вытащил перо и чернильницу.

– Сейчас, Гарри, тебе нужны еда и крепкий сон. Иди на пир, а я тем временем напишу в Азкабан – нужно вызволить оттуда нашего хранителя ключей. Кроме того, надо послать объявление в «Оракул», – добавил он после некоторого раздумья. – Мы снова остались без преподавателя защиты от сил зла... Разрази меня гром, мы и вправду меняем их как перчатки, согласись?

Гарри направился к двери. Но не успел он взяться за ручку, дверь распахнулась и грохнулась об стену.

На пороге стоял разъяренный Люциус Малфой. А позади него, трусливо приседая, весь в бинтах, топтался *Добби*.

– Добрый вечер, Люциус, – любезно поздоровался Думбльдор.

Мистер Малфой чуть не сбил Гарри с ног. Добби потрусил следом, в глубочайшем ужасе прячась за подол мантии.

Грязной тряпочкой эльф то и дело порывался дочистить хозяйские ботинки. Судя по всему, мистер Малфой вышел из дома в большой спешке: не только его ботинки были недочищены, но и волосы, обычно аккуратно приглаженные, растрепались. Игнорируя виноватые прыжки эльфа, мистер Малфой вперил в Думбльдора ледяной взор.

– Итак! – сказал он. – Вы вернулись. Правление отстранило вас, но вы посчитали возможным вернуться в «Хогварц».

– Видите ли, Люциус, – безмятежно улыбнулся Думбльдор, – сегодня со мной связались остальные одиннадцать членов правления. Я словно попал под совиный ливень. Они – правление – получили известие о том, что погибла дочь Артура Уизли, и потребовали, чтобы я немедленно вернулся в школу. Похоже, они все-таки сочли меня самым подходящим человеком на должность директора. Кроме того, они рассказывали очень странные вещи... Некоторым показалось, будто вы пообещали проклясть их семьи, если они откажутся проголосовать за мое отстранение...

Мистер Малфой побледнел больше обычного, но сощуренные глаза его гневно сверкали.

– И как – удалось прекратить бесчинства? – презрительно бросил он. – Поймали преступника?

– Да, поймали, – улыбнулся Думбльдор.

– Ну? – резко спросил мистер Малфой. – Кто же это?

– Тот же, кто и в прошлый раз, Люциус, – ответил Думбльдор. – Однако на сей раз Лорд Вольдеморт действовал через подставное лицо. Посредством своего дневника.

И он взял со стола черный блокнотик с большой дырой посередине, внимательно наблюдая за мистером Малфоем. А Гарри в это время наблюдал за Добби.

Эльф вел себя непонятно. Со значением уставив на Гарри глазищи, он все тыкал пальцем в дневник, затем в мистера Малфоя, а затем бил себя кулаком по голове.

– Понимаю... – медленно протянул мистер Малфой.

– Очень хитроумный план, – ровно сказал Думбльдор, глядя мистеру Малфоем прямо в глаза. – Если бы вот Гарри, – мистер Малфой метнул на мальчика быстрый, колющий взгляд, – и его друг Рон не обнаружили этот дневник, подозрение пало бы целиком на Джинни Уизли. Никто не смог бы доказать, что она действовала не по собственной воле...

Мистер Малфой промолчал. Его лицо застыло как маска.

– Только представьте, – продолжал Думбльдор, – что бы тогда произошло... Уизли – одна из самых известных чистокровных семей. Вообразите, каковы были бы последствия для Артура Уизли и его

Закона о защите муглов, если б его собственную дочь обвинили в убийстве муглорожденных... К счастью, дневник обнаружили, а воспоминания Реддля из него стерты. Кто знает, каковы были бы последствия в противном случае...

Мистер Малфой заставил себя заговорить.

— Да, повезло, — выдавил он.

И все же за его спиной Добби продолжал тыкать пальцем сначала в дневник, потом в Люциуса Малфоя, а затем стучал себя по голове.

И Гарри вдруг понял. Он кивнул Добби, и тот отступил в угол, в наказание выкручивая себе уши.

— А вы не хотите узнать, как этот дневник попал к Джинни, мистер Малфой? — спросил Гарри.

Люциус Малфой грозно повернулся к нему.

— Откуда мне знать, как он попал к этой маленькой идиотке? — рявкнул он.

— Его подложили вы, — сказал Гарри. — У Завитуша и Клякца. Вы взяли ее учебник по превращениям и сунули внутрь дневник, так?

Он увидел, как сжимаются и разжимаются белые кулаки мистера Малфоя.

— Это еще нужно доказать, — прошипел он.

— О, разумеется, никто не докажет, — вмешался Думбльдор, улыбаясь Гарри. — Особенно теперь, когда Реддль стерт из дневника. С другой стороны, я бы посоветовал вам, Люциус, больше не раздавать старые школьные принадлежности Лорда Вольдеморта. Если еще хоть одна попадет в невинные руки, я думаю, Артур Уизли первым позаботится о том, чтобы доказать вашу причастность...

Люциус Малфой постоял мгновение, и Гарри отчетливо увидел, как дернулась его рука — видимо, он сгорал от желания достать волшебную палочку. Вместо этого он обратился к своему домовому эльфу:

— Мы уходим, Добби!

Он рывком распахнул дверь и, когда эльф бросился к нему, пинком выкинул несчастное создание вон. Долго было слышно, как Добби подвывает от боли. Гарри застыл в глубоком раздумье. И тут до него дошло...

— Профессор Думбльдор, — лихорадочно заговорил он, — а можно я верну дневник мистеру Малфою? Пожалуйста?

– Конечно, Гарри, – спокойно ответил Думбльдор. – Но поторопись. А то пир закончится...

Гарри схватил дневник и пулей вылетел из кабинета. Стенания Добби звучали глуше. Быстро, гадая, сработает ли то, что он придумал, Гарри сдернул с ноги башмак, снял грязный склизкий носок и запихнул в него блокнот. И понесся по темному коридору.

Он догнал их на вершине лестницы.

– Мистер Малфой! – выдохнул он, затормозив. – Это вам...

И впихнул вонючий носок в руку Люциусу Малфой.

– Что за?..

Мистер Малфой сорвал с дневника носок, брезгливо отшвырнул мерзость в сторону и перевел гневный взгляд с испорченного блокнота на Гарри.

– Однажды тебя ждет то же, что и твоих родителей, Гарри Поттер, – негромко произнес он. – Они тоже совали нос куда не следует. – Он отвернулся. – Пошли, Добби! Я сказал, *пошли*.

Но Добби не шевелился. Он держал отвратительный носок, будто бесценное сокровище.

– Хозяин дал носок, – в недоуменном восторге сказал он. – Хозяин дал его Добби.

– Что еще за чушь? – рявкнул мистер Малфой. – Что ты несешь?

– Получил носок, – не веря сам себе, проговорил Добби. – Хозяин выкинул, а Добби поймал, и теперь – Добби *свободен*.

Люциус Малфой замер, уставившись на эльфа. А потом бросился на Гарри:

– Из-за тебя я лишился слуги, паскудник!

Но Добби закричал:

– Вы не смеете обижать Гарри Поттера!

Раздалось громкое «бэмц!», и мистера Малфоя отбросило назад. Он свалился с лестницы, перелетая через три ступени, и мятой кучей приземлился на нижнюю площадку. Затем поднялся, смертельно побелев, и вытащил палочку, но Добби угрожающе поднял длинный палец.

– Вы уйдете, – свирепо выпалил он, сверху вниз указывая на мистера Малфоя. – Вы не тронете Гарри Поттера. Вы уйдете.

У Люциуса Малфоя не оставалось выбора. Бросив последний, полыхающий яростью взгляд на стоящую наверху парочку, он

запахнулся в мантию и скрылся из виду.

– Гарри Поттер освободил Добби! – взвизгнул эльф, не отрывая от Гарри благодарных глаз, в которых отражался лунный свет из ближайшего окна. – Гарри Поттер освободил Добби!

– Хотя чем-то помог, – ухмыльнулся Гарри. – Только обещаю больше не спасать мне жизнь.

Уродливое бурое лицо эльфа внезапно разлезлось в широчайшей зубастой улыбке.

– У меня только один вопрос, – сказал Гарри, когда Добби дрожащими от волнения руками натянул на ногу грязный носок. – Ты говорил, все это не касается Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, помнишь? В общем...

– Я хотел дать вам ключ, сэр, – сказал Добби, расширяя глаза так, будто объяснял очевидное, – я подсказывал. Черного Лорда, до того как он сменил имя, можно было называть как угодно, понимаете?

– И правда, – невнятно произнес Гарри. – Ну, я лучше пойду. А то там пир, да и моя подруга Гермиона должна уже очнуться...

Добби обхватил Гарри руками за талию.

– Добби и не знал, какой Гарри Поттер великий! – вскрикнул он. – Прощайте, Гарри Поттер!

И с последним громким треском Добби исчез.

Гарри бывал на нескольких школьных пирах, но такого еще не видывал. Все пришли в пижамах, а празднование длилось всю ночь. Гарри даже не знал, какой момент понравился ему больше всего: когда Гермиона бросилась ему навстречу с криками: «Ты разгадал! Ты разгадал!», или когда Джастин кинулся от хуффльпффского стола, чтобы пожать ему руку (так пылко, что чуть не вывернул), бесконечно извиняясь за подозрения, или когда в половине четвертого утра объявился Огрид и так крепко огрел по плечам Гарри и Рона, что оба ткнулись носами в тарелки с бисквитами, или когда с четырьмястами очками, которые они с Роном принесли родному колледжу, «Гриффиндор» уверенно выиграл школьный кубок вот уже второй год подряд, или когда профессор Макгонаголл объявила, что в подарок школе экзамены отменяются («Ой нет!» – вскрикнула Гермиона), или когда Думбльдор сообщил, что, к сожалению, профессор Чаруальд не сможет остаться преподавать на следующий год, поскольку ему нужно

ехать восстанавливать память. К крикам, приветствовавшим эту новость, присоединилось немало учительских голосов.

— Какая жалость, — сказал Рон, запихивая в рот пончик с вареньем, — я уже к нему привязался.

Остаток семестра растворился в ослепительном солнечном сиянии. Жизнь в «Хогварце» понемногу налаживалась, не считая мелких перемен: уроки по защите от сил зла отменились («Ну, в этом мы напрактиковались и так», — сказал Рон расстроенной Гермионе), а Люциуса Малфоя исключили из правления школы. Драко больше не расхаживал по замку с хозяйским видом. Наоборот, он угрюмо дулся. А вот Джинни снова повеселела.

Как всегда, день отъезда подошел чересчур быстро. Гарри, Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Джинни сели в одно купе. Они постарались с толком использовать последние часы перед каникулами, когда еще разрешалось колдовать. Играли в карты-хлопушки, запустили последние филибустеровские петарды и потренировались магически обезоруживать друг друга. Гарри делал большие успехи.

Перед самым вокзалом Кингз-Кросс Гарри вдруг вспомнил одну вещь.

— Джинни, а за каким таким занятием ты застала Перси, о чем он запретил говорить?

— А, это, — хихикнула Джинни. — Ну... у Перси есть *девушка*.

Фред уронил стопку книг на голову Джорджу.

— Что?

— Староста из «Вранзора», Пенелопа Диамант, — объяснила Джинни. — Это ей он писал прошлым летом. Все время тайно встречался с ней в школе. Я их застукала, когда они *целовались* в пустом классе. Он так расстроился, когда она... ну, вы понимаете... когда она окаменела. Вы не будете его дразнить? Нет? — разволновалась она.

— Не смеем и мечтать, — сказал Фред с видом именинника.

— Ни в коем случае, — хищно ухмыльнулся Джордж.

«Хогварц-экспресс» замедлил ход и остановился.

Гарри достал перо и кусочек пергамента и повернулся к Рону с Гермионой.

– Это называется «номер телефона», – сказал он Рону, дважды нацарапал одни и те же цифры, разорвал пергамент надвое и протянул друзьям. – Прошлым летом я рассказывал твоему папе, как пользоваться телефоном, – он знает. Позвони мне к Дурслеям, ладно? Я не вынесу целых два месяца наедине с Дудли...

– Но твои дядя и тетя будут тобой гордиться, да? – сказала Гермиона, когда они сошли с поезда и влились в толпу, спешившую к волшебному барьеру. – Когда узнают, что ты сделал в этом году?

– Гордиться? – переспросил Гарри. – С ума сошла? Столько шансов умереть, а я ни одним не воспользовался! Да они взбесятся!..

И вместе ребята сквозь барьер вышли в мир муглов.

Книги из серии о Гарри Поттере (в порядке чтения):

Гарри Поттер и философский камень

Гарри Поттер и тайная комната

Гарри Поттер и узник Азкабана

Гарри Поттер и кубок огня

Гарри Поттер и орден феникса

Гарри Поттер и принц-полукровка

Гарри Поттер и Дары Смерти

Прочтите первую главу следующей книги из серии о Гарри Поттере...

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и узник Азкабана

ГАРРИ ПОТТЕР

И УЗНИК АЗКАБАНА

3

ДЖ.К. РОУЛИНГ

Глава первая

Совиная почта

По всем статьям Гарри Поттер был весьма необычным ребенком. Взять хотя бы то, что он ненавидел летние каникулы. Или то, что он честно готовил каникулярные домашние задания, но только тайно, под покровом ночи. А еще он был колдун.

Уже почти наступила полночь, а Гарри, в палатке из одеяла, лежал на животе и при свете карманного фонарика читал подпертую подушкой книгу в кожаном переплете («Историю магии» Батильды Бэгшот). Гарри водил кончиком орлиного пера над страницей и, насупив брови, выискивал что-нибудь полезное для сочинения на тему «Бессмысленность сожжения ведьм в четырнадцатом столетии».

Перо зависло над подходящим параграфом. Гарри поправил на носу круглые очки, поднес фонарик поближе и прочитал:

Не владеющие магией люди (более известные как муглы) в Средние века особенно боялись колдовства, однако не обладали даром распознавать оное. В редких случаях, когда им удавалось поймать настоящих ведьм или колдунов, сожжение не приносило ожидаемого результата. Колдун или ведьма прибегали к базовому заклятию заморозь-огонь и притворно вопили от боли, в действительности испытывая лишь легкую щекотку. Например, Убожка Уэнделин так любила жариться на костре, что под разными обличьями позволяла отловить себя не менее сорока семи раз.

Гарри зажал перо зубами и полез под подушку за чернильницей и свитком пергамента. Медленно и очень осторожно он отвинтил крышечку, обмакнул перо в чернильницу и начал писать, то и дело останавливаясь и прислушиваясь, – если кто-то из Дурслеев по пути в ванную услышит скрип пера, Гарри, скорее всего, запрут в чулане под лестницей до конца каникул.

Из-за семейства Дурслеев, проживавшего в доме № 4 по Бирючинной улице, Гарри и ненавидел летние каникулы. Дядя Вернон, тетя Петунья, их сын Дудли – у Гарри не осталось другой родни. Все трое были муглы и очень по-средневековому относились к

колдунам. О погибших родителях Гарри – а те как раз были колдун и ведьма – в стенах дома на Бирючинной улице упоминать не полагалось. Многие годы тетя Петуния и дядя Вернон надеялись жестким воспитанием выбить из Гарри магические таланты. К их великому возмущению, ничего не вышло, и теперь они жили в постоянном страхе: вдруг кто узнает, что племянник вот уже два года учится в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств. Дурслеям только и оставалось, что в первый же день каникул запереть в чулане книги заклинаний, волшебную палочку, котел и метлу и запретить мальчику разговаривать с соседями.

Недоступность учебников стала настоящим бедствием, потому что в «Хогварце» на каникулы задавали много. Одна работа, особенно сложная, про уменьшительные отвары, предназначалась для самого нелюбимого учителя, профессора Злея, а тот лишь возрадовался бы поводу наложить на Гарри суровое взыскание на месяц-другой. Что же, никуда не денешься – пришлось воспользоваться первым удобным случаем. В самом начале каникул, пока дядя Вернон, тетя Петуния и Дудли восхищались в саду новой служебной машиной дяди Вернона (нарочито громко, дабы никто из соседей не пропустил новости), Гарри прокрался на первый этаж, вскрыл замок чулана под лестницей, схватил книжки, сколько мог унести, и спрятал их у себя в комнате. Если не заляпает простыни чернилами, Дурслеи и не узнают, что он по ночам изучает магию.

Сейчас Гарри вовсе не хотелось раздражать дядю с тетей. Они и без того злились: спустя неделю после начала каникул ему осмелился позвонить по телефону приятель-колдун.

Рон Уизли, лучший друг Гарри по «Хогварцу», происходил из колдовской семьи. Рон с детства знал много всякого, о чем Гарри и не подозревал, зато никогда еще не пользовался телефоном. По совсем уж несчастливому совпадению трубку снял дядя Вернон.

– Вернон Дурслей слушает.

Гарри, в это время оказавшийся в комнате, прямо замер, услышав голос Рона:

– АЛЛО? АЛЛО? ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? ПОЗОВИТЕ – ПОЖАЛУЙСТА – ГАРРИ – ПОТТЕРА!

Рон так орал, что дядя Вернон подпрыгнул, отодвинул трубку от уха на фут и воззрился на нее в гневе и тревоге.

– КТО ГОВОРИТ? – проревел он в направлении микрофона. – ВЫ КТО?

– РОН – УИЗЛИ! – надрывно прокричал Рон, будто они с дядей Верноном разговаривали через целое футбольное поле. – Я – ДРУГ – ГАРРИ – ПО ШКОЛЕ...

Маленькие дядины глазки метнулись к Гарри. Ноги у мальчика словно приросли к полу.

– ЗДЕСЬ НЕТ НИКАКОГО ГАРРИ ПОТТЕРА! – прогрохотал дядя. Теперь он держал трубку еще дальше, словно боялся, что она вот-вот взорвется. – НЕ ЗНАЮ, О КАКОЙ ТАКОЙ ШКОЛЕ ВЫ ГОВОРИТЕ! НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ЗВОНИТЕ СЮДА! И НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ К МОЕМУ ДОМУ И МОЕЙ СЕМЬЕ!

И бросил трубку на рычаг – будто ядовитого паука отшвырнул.

После этого разразился грандиознейший из скандалов.

– КАК ТЫ ПОСМЕЛ СООБЩИТЬ НАШ НОМЕР ТАКИМ... ТАКИМ... ТАКИМ, КАК ТЫ! – вопил дядя Вернон, обрызгивая Гарри слюной.

Рон, очевидно, понял, что навлек на друга неприятности, и больше не звонил. И лучшая подруга Гарри по «Хогварцу», Гермиона Грейнджер, тоже не объявлялась. Гарри подозревал, что Рон посоветовал ей не звонить, и это было очень жалко: Гермиона, самая умная девочка у них в классе, родилась в семье муглов, прекрасно умела пользоваться телефоном и, наверное, догадалась бы не сообщать, из какой она школы.

В общем, пять долгих недель Гарри не получал от друзей известий, и лето оборачивалось немногим лучше предыдущего. Одно только радовало: поклявшись, что не станет писать друзьям, Гарри получил разрешение ночами выпускать сову Хедвигу. Дядя Вернон сдался, потому что Хедвига от постоянного сидения в клетке дурела и ночью никому не давала спать.

Гарри дописал про Убожку Уэнделин и снова прислушался. Тишину в спящем доме нарушали только отдаленные раскаты – храпел Дудли, двоюродный брат. Наверное, уже очень поздно. Глаза от усталости чесались. Может, закончить завтра ночью?..

Гарри завинтил крышку на чернильнице, вытащил из-под кровати старую наволочку, сложил туда фонарик, «Историю магии», сочинение, перо и чернила, встал и, приподняв половицу под

кроватью, всё спрятал. Затем выпрямился и потянулся. На тумбочке светился циферблат будильника.

Час ночи. В животе екнуло. Оказывается, ему уже час как тринадцать.

Вот еще одна странность: к своим дням рождения Гарри был безразличен. За всю жизнь он не получил ни единой открытки. Дурслеи не поздравляли его уже два года, вряд ли и на этот раз вспомнят.

В темноте Гарри подошел к раскрытому окну. Облокотился на подоконник. После долгого сидения под одеялом прохладный ночной ветерок приятно освежал лицо. Большая совиная клетка пустовала – Хедвиги не было уже две ночи подряд. Гарри не беспокоился – она и раньше так улетала, – но очень ее ждал. В этом доме только сова не шарахалась от колдунов.

Гарри оставался невысоким и худеньким для своего возраста, но все же подросток за год на пару дюймов. А вот его угольно-черные волосы по-прежнему упрямо топорщились, что ты с ними ни делай. Из-за очков смотрели все те же ярко-зеленые глаза, а на лбу сквозь челку отчетливо проглядывал тонкий зигзагообразный шрам.

Шрам был главной особенностью Гарри – но отнюдь не наследием автокатастрофы, якобы убившей его родителей, как десять лет подряд лгали Дурслеи. Лили и Джеймс Поттеры погибли вовсе не в аварии. Их убил самый страшный злой колдун последнего столетия, Лорд Вольдеморт. А вот Гарри при этом получил всего-навсего шрам на лбу. Проклятие Вольдеморта не убило мальчика – оно отрикошетило в того, кто его наслал. Еле живой, Вольдеморт исчез...

Но Гарри встретился с ним лицом к лицу в «Хогварце». И сейчас, у окна, вспоминая их последнюю встречу, Гарри вынужден был признать, что, раз он сумел дожить до тринадцатилетия, ему крупно повезло.

Он обвел глазами звездное небо, поискал Хедвигу. Вдруг она уже летит к нему сдохлой мышью в клюве и ждет похвалы? Рассеянно скользя взглядом по крышам, Гарри не сразу осознал, что видит.

Силуэтом против золотой луны, с каждым мгновением увеличиваясь, к нему неровными скачками приближалось непонятное кривобокое создание. Гарри стоял неподвижно и следил, как оно снижается. Долю секунды он колебался, держась за шпингалет, не

захлопнуть ли окно. Но тут странное создание влетело в круг света над фонарем на Бирючинной улице, и Гарри, разглядев, что это такое, отпрыгнул в сторону.

В окно влетели три совы. Две поддерживали между собой третью – та, кажется, была в обмороке. С мягким «плюх» они приземлились на кровать. Средняя птица, большая и серая, завалилась на бок и застыла. К ее лапкам был привязан большой сверток.

Гарри сразу же узнал несчастного филина – звали его Эррол, и принадлежал он семейству Уизли. Гарри кинулся к кровати, отвязал от Эррола сверток и отнес измученную птицу в клетку Хедвиги. Эррол открыл мутный глаз, еле слышно благодарно ухнул и начал жадно глотать воду.

Гарри обернулся к двум другим совам. Одна, снежно-белая, – его Хедвига. Она тоже принесла пакет и была чрезвычайно горда собой. Когда хозяин освободил ее от ноши, она любовно его ущипнула и перелетела к Эрролу.

Третью сову, красивую рыжевато-коричневую, Гарри не знал, но понял, откуда она прилетела: помимо посылки она принесла письмо с гербом «Хогварца». Когда Гарри все у нее забрал, она важно распушила перья, расправила крылья и вылетела через окно в ночь.

Гарри сел на кровать, схватил пакет, принесенный Эрролом, разорвал оберточную бумагу и обнаружил подарок в золотой упаковке, а также первую в жизни поздравительную открытку. Дрожащими пальцами он распечатал конверт. Оттуда выпало два листка – письмо и газетная вырезка.

Вырезка была явно из волшебной газеты «Оракул», потому что люди на черно-белой фотографии двигались. Гарри разглядел вырезку и прочитал:

***РАБОТНИК МИНИСТЕРСТВА МАГИИ ВЫИГРЫВАЕТ
ГЛАВНЫЙ ПРИЗ***

Артур Уизли, начальник отдела неправомерного использования мугл-артефактов, выиграл главный приз в ежегодной лотерее «Оракула».

Довольный мистер Уизли сообщил нашему корреспонденту: «Мы потратим деньги на летнее путешествие в Египет, где наш

старший сын Билл работает взломщиком заклятий в банке «Тринготтс»».

Семья проведет в Египте месяц и возвратится к началу учебного года в школу «Хогварц», которую в настоящее время посещают пятеро детей Уизли.

Гарри поглядел на фотографию, и широкая улыбка расплзлась по его лицу: ему отчаянно махали все девятéro Уизли. Они позировали перед огромной пирамидой. Маленькая и пухленькая миссис Уизли; высокий, лысеющий мистер Уизли; шестеро сыновей и одна дочка, все (хоть на черно-белой фотографии и не видно) огненно-рыжие. Прямо посередине стоял Рон, долговязый и нескладный, с ручной крысой Струпи́ком на плече. Одной рукой он обнимал за плечи младшую сестренку Джинни.

Семейство Уизли, пожалуй, как никто нуждалось в крупном выигрыше. Они были невероятно милые и невероятно бедные люди. Гарри развернул письмо Рона.

Привет, Гарри!

С днем рождения!

Слушай, я страшно извиняюсь за тот звонок. Надеюсь, муглы тебя не сожрали? Я спросил у папы, он говорит, я зря так орал.

В Египте здорово. Билл водил нас по гробницам – там от древних жрецов столько всяких заклятий, не поверишь! В последнюю гробницу мама даже не пустила Джинни. Там скелеты-мутанты – муглы, которые туда когда-то влезли, а теперь у них выросли лишние головы и все в таком роде.

Я прямо обалдел, когда папа выиграл в лотерею «Оракула». Семьсот галлеонов! Они, правда, почти целиком ушли на поездку. Но мне все равно купят новую палочку.

Гарри прекрасно помнил, при каких обстоятельствах сломалась старая волшебная палочка Рона. Это случилось, когда автомобиль, на котором они с Роном прилетели в «Хогварц», врезался в дерево на школьном дворе.

Мы вернемся за неделю до начала учебного года и поедем в Лондон за палочкой и учебниками. Может, встретимся?

Не сдавайся муглам без боя!

И постарайся приехать в Лондон.

Рон

P.S. Перси у нас старший староста. На той неделе прислали уведомление.

Гарри снова поглядел на фотографию. Перси, который пойдет в седьмой, последний, класс «Хогварца», и правда смотрится щеголем. Значок «Старший староста» приколот к феске, лихо сидящей на прилизанных волосах. Очки в роговой оправе сверкают на ярком египетском солнце...

Гарри распаковал подарок. Внутри оказался какой-то стеклянный волчок. А под ним – еще одна записка от Рона.

Гарри! Это карманный горескоп. Если рядом с тобой человек, которому нельзя доверять, волчок должен светиться и вращаться. Билл, правда, говорит, что это барахло для туристов и на самом деле горескоп ненадежный, потому что вчера за ужином только и делал, что светился и вертелся. Но Билл не знал, что Фред с Джорджем накидали ему жуков в суп.

Ну пока!

Рон

Гарри поставил карманный горескоп на тумбочку. Горескоп застыл, балансируя на острой вершине. В нем отразились светящиеся стрелки будильника. Счастливый Гарри еще посмотрел на горескоп, а потом занялся свертком, который принесла Хедвига.

Там тоже был запакованный подарок, открытка и письмо, на сей раз от Гермионы.

Дорогой Гарри!

Рон написал мне, как говорил по телефону с твоим дядей Верноном. Очень надеюсь, что ты еще жив.

Я сейчас во Франции и не знала, как отправить тебе посылку – что, если вскроют на таможне, – но тут вдруг появилась Хедвига! По-моему, ей очень хотелось, чтобы ты наконец что-то получил ко дню рождения. Я заказала подарок по совиной почте; увидела

рекламу в «Оракуле» (мне его сюда доставляют; приятно быть в курсе событий колдовского мира). Видел неделю назад фотографию Рона и его родных? Наверняка он сейчас узнаёт много нового, мне даже завидно – древнеегипетские жрецы владели удивительными секретами.

Тут тоже своя, местная, история колдовства. Я заново переписала сочинение по истории магии, включила то, что выяснила здесь. Надеюсь, профессор Биннз не сочтет сочинение слишком длинным – получилось на два свитка больше, чем он задавал.

Рон говорит, что на последней неделе каникул приедет в Лондон. А ты приедешь? Дядя и тетя отпустят? Очень-очень надеюсь, что у тебя получится. А если нет, увидимся в «Хогварц-экспрессе» первого сентября!

С любовью,

Гермиона

P.S. Рон говорит, что Перси теперь старший староста. Не сомневаюсь, что Перси очень гордится. А вот Рон, по-моему, не в восторге.

Гарри посмеялся, отложил письмо и взял подарок. Очень тяжелый. Зная Гермиону, Гарри не сомневался, что внутри толстенная книга про какие-нибудь сложнейшие заклинания, но оказался неправ. Сердце у него сладостно сжалось, когда он сорвал обертку и увидел черный, мягчайшей кожи чемоданчик. Серебряные буквы на крышке гласили: «Набор для техобслуживания метел».

– Ух ты! Ну, Гермиона! – восторженно прошептал Гарри и расстегнул молнию.

Внутри лежала большая банка шикблеска фабрики «Короход» для полировки древка, сверкающий секатор для подравнивания хвостовых хворостин, миниатюрный медный компас, прикрепляемый к древку на время длительных полетов, а также «Карманный справочник по техническому обслуживанию метлы».

В каникулы Гарри ужасно скучал не только по друзьям, но и по квидишу, самой популярной спортивной игре колдовского мира – очень опасной и очень увлекательной. В нее играли на метлах. Гарри

оказался превосходным игроком, самым молодым за столетие, допущенным в школьную команду. Гоночная метла «Нимбус-2000» была одним из драгоценнейших его сокровищ.

Гарри отложил кожаный чемоданчик и взял последнюю посылку. Он сразу же узнал неровные каракули на коричневой бумаге: почерк Огрида, хранителя ключей «Хогварца». Гарри сорвал верхний слой упаковки, разглядел что-то кожистое, зеленое, но как следует распаковать не успел: сверток странно содрогнулся и то, что находилось внутри, громко клацнуло – будто зубами.

Гарри замер. Вряд ли Огрид намеренно прислал что-то опасное, но, с другой стороны, у Огрида свой взгляд на то, что опасно, а что нет. Огрид водил дружбу с гигантскими пауками, покупал свирепейших трехголовых псов у случайных собутыльников в пабе и контрабандой носил в свою хижину яйца драконов.

Гарри опасливо потыкал сверток. Снова раздалось клацанье. Гарри схватил лампу с тумбочки и занес над головой. Затем другой рукой сдернул остатки упаковки.

Из свертка выпала... книга. Гарри едва разглядел красивый зеленый переплет с блистающей золотой надписью «Чудовищная книга чудовищ», и тут книга перевернулась обрезом вниз и споро, покрабьи, побежала по кровати.

– Ой-ой, – бормотнул Гарри.

Книга грохнулась с кровати и быстро заковыляла по комнате. Гарри крался за ней. Книга спряталась в темноте под письменным столом. Молясь про себя, чтобы не проснулись Дурслеи, Гарри опустился на четвереньки и потянулся за беглянкой.

– Ай!

Книга, захлопнувшись, укусила его за руку и проскочила мимо, ловко перебирая обложками. Гарри на четвереньках побежал за ней, бросился всем телом и сумел прижать книгу к полу. В соседней комнате дядя Вернон громко заворчал во сне.

Хедвига и Эррол с интересом наблюдали, как Гарри, крепко обнимая книгу, спешит к комоду, достает ремень и туго стягивает норовистое создание. «Чудовищная книга» сердито задержалась, но больше не могла хлопать и кусаться, так что Гарри кинул ее на кровать и наконец прочитал открытку Огрида.

Дорогой Гарри!

С днем рождения!

Думаю, эта книга скоро пригодится тебе для учебы. Больше ничего пока не буду говорить. Скажу, когда увидимся.

Муглы не слишком донимают?

Всего самого-самого,

Огрид

То, что Огрид счел кусачую книгу полезной для занятий, показалось Гарри зловещим предзнаменованием, но он, улыбаясь шире прежнего, положил открытку от Огрида к открыткам Рона и Гермионы. Осталось письмо из «Хогварца».

Обратив внимание на то, что пакет значительно толще, чем обычно, Гарри вскрыл конверт, вынул первый лист пергамента и прочитал:

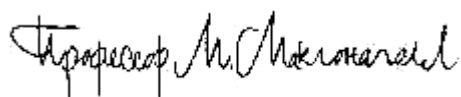
Уважаемый мистер Поттер!

Уведомляем Вас, что учебный год начинается первого сентября. «Хогварц-экспресс» отправится в 11 часов утра с вокзала Кингз-Кросс, платформа 9¾.

Сообщаем также, что учащимся третьего года обучения позволяется посещать деревню Хогсмед по определенным выходным дням. Для этого родители или опекуны должны подписать разрешение.

Соответствующий документ и список необходимой литературы прилагаются.

Искренне Ваша,

заместитель директора

Гарри достал разрешение. И перестал улыбаться. Было бы прекрасно ходить в Хогсмед по выходным; Гарри знал, что Хогсмед – деревня, где живут одни колдуны, и раньше никогда там не бывал. Но как, спрашивается, убедить тетю Петунию или дядю Вернона подписать пергамент?

Он взглянул на часы. Уже два ночи.

Решив, что о Хогсমেде он подумает завтра, когда проснется, Гарри забрался в постель и вычеркнул еще один день из настенного

самодельного календарика, показывавшего, сколько осталось до возвращения в «Хогварц». Затем снял очки и лег, любуясь на поздравительные открытки.

Каким бы необыкновенным ни был Гарри, сейчас он, как любой другой на его месте, был счастлив впервые в жизни, что у него день рождения.

Pottermore

from J.K. Rowling

Pottermore

from J.K. Rowling

Узнайте еще больше о мире J.K. Rowling's Wizarding World...

Посетите сайт www.pottermore.com, на котором вы сможете пройти настоящую церемонию распределения, прочесть эксклюзивные новые материалы от Дж. К. Роулинг и узнать о последних новостях из мира Wizarding World.

Pottermore – это компания Дж. К. Роулинг, занимающаяся цифровыми публикациями, электронной коммерцией, развлечениями и новостями. Она является всемирным издательством электронных материалов о Гарри Поттере и мире J.K. Rowling's Wizarding World. Сайт pottermore.com – цифровое сердце мира J.K. Rowling's Wizarding World. Он призван пробуждать силу воображения. Здесь вы найдете новости, очерки, статьи, а также новые и ранее не издававшиеся материалы Дж. К. Роулинг.

Оригинальное название: Harry Potter and the Chamber of Secrets

Перевод с английского: Марии Спивак

Все права защищены; никакая часть этой публикации не подлежит воспроизведению, полностью или частично, или передаче в любой форме и любыми средствами, будь то с помощью ксерокопирования, записи или электронным, механическим или иным способом, без предварительного разрешения издателя

Это цифровое издание было впервые опубликовано компанией Pottermore Limited в 2016 г

Впервые опубликовано в печатном виде в Россия в 2014 году издательством Азбука-Аттикус

Авторские права на текст © J.K. Rowling 1998

Иллюстрация на обложке: Олли Мосс © Pottermore Limited

Перевод на русский язык © Азбука-Аттикус

Harry Potter characters, names and related indicia are trademarks of and © Warner Bros. Entertainment Inc.

J.K. ROWLING'S WIZARDING WORLD TM J.K. Rowling and Warner Bros. Entertainment Inc.

Моральное право автора защищено

ISBN 978-1-78110-189-6